Б. КИСТЯКОВСКІЙ.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛАГО.

КЪ ИСТОРІИ КОНСТИТУЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

По поводу книги:
В. Я. БОГУЧАРСКІЙ.
Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка.
Партія „Народной воли", ея происхожденіе, судьбы и гибель.

Москва 1912. IV+483.

МОСКВА.
1912.

„Пров 38"

15338.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстн. бул.,Путинк. п., соб. д.
1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Партія Народной Воли. . . . . . 2—20

Книга В. Я. Богучарскаго и ея пріемы воспроизведенія историческихъ событій 2—5. Краткій очеркъ событій, подлежащихъ изслѣдованію 5—9. Провокація у конституціоналистовъ и революціонеровъ 9—13. Дегаевъ и его провокаторская дѣятельность 13—16. Соціально-политическія и организаціонныя причины гибели партіи Народной Воли 16—18. Происхожденіе этой партіи, ея якобинство 18—20.

Глава II. Священная Дружина . . . . . 20—48

Антиреволюціонная организація „Священная Дружина" и ея переговоры съ Исполнительнымъ Комитетомъ партіи Народной Воли 20—21. Соціально-политическія условія, приведшія къ этимъ переговорамъ 22—24. Участіе въ нихъ М. П. Драгоманова, В. К. Дебогорія-Мокріевича и П. Л. Лаврова 24—28. Воспоминанія объ этихъ переговорахъ М. П. Драгоманова 28—40. Священная Дружина, Добровольная Охрана и Земская Лига 40—41. Драгомановъ не могъ смѣшать Земской Лиги съ Земскимъ Союзомъ 42. Почему уполномоченные Исполнительнаго Комитета вступили въ переговоры съ Священной Дружиной или Земской Лигой? 43—48.

Глава III. „Вольное Слово" и М. П. Драгомановъ . . . . . 48—69

„Вольное Слово", органъ конституціоннаго общества „Земскій Союзъ" 48—49. Утвержденіе В. Я. Богучарскаго, что „Вольное Слово" было органомъ группы членовъ Священной Дружины; участіе въ „Вольномъ Словѣ" А. П. Мальшинскаго 49—53. Безусловно честное конституціонное направленіе „Вольнаго Слова" 53—54. Характеръ доказательствъ В. Я. Богучарскаго 54—56. Отношеніе къ террору „Вольнаго Слова", Лаврова и Драгоманова 56—60. Передовая статья М. П. Драгоманова, какъ новаго редактора „Вольнаго Слова" 61—64. Участіе въ „Вольномъ Словѣ" В. А. Гольцева 64—67. Совершенное отсутствіе личной связи между редакціей „Вольнаго Слова" и Священной Дружиной 67—69.

Стр.

Глава IV. Земскій Союзъ . . . . . 69—106

Утвержденіе В. Я. Богучарскаго о безсиліи Земскаго Союза и доказательства этого утвержденія 69—71. Оцѣнка свидѣтельскихъ показаній 72—74. Неполнота и односторонность свѣдѣній В. Я. Богучарскаго 74—75. Параллель между Земскимъ Союзомъ и Союзомъ Освобожденія 75—78. Окончательный приговоръ В. Я. Богучарскаго и и записки гр. С. Ю. Витте о Земскомъ Союзѣ 79—80. Скептическое отношеніе В. Я. Богучарскаго къ сообщенію о существованіи программы Земскаго Союза 80—82. Свѣдѣнія объ этой программѣ 82— 7. Брошюра—„Политическая программа общества „Земскій Союзъ" 87—88. „Программа дѣйствія" и экономическая программа Земскаго Союза 89—90. Конституціонный проектъ гр. П. П. Шувалова 90—93. Записка о противоправительственныхъ сообществахъ, не столь вредныхъ 94 Допущенное В. Я. Богучарскимъ смѣшеніе гр. Павла Петровича Шувалова съ гр. Павломъ Павловичемъ Шуваловымъ 95. Гр. Павелъ Петровичъ Шуваловъ 90—100. А. П. Мальшинскій 100—102. Сообщеніе М. П. Драгоманова о его отношеніяхъ къ Земскому Союзу и „Вольному Слову" 102—104. Роль Земскаго Союза при подачѣ земскими собраніями конституціонныхъ адресовъ 104—105. Воспоминанія о Земскомъ Союзѣ 106.

Глава V. Историческое изслѣдованіе . . . . . 106—110

Задача историка-изслѣдователя и моралиста 106—108. Требованіе одинаковаго отношенія къ одинаковымъ фактамъ 108—109. Причины ошибокъ, допущенныхъ В. Я. Богучарскимъ въ его изслѣдованіи 110.

Глава VI. Революціонеры и конституціоналисты . . . . . 110—120

Участіе различныхъ партій въ русскомъ освободительномъ движеніи 110—111. Отрицаніе со стороны соціалистовъ необходимости конституціи 111—112. Первое конституціонное выступленіе В. А. Гольцева 112. Предсказаніе М. П. Драгоманова 113—114. Утопическое отношеніе нашихъ революціонеровъ къ политической свободѣ 114—116. Волюнтаризмъ нашихъ революціонеровъ и интеллектуализмъ конституціоналистовъ 116—118. Федерализмъ М. П. Драгоманова и русскій централистическій конституціонализмъ 118—119. Газета „Общее Дѣло" и политическій оппортунизмъ 119. Заключеніе 120.

Приложенія . . . . . 121—132
Предисловіе . . . . . 121—123
I. Дѣятельность Свящ. Дружины и Программа Добров. Охраны. 123—127
II. „Le Révoltè" и „Священная Дружина" . . . . . 127—129
III. Сыскная политика полковника Судейкина . . . . . 129—131

Одна изъ главныхъ причинъ коренного преобразованія государственнаго строя Россіи въ 1905 и 1906 годахъ, заключающаяся въ „идейныхъ стремленіяхъ русскаго мыслящаго общества", пока почти совсѣмъ не изслѣдована. У насъ не только нѣтъ исторіи возникновенія, роста и распространенія конституціонныхъ идей въ русскомъ обществѣ, но и опубликованные до сихъ поръ матеріалы и свѣдѣнія, касающіеся этого движенія, крайне неполны и отрывочны. Недавно вышедшая книга В. Я. Богучарскаго „Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка" естественно вызываетъ къ себѣ живой интересъ, такъ какъ она посвящена моменту наибольшаго подъема стремленій русскаго общества къ политической свободѣ въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія. Второе заглавіе этой книги говоритъ о томъ, что ея главный предметъ составляетъ исторія революціонной партіи „Народной Воли". Но въ самой книгѣ авторъ ея удѣляетъ много мѣста и чисто конституціонному движенію указанной эпохи. Такъ какъ пишущему эти строки приходилось довольно тщательно изучать исторію распространенія конституціонныхъ идей и конституціоннаго движенія въ Россіи, то это и побудило его подвергнуть критическому пересмотру свѣдѣнія, сообщаемыя въ книгѣ В. Я. Богучарскаго. Результаты этого критическаго изслѣдованія и изложены ниже.

I.

Книга В. Я. Богучарскаго производитъ при бѣгломъ чтеніи, впечатлѣніе чрезвычайно солиднаго, основаннаго на документальныхъ данныхъ и строго провѣреннаго историческаго изслѣдованія. Въ ней постоянно наталкиваешься на рядъ страницъ, представляющихъ перепечатку отрывковъ изъ обвинительныхъ актовъ, правительственныхъ сообщеній или мало доступныхъ и давно забытыхъ публицистическихъ произведеній. Притомъ къ воспроизводимымъ въ книгѣ документамъ, авторъ относится по внѣшности съ разборомъ и критически. Часто для того, чтобы возстановить какое-нибудь событіе или явленіе общественной жизни, онъ нагромождаетъ цѣлый рядъ сообщеній и показаній, исходящихъ изъ самыхъ различныхъ источниковъ. Иногда автора не удовлетворяетъ имѣющійся въ его распоряженіи печатный и рукописный матеріалъ; для провѣрки и пополненія его онъ обращается къ живымъ еще очевидцамъ изображаемыхъ имъ событій и воспроизводитъ сообщаемыя ими свѣдѣнія. Наконецъ, авторъ постоянно говоритъ о томъ, какъ легко впасть въ заблужденіе относительно того или другого факта, и съ какой осторожностью онъ самъ приходитъ къ своимъ выводамъ. Все это заставляетъ сперва предполагать, что все передаваемое въ книгѣ В. Я. Богучарскаго, безусловно достовѣрно и что въ ней правильно возстановленъ историческій ходъ событій.

Но при ближайшемъ анализѣ сообщаемаго въ историческомъ изслѣдованіи В. Я. Богучарскаго это первое впечатлѣніе совершенно измѣняется. Прежде всего, поражаетъ то обстоятельство, что въ книгѣ В. Я. Богучарскаго нѣтъ никакого остова; въ ней нѣтъ основного историческаго очерка, въ которомъ излагались бы главнѣйшія событія изслѣдуемаго общественнаго движенія въ ихъ исторической послѣдовательности. Конечно, всякое революціонное движеніе вызывается, обыкновенно столь сложными причинами и связывается съ столь разнообразными сторонами народной жизни, что часто бываетъ невозможно уложить

его въ одинъ историческій очеркъ, повѣствующій о другъ друга смѣняющихъ событіяхъ. Поэтому, вполнѣ можно оправдать, даже съ точки зрѣнія достиженія большей исторической точности, выдѣленіе нѣкоторыхъ сторонъ движенія и изложеніе ихъ развитія въ отдѣльныхъ очеркахъ. Отъ этого пріема и основной историческій очеркъ и добавочные — только выигрываютъ, такъ какъ первый не прерывается изложеніемъ излишнихъ деталей, а въ остальныхъ безъ ущерба для усвоенія читателемъ общаго хода смѣняющихся событій можно болѣе подробно останавливаться на точномъ возстановленіи различныхъ деталей.

В. Я. Богучарскій не пожелалъ себѣ усвоить этотъ наиболѣе раціональный пріемъ изложенія историческихъ событій. Вмѣсто того, онъ сразу разбилъ свой матеріалъ на рубрики и далъ только рядъ детальныхъ очерковъ. Неудобство выработаннаго себѣ В. Я. Богучарскимъ метода изложенія историческихъ событій, сказалось прежде всего, въ томъ, что онъ вынужденъ постоянно повторяться [1]). Однако, въ пріемѣ изложенія историческихъ событій, усвоенномъ В. Я. Богучарскимъ, заключается и чрезвычайно серьезная опасность, такъ какъ онъ можетъ привести къ полному извращенію исторической связи между фактами. Вѣдь, если разбить весь историческій матеріалъ на рубрики, то нѣтъ ни главныхъ, ни второстепенныхъ событій; тогда можно установить вполнѣ произвольное количество рубрикъ, придать этимъ рубрикамъ любой характеръ и такъ же произвольно распредѣлить имѣющійся историческій матеріалъ между этими рубриками. Такъ какъ у каждаго писателя есть свои симпатіи и антипатіи, то предоставленное его произволу

---

[1]) Такъ на страницахъ 64 и 199 приведено одно и то же правительственное сообщеніе; на стр. 186 и 341, а также 303 и 418 приведены одни и тѣ же отрывки изъ различныхъ мемуаровъ; на стр. 347 и 362 повторены одни и тѣ же слова Н. К. Михайловскаго. Число такихъ примѣровъ можно во много разъ умножить. Часто воспроизводя одни и тѣ же документы, авторъ постепенно усвоилъ себѣ привычку повторять и свои собственныя слова. Ср. хотя бы стр. 114 и 177, стр. 167 и 253, стр. 202, 203 и 204.

и будетъ рѣшаться согласно съ этими безотчетными побужденіями. Если историкъ очень субъективно относится къ изслѣдуемымъ имъ событіямъ, если вниманіе его обращено главнымъ образомъ на то, чтобы точно устанавливать лишь каждый отдѣльный фактъ, и если онъ при этомъ убаюкиваетъ себя увѣреніями, что онъ излагаетъ только факты и факты, то онъ даже не замѣтитъ, какъ въ его изложеніи ходъ историческихъ событій постепенно приметъ своеобразное направленіе, совсѣмъ не соотвѣтствующее исторической дѣйствительности. Идя дальше по этому пути, историкъ, въ концѣ-концовъ, напишетъ не историческое изслѣдованіе, а дидактическое сочиненіе на заданную себѣ тему.

По нашему глубокому убѣжденію, В. Я. Богучарскій сдѣлался жертвой этой опасности, заключавшейся въ избранномъ имъ пріемѣ группировки собранныхъ имъ матеріаловъ. Это обнаружилось въ самомъ важномъ пунктѣ историческаго изслѣдованія В. Я. Богучарскаго, въ рѣшеніи имъ вопроса о томъ, почему и какъ погибла партія „Народной Воли". Исторія нашихъ политическихъ партій показала, что естественное развитіе всякой подпольно-революціонной, а тѣмъ болѣе террористической организаціи приводитъ ее къ тому, что она, въ концѣ концовъ, необходимо попадаетъ въ руки провокатора. Теперь, послѣ разоблаченія В. Л. Бурцевымъ Азефа и послѣ опубликованія матеріаловъ по этому дѣлу партіей соціалистовъ-революціонеровъ въ этомъ нельзя больше сомнѣваться. Исторія террористической организаціи безъ завершающей ее провокаціи, это романъ безъ развязки. Конечно, В. Я. Богучарскому при составленіи своего сочиненія по исторіи партіи „Народной Воли" приходилось считаться съ тѣмъ, чтобы не игнорировать этого какъ бы соціологическаго закона развитія тайныхъ революціонныхъ организацій. Естественно, такимъ образомъ, что среди рубрикъ, между которыми В. Я. Богучарскій классифицировалъ свой историческій матеріалъ, должна была быть и рубрика—провокація; ясно также, что этой рубрикѣ полагалось быть заключительной. Дѣйствительно, книга

В. Я. Богучарскаго заканчивается разсказомъ объ одной провокаціи. Но это не та провокація, которой завершилось развитіе партіи „Народной Воли“. Сообщеніе о послѣдней В. Я. Богучарскій распылилъ между отдѣльными главами своей книги. За-то вмѣсто нея онъ выдвинулъ въ концѣ своей книги одинъ эпизодъ изъ исторіи нашего конституціоннаго движенія, въ которомъ тоже участвовала провокація, хотя роль ея тутъ была второстепенной. Однако, въ книгѣ В. Я. Богучарскаго весь этотъ эпизодъ изложенъ и освѣщенъ такъ, какъ будто-бы все въ немъ заключалось въ провокаціи.

Вспомнимъ прежде всего въ основныхъ чертахъ главнѣйшія событія изъ исторіи партіи „Народной Воли“, а также нашей политической жизни той эпохи, которыя составляютъ предметъ повѣствованія В. Я. Богучарскаго. Партія „Народной Воли“ была основана на Липецкомъ съѣздѣ въ іюнѣ 1879 г. членами различныхъ кружковъ, примыкавшихъ къ партіи „Земля и Воля“. Въ противоположность „Землѣ и Волѣ“ партія „Народной Воли“ выдвигала необходимость политической борьбы, какъ средства для достиженія ея цѣли — установленія соціалистическаго строя. Основнымъ орудіемъ политической борьбы партія считала террористическіе акты, на осуществленіе которыхъ она и направляла свои главныя силы. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ своего существованія партія успѣла подготовить или привести въ исполненіе десять такихъ актовъ. Вершины своего развитія и своей силы партія достигла въ 1880 и 1881 годахъ. Послѣ организованнаго ею взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ 5 февраля 1880 года во главѣ правительства былъ поставленъ гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ, который началъ подготовлять рядъ либеральныхъ реформъ. Завершеніемъ этихъ реформъ должна была быть такъ называемая Лорисъ-Меликовская конституція.

Въ русскомъ обществѣ это направленіе правительственной дѣятельности вызвало горячее сочувствіе и радужныя надежды. Болѣе передовые элементы нашего об-

щества уже за нѣсколько лѣтъ до этого пришли къ убѣжденію въ настоятельной необходимости для Россіи конституціонныхъ учрежденій и политической свободы; они стремились привить это убѣжденіе и болѣе широкимъ кругамъ нашего общества, а также довести о немъ до свѣдѣнія правительства. Для болѣе планомѣрной и солидарной дѣятельности въ этомъ направленіи эти первые убѣжденные и послѣдовательные русскіе конституціоналисты устраивали съѣзды, а затѣмъ и создали свою организацію. Повидимому, первый такой съѣздъ происходилъ въ Харьковѣ осенью 1878 года въ связи съ чествованіемъ украинскаго писателя Г. Ф. Квитки-Основьяненка по поводу столѣтія дня его рожденія. Затѣмъ въ декабрѣ того же года былъ устроенъ съѣздъ въ Кіевѣ, а въ концѣ марта 1879 г. на съѣздъ въ Москвѣ прибыло уже около сорока человѣкъ, которые являлись представителями шестнадцати губерній. На этихъ съѣздахъ обсуждались и принимались рѣшенія относительно конституціонныхъ выступленій въ представительныхъ органахъ мѣстнаго самоуправленія, т.-е. въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ. Въ Кіевѣ возникъ проектъ объединенія всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ, не исключая и революціонеровъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣдніе отказались отъ террористическихъ актовъ; но переговоры въ этомъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ. Къ болѣе прочной организаціи эти съѣзды привели только въ 1881 году, когда было создано „Общество Земскаго Союза и Самоуправленія“, лучше извѣстное подъ сокращеннымъ именемъ „Земскій Союзъ“, и когда была выработана его программа.

Но въ 1881 году произошелъ поворотъ въ ходѣ историческихъ событій. Главное дѣло партіи „Народной Воли“, катастрофа 1 марта 1881 г. привела къ совсѣмъ другимъ послѣдствіямъ, чѣмъ тѣ, которыхъ ожидали революціонеры; она вызвала реакцію. Правда, это обнаружилось не сразу. Лорисъ-Меликовъ былъ вынужденъ выйти въ отставку только въ маѣ 1881 г., т.-е. черезъ два съ

лишнимъ мѣсяца послѣ вступленія на престолъ Александра III. Его преемникомъ на посту Министра Внутреннихъ дѣлъ былъ гр. Н. П. Игнатьевъ, который въ числѣ мѣръ для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ вырабатывалъ также проектъ созыва Земскаго Собора. Но реакція постепенно захватывала не только правительственные круги, а и общество, начиная съ его верховъ. Однимъ изъ выраженій общественной реакціи было возникновеніе съ вѣдома и сочувствія правительства тайныхъ обществъ для борьбы съ революціей. Эти общества, возникшія подъ именами „Священной Дружины“ и „Добровольной Охраны“ или „Общества борьбы противъ террора“ и „Св. Лиги“ и, повидимому, слившіяся въ концѣ концовъ въ одну организацію, вступили во второй половинѣ 1882 г. въ переговоры съ Исполнительнымъ Комитетомъ партіи „Народной Воли“ для того, чтобы предотвратить террористическіе акты во время коронаціи, которую предполагалось назначить на весну 1883 г. Но въ концѣ 1882 г. правительство, признавъ существованіе этого общества неудобнымъ для себя, закрыло его.

Дѣятельность конституціоналистовъ первое время послѣ 1 марта не ослабѣвала. Къ 1881 году относятся даже наиболѣе рѣшительныя выступленія губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній съ заявленіями о необходимости введенія въ Россіи конституціонныхъ учрежденій. Также точно Земскій Союзъ въ качествѣ опредѣленной политической организаціи возникъ только въ первую половину 1881 года. Но въ его среду уже съ самаго его возникновенія втерлись лица, находившіяся въ сношеніяхъ съ Департаментомъ Полиціи; это объясняется, коонечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что по характеру своей дѣятельности Союзъ не могъ быть строго конспиративной организаціей. Одно изъ этихъ лицъ, журналистъ Аркадій Павловичъ Мальшинскій, основалъ при содѣйствіи нѣкоторыхъ членовъ Земскаго Союза въ Женевѣ въ августѣ 1881 года газету „Вольное Слово“, посвященную отстаиванію конституціонныхъ принциповъ на началахъ самоуправленія и децентрализаціи. Первона-

чально „Вольное Слово“ должно было обслуживать всѣ оппозиціонныя теченія, за исключеніемъ террористическаго. Но въ 1882 году въ № 37-мъ оно объявило себя прямымъ органомъ „Общества Земскаго Союза и Самоуправленія“. Въ „Вольномъ Словѣ“, начиная съ его перваго номера, ближайшее участіе принималъ бывшій профессоръ Кіевскаго Университета Михаилъ Петровичъ Драгомановъ. Онъ эмигрировалъ изъ Россіи въ началѣ 1876 года для того, чтобы по порученію своихъ друзей-украинцевъ основать за границей вольную украинскую прессу. Одновременно, съ самаго своего появленія за границей, онъ въ цѣломъ рядѣ публикацій на русскомъ языкѣ отстаивалъ необходимость введенія въ Россіи конституціи, основанной на децентрализаціи и расширеніи мѣстнаго самоуправленія. Въ концѣ 1882 года спеціальнымъ делегатомъ Земскаго Союза, которымъ былъ, повидимому, Викторъ Александровичъ Гольцевъ, М. П. Драгоманову было предложено стать во главѣ „Вольнаго Слова“. Драгомановъ принялъ это предложеніе и съ января 1883 года „Вольное Слово“ выходило подъ его редакціей. Однако подъ редакціей Драгоманова вышло только десять номеровъ „Вольнаго Слова“ (№№ 52—61). Въ маѣ 1883 г. это изданіе прекратило свое существованіе, такъ какъ Земскій Союзъ распался вслѣдствіе неосуществившихся надеждъ на коронаціонный манифестъ, отъ котораго ожидали заявленій о перемѣнѣ правительственной системы, и вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было видовъ на новыя вѣянія въ политической жизни Россіи въ ближайшемъ будущемъ.

Возвращаясь къ судьбамъ партіи Народной Воли, вспомнимъ, что въ ближайшіе полтора года послѣ 1 марта 1881 г. дѣятельность ея выразилась, если не считать пропаганду ея идей въ рядѣ революціонныхъ изданій, только въ убійствѣ генерала Стрѣльникова. Но въ теченіе этого періода ея центральныя силы были разгромлены. Къ концу 1882 года изъ членовъ Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли на свободѣ въ Россіи оставалась одна Вѣра Николаевна Фигнеръ; остальные или находились въ заключеніи

или эмигрировали. Однако въ это время существовала еще очень сильная „Военно-революціонная организація“, ближайшимъ образомъ связанная съ Исполнительнымъ Комитетомъ. Но 18 декабря 1882 года былъ арестованъ членъ этой организаціи С. П. Дегаевъ, который по порученію В. Н. Фигнеръ устроилъ въ Одессѣ партійную типографію. Повидимому, онъ сразу началъ выдавать своихъ товарищей жандармскому офицеру Г. П. Судейкину, который руководилъ дознаніемъ по его дѣлу. Уже въ началѣ января Судейкинъ устроилъ фиктивный побѣгъ Дегаеву. Послѣ этого въ теченіе почти цѣлаго года Дегаевъ при помощи Судейкина занимался провокаторской дѣятельностью, при чемъ онъ выдалъ В. Н. Фигнеръ, всю военно-революціонную организацію и много другихъ лицъ. Самую систему провокаціи, какъ средство борьбы съ революціоннымъ движеніемъ, несомнѣнно, ввелъ у насъ Судейкинъ; еще до ареста Дегаева онъ для того, чтобы компрометировать терроръ, организовалъ въ Женевѣ ультра-террористическую газету „Правду“. Судейкинъ былъ и первой крупной жертвой провокаціи со стороны правительства, такъ какъ Дегаевъ въ концѣ концовъ измѣнилъ и ему и при помощи революціонеровъ убилъ его на своей квартирѣ 16 декабря 1883 года. Такимъ образомъ, исторія партіи Народной Воли въ ея первоначальномъ составѣ заканчивается провокаціей Дегаева.

Естественно было ожидать разсказа объ этой провокаціи въ концѣ книги В. Я. Богучарскаго, такъ какъ въ исторіи партіи Народной Воли она, несомнѣнно, является заключительнымъ звеномъ, и послѣ нея всѣ попытки оживить партію оканчивались неудачей. Вмѣсто этого однако предпослѣдняя глава книги[1]) В. Я. Богучарскаго посвящена разоблаченію провокаціи А. П. Мальшинскаго, который „мистифицировалъ“ М. П. Драгоманова и вмѣстѣ съ нимъ издавалъ антитеррористическую газету „Вольное Слово“.

---

[1]) Послѣдняя глава книги В. Я. Богучарскаго посвящена литературѣ, программѣ и оцѣнкѣ значенія партіи Народной Воли.

В. Я. Богучарскій, какъ ему кажется, неопровержимо доказываетъ, что „Вольное Слово“ было органомъ „Священной Дружины“ или организаціи „мужественныхъ добровольцевъ“ изъ высокопоставленныхъ круговъ, принявшихъ личину „Земской Лиги“ или „Земскаго Союза“. Правда, хотя въ изображеніи В. Я. Богучарскаго М. П. Драгомановъ удивительно какъ легко сдѣлался орудіемъ провокаціи, В. Я. Богучарскій предупредительно оговаривается, что „М. П. Драгомановъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, разумѣется, безукоризненный“ (стр. 387), и причисляетъ его къ „безусловно преданнымъ дѣлу свободы и демократіи людямъ“. (390). Также точно далѣе, сообщивъ, что „покойный В. А. Зайцевъ и нѣкоторые другіе революціонеры считали „Вольное Слово“ главнымъ образомъ, за его борьбу съ террористическимъ направленіемъ, органомъ чисто провокаторскимъ“ [1]) (433), онъ прибавляетъ: „Это, конечно, не такъ“. Подводя итоги своимъ разоблаченіямъ, онъ даже утверждаетъ, что „такое (т.-е. провокаторское) отвратительное и преступное теченіе среди сыскныхъ органовъ Россіи не умирало отъ Судейкина и до

---

[1]) Насколько на В. А. Зайцева можно ссылаться, какъ на компетентнаго судью въ этихъ вопросахъ, можно судить по сообщаемому самимъ В. Я. Богучарскимъ (въ концѣ его книги, въ примѣчаніи) факту, что В. А. Зайцевъ принялъ брошюру Кравчинскаго-Степняка „Смерть за смерть“, „за издѣлье III Отдѣленія“. Ср. стр. 458, примѣч. Позже въ 1881 г. въ „Общемъ Дѣлѣ“, № 45, въ статьѣ „Теоретическія основанія суда надъ шпіонами“ тотъ же В. А. Зайцевъ писалъ: „Всякій не только революціонеръ, но просто честный человѣкъ, заподозривъ лицо въ шпіонствѣ, не только имѣетъ право, но и прямую обязанность высказать открыто это подозрѣніе, хотя бы съ рискомъ обвинить невиннаго. Опасность повредить одному лицу совершенно исчезаетъ передъ рискомъ сдѣлаться сообщникомъ гибели сотни людей, составляющихъ „соль земли“. Разумѣется, не должно возводить обвиненій легкомысленно; надо имѣть для этого полное нравственное убѣжденіе; оно назрѣваетъ само собой и помимо нашей воли; но разъ почувствовавъ его, надо имѣть мужество высказать его громко, не ожидая никакихъ уликъ, такъ какъ ихъ въ этомъ дѣлѣ быть не можетъ“. Ср. статью М. П. Драгоманова: „Нравственность и мужество въ обвиненіяхъ въ шпіонствѣ“—„Вольное Слово“, № 22, перепечатано въ „Собраніи политическихъ сочиненій“, Paris. 1906, т. II, стр. 373.

Азефа, но „Вольное Слово“ представляло собою безъ, сомнѣнія, нѣчто, совершенно иное“ (436). Въ промежуткѣ В. Я. Богучарскій сообщаетъ, что истинно провокаторскимъ органомъ было не антитеррористическое „Вольное Слово“, а ультра-террористическая „Правда“, но при этомъ приводитъ цитату изъ воспоминаній Элпидина, заканчивающуюся словами: „«Правда» сильно воевала съ «Вольнымъ Словомъ», во главѣ котораго стоялъ Аркадій Мальшинскій, крупная рука III отдѣленія. Словомъ, была война главнаго шпіона съ уполномоченнымъ сыщикомъ той же кухни; какъ ни странно, а фактъ“ (435). При этомъ, В. Я. Богучарскій не считаетъ нужнымъ упомянуть о томъ, что революціонеры, которыхъ издатель „Правды“ агентъ III отдѣленія (вѣрнѣе, деп. полиціи) Климовъ сманилъ къ себѣ въ сотрудники, какъ кн. В. Черкезовъ, В. Сидорацкій, и самъ Элпидинъ (о сотрудничествѣ котораго въ „Правдѣ“ В. Я. Богучарскій благоразумно умалчиваетъ), были самыми „заклятыми“ врагами М. П. Драгоманова [1]).

Разоблаченія В. Я. Богучарскаго должны, несомнѣнно, производить ошеломляющее впечатлѣніе на русскихъ читателей. Большинство изъ нихъ, конечно, никогда не слыхало о нелегальной газетѣ „Вольное Слово“ и имѣетъ очень смутное, а часто даже превратное представленіе о М. П. Драгомановѣ [2]). Между тѣмъ, В. Я. Богучарскій съ документами и фактами на основаніи цѣлаго ряда показаній вскрываетъ и точно устанавливаетъ всѣ нити, связывавшія М. П. Драгоманова съ провокаторскими предпріятіями политической полиціи и заставившія играть этого недальновиднаго дѣятеля крайне жалкую роль. Когда разоблаченія В. Я. Богу-

---

[1]) В. Черкезовъ опубликовалъ въ 1882 г. брошюру подъ заглавіемъ „Драгомановъ изъ Гадяча въ борьбѣ съ русскими революціонерами“ преисполненную такихъ ругательствъ и обвиненій, передъ которыми совершенно блѣднѣютъ нападки Серно-Соловьевича на Герцена въ извѣстной полемической брошюрѣ Серно-Соловьевича, изданной за границей въ 1867 г.

[2]) Краткій очеркъ жизни и дѣятельности М. П. Драгоманова, читатель можетъ найти въ предисловіи къ книгѣ: М. П. Драгомановъ. Политическія сочиненія. Москва 1908.

чарскаго были впервые напечатаны въ видѣ статьи въ майской книжкѣ „Руской Мысли“, то даже въ украинской газетѣ „Рада“ появился фельетонъ, въ которомъ излагалось содержаніе статьи В. Я. Богучарскаго, причемъ молодой авторъ фельетона, какъ бы извиняясь за сообщаемое имъ, оговаривался, что „хотя и горько, но надо говорить правду“. Конечно, то обстоятельство, что фельетонъ былъ напечатанъ въ „Радѣ“ показываетъ, что даже ея редакція очень плохо освѣдомлена обо всемъ, что касается М. П. Драгоманова.

Но вдумчивый читатель, даже ничего не знающій о М. П. Драгомановѣ, освободившись отъ перваго ошеломляющаго впечатлѣнія, которое производитъ книга В. Я. Богучарскаго, долженъ остановиться на одномъ вопросѣ. Развѣ развитіе партіи Народной Воли завершилось тѣмъ, что она вызвала противъ себя дѣятельность Священной Дружины, которую притомъ Высочайше велѣно закрыть уже въ концѣ ноября 1882 года? Развѣ организація Народной Воли породила только жалкую провокаторскую дѣятельность А. П. Малышинскаго и Климова? А куда же дѣвался С. П. Дегаевъ? На это надо отвѣтить, что по плану историческаго сочиненія, составленнаго В. Я. Богучарскимъ, Дегаевская провокація не входитъ въ заключительную рубрику его книги. Все, что В. Я. Богучарскій считалъ нужнымъ сообщить въ своей исторіи партіи Народной Воли о провокаціи С. П. Дегаева размѣщено по другимъ рубрикамъ и разсказано по кусочкамъ въ различныхъ главахъ его книги. Что придуманный В. Я. Богучарскимъ способъ распредѣленія историческаго матеріала между отдѣльными частями его книги долженъ производить очень странное впечатлѣніе, на это есть указаніе и въ самой его книгѣ. Такъ, когда книга В. Я. Богучарскаго появлялась еще только въ видѣ статей въ „Русской Мысли“ и трудно было обозрѣть весь ея планъ, бывшій членъ первой Думы и извѣстный земецъ И. Н. Присецкій, когда-то близко стоявшій къ партіи Народной Воли, незадолго до своей смерти, послѣдовавшей 12 сентября 1911 г. письменно обращался къ В. Я. Богучарскому съ указаніемъ на то, что Священная Дружина была закрыта

за ненадобностью въ виду того, что правительство узнало отъ арестованнаго тогда Дегаева „всю истину о положеніи дѣла въ народовольческой партіи". Однако В. Я. Богучарскій, вооружившись точными датами упомянутыхъ событій, доказываетъ, что между закрытіемъ Священной Дружины и арестомъ С. П. Дегаева прошло нѣсколько недѣль (стр. 423, примѣч.). Конечно, хронологія на сторонѣ В. Я. Богучарскаго, и въ этомъ случаѣ онъ правъ, но, очевидно, И. Н. Присецкій имѣлъ въ виду ошибку въ исторической перспективѣ у В. Я. Богучарскаго и, можетъ быть, только неправильно выразился.

Посмотримъ же теперь, какъ В. Я. Богучарскій излагаетъ дѣятельность С. П. Дегаева въ партіи „Народной Воли". Уже въ концѣ первой главы В. Я. Богучарскій говоритъ: „Въ началѣ 1883 года произошла знаменитая „Дегаевщина": Фигнеръ была арестована, сохранившаяся еще тогда военно-революціонная организація разгромлена и фактическимъ „центромъ" движенія явился Дегаевъ... вкупѣ и любѣ съ инспекторомъ секретной полиціи подполковникомъ Судейкинымъ" (стр. 44). Затѣмъ, во второй главѣ, озаглавленной „Терроризмъ" подъ номеромъ девятымъ разсказана исторія убійства Судейкина. Въ третьей главѣ, посвященной „дѣятельности народовольцевъ среди рабочихъ" о Дегаевѣ не упоминается, а говорится о Рачковскомъ и Судейкинѣ; о послѣднемъ сказано, что „Судейкину принадлежитъ по праву имя перваго по времени въ Россіи провокаціонныхъ дѣлъ мастера. Отсюда повела свою родословную и та система „дѣятельности" въ рабочей средѣ, которая получила затѣмъ названіе „Зубатовщины" и „Гапоновщины" (стр. 140). Въ четвертой главѣ — „Дѣятельность народовольцевъ въ войскахъ", сообщается объ основаніи „главной или центральной группы военно-революціонной организаціи", въ которую первоначально и вступилъ артиллерійскій штабсъ-капитанъ въ отставкѣ Сергѣй Дегаевъ (145). Во второй половинѣ этой главы, передавая о стѣсненномъ положеніи, въ которомъ очутилась партія къ началу 1883 года, В. Я. Богучарскій приходитъ къ заключенію, что „партійныя дѣла

все-же могли бы еще хоть нѣсколько оправиться, но злой рокъ наслалъ на партію „Дегаевщину". Она ее и доконала" (154). Затѣмъ, разсказавъ о томъ, какъ Дегаевъ выдалъ В. Н. Фигнеръ и всю военно-революціонную организацію, В. Я. Богучарскій констатируетъ, что „разгромъ произошелъ полный. Дѣлами сталъ руководить Дегаевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вошла въ жизнь и невѣдомая до тѣхъ поръ созданная Судейкинымъ система провокаціи"... (159). Затѣмъ по своей манерѣ онъ опять повторяетъ: „Дегаевщина же, какъ мы сказали выше, партію лишь „доканала" да внесла въ освободительное движеніе элементы небывалаго разложенія" (160). Наконецъ онъ завершаетъ эту главу длиннымъ періодомъ со вставками, который начинается словами: „Безъ проказы „Дегаевщины" и гангрены „Судейковщины" агонія партіи, вѣроятно, продолжалась бы еще два—три года" (164). Мы не будемъ приводить далнѣйшихъ мѣстъ, въ которыхъ В. Я. Богучарскій снова упоминаетъ о Дегаевѣ и Судейкинѣ. Для насъ достаточно и отмѣченнаго, для того, чтобы оцѣнить его пріемы изслѣдованія и изображенія историческихъ событій.

Главный матеріалъ, касающійся С. П. Дегаева, распредѣленъ въ книгѣ В. Я. Богучарскаго между второй и четвертой главой. При этомъ распредѣленіе матеріала между этими главами обратное исторической послѣдовательности событій. Въ предшествующей второй главѣ разсказано о ликвидаціи Дегаевщины, такъ какъ выдача революціонерамъ Судейкина была послѣднимъ дѣломъ Дегаева, и послѣ убійства Судейкина Дегаевъ исчезъ и съ революціоннаго, и съ полицейскаго горизонта. Въ послѣдующей, четвертой, главѣ сообщается о томъ, какъ С. П. Дегаевъ вступилъ въ организацію и какъ онъ выдалъ своихъ товарищей. Попытка оцѣнки дегаевскаго дѣла дана В. Я. Богучарскимъ въ концѣ второй главы. Эта оцѣнка заключается въ перепечаткѣ двухъ документовъ. Первый документъ, это, какъ выражается В. Я. Богучарскій, „оповѣщеніе о личности Дегаева", первоначально напечатанное въ № 10 „Народной Воли", т.-е. только черезъ девять мѣсяцевъ послѣ убійства Судейкина

(ср. стр. 109—112). Въ дѣйствительности, это, оправдательная записка Исполнительнаго Комитета по дѣлу Дегаева. Даже В. Я. Богучарскому приходится признать это самооправданіе Исполнительнаго Комитета въ одномъ пунктѣ не вполнѣ удачнымъ. Такъ, онъ говоритъ: „Въ вышеприведенномъ заявленіи Исполнительнаго Комитета говорится: „нѣтъ надобности прибавлять, что всѣ выдачи были прекращены безусловно съ того момента, когда Дегаевъ отдался въ распоряженіе Исполнительнаго Комитета". Это сомнительно, ибо съ момента покаянія передъ Комитетомъ (т.-е. передъ Оловенниковой и Тихомировымъ—въ то время находились еще въ Парижѣ Чернявская, Салова и Лопатинъ, но имъ тогда ничего сказано не было) до убійства Судейкина, 16 декабря 1883 года, прошло семь мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Дегаеву, разумѣется, было необходимо оправдывать „довѣріе" къ себѣ Судейкина" (113—114). Далѣе В. Я. Богучарскій сообщаетъ о поразительномъ фактѣ, что „даже Лопатину, сдѣлавшемуся формально членомъ Исполнительнаго Комитета и отправившемуся въ Россію, Тихомировымъ и Оловенниковой объ отношеніяхъ Дегаева къ Судейкину и о предъявленномъ къ Дегаеву въ Парижѣ требованіи убить Судейкина ничего не было сказано, и Лопатинъ, какъ онъ самъ говоритъ, узналъ обо всемъ этомъ совершенно неожиданно въ Петербургѣ въ ресторанѣ Палкина отъ Дегаева"... Объ еще болѣе поразительномъ фактѣ читатель узнаетъ изъ сопоставленія содержанія оправдательной записки Исполнительнаго Комитета съ свѣдѣніями, сообщаемыми тутъ же В. Я. Богучарскимъ. Этотъ фактъ заключается въ томъ, что Исполнительный Комитетъ вступилъ въ договорныя отношенія съ С. П. Дегаевымъ и поддерживалъ эти отношенія въ теченіе семи мѣсяцевъ уже послѣ того, какъ членамъ его стало извѣстно, что С. П. Дегаевъ выдалъ В. Н. Фигнеръ, всю военно-революціонную организацію, въ томъ числѣ Ашенбренера, Рогачева, Похитонова, Тихоновича и многихъ другихъ лицъ[1]). Но полное освѣщеніе этого

[1]) Конечно, отвѣтственность за это падаетъ не на всѣхъ членовъ Исполнительнаго Комитета, а главнымъ образомъ на Л. А. Тихомирова и М. Н. Оло-

факта читатель получаетъ только при сопоставленіи его съ передаваемыми въ четвертой главѣ данными о тогдашнемъ положеніи партіи, о значеніи вышеупомянутыхъ лицъ въ партіи и о способѣ выдачи Дегаевымъ своихъ товарищей. Другой документъ, приводимый В. Я. Богучарскимъ для оцѣнки дѣла Дегаева, это—отрывокъ изъ извѣстной статьи Л. Тихомирова „Въ мірѣ мерзости и запустѣнія", напечатанной въ № 2 „Вѣстника Народной Воли" (115—122). Однако въ немъ оцѣнивается лишь личность и дѣятельность Судейкина съ его авантюристскими планами воспользоваться политическими убійствами, организованными Дегаевымъ съ его вѣдома и при его содѣйствіи, для того, чтобы пробраться на вершину власти и почестей. Этимъ и оканчивается оцѣнка дегаевскаго дѣла въ книгѣ В. Я. Богучарскаго; дальше, т.-е. въ концѣ этой главы, сообщаются лишь факты о томъ, какъ одинъ изъ участниковъ этого дѣла, Л. Тихомировъ, пересталъ быть революціонеромъ. Все это вмѣстѣ, конечно, должно отвлечь вниманіе и мысль читателей отъ самого дѣла и отъ вопроса о вгнѣздившейся въ партію „Народной Воли" провокаціи.

Можетъ быть, какой-нибудь довѣрчивый читатель признаетъ, что В. Я. Богучарскій разсказалъ все, ничего не умолчалъ о дѣлѣ Дегаева и обстоятельно выяснилъ, какъ случилось, что организація „Народной Воли" въ концѣ-концовъ попала въ руки провокатора. Но люди, хотя бы въ общихъ чертахъ знакомые, съ одной стороны, съ пріемами правдиваго воспроизведенія историческихъ событій, а съ другой — съ техникой писанія историческихъ романовъ, должны будутъ признать, что В. Я. Богучарскій сдѣлалъ все для того, чтобы сгладить впечатлѣніе. В. Я. Богучарскій, такъ подробно останавливающійся на происхожденіи организаціи и термина „Исполнительный Комитетъ", вдругъ совершенно неожиданно для читателя сообщаетъ о „знаменитой Дегаевщинѣ". Гибель пар-

---

венникову. Другіе, какъ, наприм., Г. А. Лопатинъ, были запутаны въ это дѣло помимо ихъ вѣдома.

тіи „Народной Воли“ въ книгѣ В. Я. Богучарскаго совершенно не выяснена. Она уже не ясна потому, что въ его книгѣ партія погибаетъ въ концѣ каждой главы для того, чтобы возродиться въ началѣ слѣдующей. Впрочемъ, въ наиболѣе рѣшительномъ мѣстѣ, въ концѣ четвертой главы, В. Я. Богучарскій говоритъ, что „смертельный недугъ постигъ партію уже 1-го марта 1881 года“ (164), но онъ не объясняетъ, что это значитъ. Правда, эта мысль высказывалась уже много разъ въ литературѣ, и она совершенно вѣрна. Но она указываетъ только на самыя общія соціальныя и политическія причины паденія „народовольчества“. Въ самомъ дѣлѣ, ближайшая цѣль партіи „Народной Воли“ была достигнута—русскій императоръ убитъ. И что же? Ничего не произошло; все осталось по-старому. Даже болѣе,—случилось нѣчто неожиданное: ужасъ передъ совершеннымъ дѣломъ объялъ многіе до тѣхъ поръ индифферентные или даже слегка сочувствовавшіе революціонному движенію слои общества, а за ужасомъ послѣдовалъ и испугъ за собственную судьбу. Въ этомъ случаѣ существуетъ полная аналогія между событіемъ 1-го марта 1881 г. и московскимъ вооруженнымъ возстаніемъ въ декабрѣ 1905 года, такъ какъ если въ революціонномъ движеніи конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ центральное мѣсто занимала проповѣдь цареубійства, то въ революціонномъ движеніи 1905—1906 гг. ту же роль играла проповѣдь вооруженнаго возстанія [1]). Но отъ этихъ общихъ соціальныхъ и политическихъ причинъ паденія народовольческаго движенія надо отличать частныя причины, приведшія организацію „Народной Воли“ къ гибели. Вѣдь то

[1]) Вспомнимъ, что въ іюнѣ или іюлѣ 1905 года въ „Освобожденіи“ была напечатана за подписью „Освобожденецъ“ обширная статья со ссылкой на М. П. Драгоманова, въ которой доказывалась преступность проповѣди вооруженнаго возстанія. Идейная борьба М. П. Драгоманова съ партіей „Народной Воли“ заключалась главнымъ образомъ въ неустанныхъ доказательствахъ того, что преступно сводить дѣло революціи къ политическимъ убійствамъ. Съ его брошюрой „Le Tyrannicide en Russie“, изданной послѣ перваго марта, можно сопоставить въ этомъ отношеніи только мужественныя статьи П. Струве о московскомъ вооруженномъ возстаніи въ „Полярной Звѣздѣ“.

обстоятельство, что главное дѣло партіи „Народной Воли“, событіе 1 марта 1881 г., нанесло партіи смертельный ударъ, выяснилось гораздо позже, тогда же, т.-е., въ теченіе всего 1881 и даже 1882 гг., партія, несмотря на рядъ жестокихъ потерь, казалась достигшей вершины своей силы. Однако, вмѣсто выясненія дѣйствительной роли Дегаева въ сложномъ процессѣ гибели партіи В. Я. Богучарскій ограничивается повтореніемъ того, что „Дегаевщина“ лишь „доканала“ партію „Народной Воли“.

Нельзя не отмѣтить того, что и въ исторіи возникновенія партіи „Народной Воли“ В. Я. Богучарскимъ пропущены чрезвычайно важные моменты. Выше было указано на то, что онъ подробно останавливается на организаціи и терминѣ „Исполнительный Комитетъ“. Что касается самой партіи, то В. Я. Богучарскій утверждаетъ, что „въ организаціонномъ отношеніи о партіи „Народной Воли“ въ сущности не можетъ быть и рѣчи“ (41). Но въ неорганизаціонномъ отношеніи партія все-таки существовала, были же какія-то основанія для того, что и самъ В. Я. Богучарскій поставилъ слово „партія“ въ заглавіи своей книги. Впрочемъ въ самой книгѣ В. Я. Богучарскій повѣствуетъ почти исключительно объ исторіи Исполнительнаго Комитета, а не объ исторіи партіи. Однако въ такомъ обстоятельномъ историческомъ изслѣдованіи, за какое легко принять книгу В. Я. Богучарскаго; слѣдовало бы остановиться и на названіи партіи „Народная Воля“, которое очень поучительно. Вѣдь хотя партія „Народной Воли“ была одной изъ преемницъ партіи „Земля и Воля“ (другой ея преемницей была организація „Черный Передѣлъ“), и хотя въ названіи той и другой партіи второе слово было одно и то же—„Воля“, это слово имѣло различныя значенія въ этихъ двухъ случаяхъ. Въ первомъ случаѣ слово „воля“ означало свободу, а во второмъ—психическое и государственно-правовое явленіе. Это сначала было даже не для всѣхъ ясно, и одни переводили терминъ „народная воля“ — liberté du peuple, а другіе—volonté du peuple. Все это интересно потому, что съ этимъ названіемъ связано якобинство партіи

„Народной Воли". Партія (или Исполнительный Комитетъ) выдавала себя до извѣстной степени за выразительницу народной воли. В. Я. Богучарскій не изслѣдуетъ этого вопроса. Въ различныхъ мѣстахъ своей книги онъ только сообщаетъ, что въ партіи было два теченія: одно теченіе—якобинское, представителемъ котораго былъ Л. Тихомировъ (стр. 235 и 455), а другое,—отстаиваемое А. И. Желябовымъ, въ которомъ „реалистическія ноты безусловно преобладали надъ утопическими" (465). Но вѣдь Л. Тихомировъ былъ теоретикомъ партіи и главнымъ выразителемъ ея идей. Правда, у партіи былъ и другой теоретикъ—Н. А. Морозовъ, который, по словамъ В. Я. Богучарскаго примыкалъ къ желябовскому теченію. Однако В. Я. Богучарскій принужденъ тутъ же отмѣтить, что Желябову на судѣ приходилось отрекаться отъ брошюры Морозова „Террористическая борьба" (235). Очевидно, все это—вопросы, полное выясненіе которыхъ непріятно В. Я. Богучарскому. Выясненіе это не позволило бы ему въ заключеніе книги сказать: „Возвращаясь къ народовольчеству, какъ къ идеѣ, мы еще разъ говоримъ, что оно замѣчательно очистило атмосферу русскаго освободительнаго движенія отъ предразсудковъ предшествовавшей ему эпохи" (471). Правдивый историкъ долженъ былъ бы сказать не только о тѣхъ предразсудкахъ, которые партія „Народной Воли" устранила, но и о тѣхъ, которые она сама создала. Эти послѣдніе предразсудки заключались въ вѣрѣ въ то, что посредствомъ заговоровъ, конспираціи и террористическихъ актовъ можно добиться политической свободы. Они безраздѣльно господствовали въ умахъ русской передовой молодежи по крайней мѣрѣ въ теченіе десяти лѣтъ. Съ этими политическими предразсудками, несмотря на безпощадную идейную борьбу съ ними, не могли справиться въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ ни М. П. Драгомановъ, ни Г. В. Плехановъ. Только когда въ началѣ девяностыхъ годовъ возникло широкое марксистское движеніе, а затѣмъ въ началѣ новаго столѣтія выступило и движеніе идеалистическо-конституціонное, русская передовая моло-

дежь постепенно стала освобождаться отъ предразсудковъ, порожденныхъ „Народной Волей“. Къ сожалѣнію, 1905 и 1906 годы показали, что въ этой области слишкомъ часты рецидивы.

II.

Обратимся теперь къ повѣствованію В. Я. Богучарскаго о томъ, какъ М. П. Драгомановъ былъ вовлеченъ агентами департамента полиціи въ ихъ шпіонскія и провокаторскія предпріятія. Повѣствованіе это касается двухъ различныхъ событій: во-первыхъ, того, какъ М. П. Драгомановъ „рекомендовалъ“ членамъ Исполнительнаго Комитета посланца Священной Дружины Э. И. Нивинскаго, и, во-вторыхъ, участія М. П. Драгоманова, а затѣмъ и редактированія имъ „Вольнаго Слова“, основаннаго А. П. Мальшинскимъ, который выдавалъ себя за представителя Земскаго Союза, но состоялъ, несомнѣнно, въ сношеніяхъ съ Департаментомъ Полиціи.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что въ этой части книги В. Я. Богучарскій впервые сгруппировалъ значительное количество очень интереснаго, отчасти еще нигдѣ не опубликованнаго, матеріала по исторіи Священной Дружины. Только эта часть книги и представляетъ интересъ новизны и заслуживаетъ вниманія. Къ сожалѣнію, однако этотъ отчасти новый матеріалъ такъ обработанъ, что въ изложеніи В. Я. Богучарскаго онъ можетъ породить у читателей только массу заблужденій относительно дѣйствительнаго хода событій.

Въ исторіи Священной Дружины главное мѣсто занимаютъ ея сношенія съ Исполнительнымъ Комитетомъ партіи „Народной Воли“. По имѣющимся пока даннымъ, только въ этомъ и выразилась ея дѣятельность, такъ какъ объ остальныхъ шпіонскихъ предпріятіяхъ ея нѣтъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній, намѣреніе убить Рошфора и Крапоткина не превратились даже въ попытку, а ея интриги относятся не къ дѣятельности, а къ ея организаціи. Но подготовку

этого важнаго событія въ исторіи какъ Священной Дружины, такъ и Исполнительнаго Комитета В. Я. Богучарскій освѣщаетъ только съ одной стороны,—со стороны Священной Дружины. Онъ совсѣмъ не останавливается надъ вопросомъ о томъ, почему Исполнительный Комитетъ такъ легко вступилъ въ переговоры съ невѣдомой ему организаціей. Выходитъ такъ, какъ будто бы эти переговоры были навязаны Исполнительному Комитету Священной Дружиной, и М. П. Драгомановымъ, который „рекомендовалъ" членамъ Исполнительнаго Комитета перваго посланца Священной Дружины—Э. И. Нивинскаго. Это совершенно невѣрно, такъ какъ Исполнительному Комитету нельзя было навязать такихъ отношеній, а М. П. Драгомановъ, какъ мы увидимъ ниже, не могъ рекомендовать Э. И. Нивинскаго.

Пишущему эти строки не разъ приходилось бесѣдовать съ народовольцами, дѣйствовавшими въ 1882 и 1883 годахъ. Всѣ они единодушно заявляли, что въ 1882 году, до выдачи С. П. Дегаева, партія „Народной Воли" была очень сильна, по крайней мѣрѣ таковой ее считало правительство, которое предлагало партіи вступить съ нимъ въ договоръ, обѣщая за прекращеніе террора ввести конституцію. Для переговоровъ объ этомъ къ партіи были отправлены особые посланцы, которыхъ всѣ единогласно называли „игнатьевскими агентами". Это, между прочимъ, передавалъ автору этихъ строкъ и такой чуткій, отзывчивый и искренній человѣкъ, какъ покойный И. Н. Присецкій. На это В. Я. Богучарскій, по своей манерѣ отмахиваться отъ крупныхъ общественныхъ явленій мелкими справками, можетъ отвѣтить, что партія въ это время была уже очень слаба, такъ какъ изъ членовъ Исполнительнаго Комитета къ концу 1882 г. на свободѣ въ Россіи оставалась одна В. Н. Фигнеръ, да существовала еще находившаяся въ близкихъ отношеніяхъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ военно-революціонная организація. Но вѣдь партія не исчерпывалась Исполнительнымъ Комитетомъ, какъ это ошибочно хочетъ представить В. Я. Богучарскій. Онъ самъ упоминаетъ о томъ, что въ 1882 году въ Кіевѣ существовала какая-то „Кіевская орга-

низація Народной Воли", но не объясняетъ, въ чемъ она состояла (176). Повидимому, въ 1883 году она преобразовалась въ „Юго-Западную группу партіи Народной Воли" (177). Онъ также сообщаетъ, что съ 1882 по 1884 годъ народовольцами велась дѣятельная пропаганда среди рабочихъ въ Ростовѣ-на-Дону, Кіевѣ и Казани, и ею руководили отчасти лица, кооптированныя въ 1883 году въ Исполнительный Комитетъ, напр., А. Н. Бахъ (ср. стр. 137—140 и 59). Не подлежитъ сомнѣнію, что въ теченіе всего 1882 года не только въ правительственныхъ сферахъ, но и среди народовольцевъ, не входившихъ въ Исполнительный Комитетъ, а также въ широкихъ слояхъ русскаго общества было распространено мнѣніе, что партія „Народной Воли" была очень сильна. Мнѣніе это было ошибочно, такъ какъ оно было основано на незнаніи истиннаго положенія дѣла и на невозможности предвидѣть того, что В. Н. Фигнеръ и вся военно-революціонная организація будутъ выданы С. П. Дегаевымъ уже въ первые мѣсяцы 1883 г. Но это мнѣніе въ полномъ смыслѣ слова было общественное мнѣніе (послѣднее, по извѣстному замѣчанію Дж. Ст. Милля, слагается иногда изъ розсказней старыхъ бабъ) и какъ таковое, оно было крупнымъ общественнымъ фактомъ. Конечно, лица, близко стоявшія къ Исполнительному Комитету, знали, что партія „Народной Воли" слаба, зналъ объ этомъ и Н. К. Михайловскій, но неизвѣстно, зналъ ли объ этомъ жившій тогда въ Парижѣ П. Л. Лавровъ, хотя онъ и сносился съ членомъ Исполнительнаго Комитета М. К. Оловенниковой. Именно эта комбинація обстоятельствъ, съ одной стороны, очень распространенное мнѣніе, что партія „Народной Воли" сильна, съ другой—сознаніе со стороны вождей партіи, что она слаба, только и можетъ объяснить, почему Священная Дружина стремилась вступить въ сношенія съ партіей, а члены Исполнительнаго Комитета такъ легко пошли на эти сношенія.

Противъ вышеприведеннаго распространеннаго мнѣнія, что Исполнительный Комитетъ велъ переговоры съ „игнатьевскими агентами", В. Я. Богучарскій, вѣроятно, сошлется

на хронологическую справку, что гр. Н. П. Игнатьевъ былъ устраненъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ уже въ маѣ 1882 года, а переговоры начались лишь въ іюлѣ того же года. Но самому В. Я. Богучарскому не разъ приходится говорить о томъ, что „министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Игнатьевъ находился съ вожаками Дружины въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ“ (стр. 311, 367, 408, 410). Далѣе, въ своихъ воспоминаніяхъ О. С. Любатовичъ сообщаетъ, что правительство дѣлало попытку вступить въ переговоры съ революціонерами еще осенью 1881 года, т.-е. тогда, когда во главѣ правительства стоялъ гр. Н. П. Игнатьевъ, но В. Я. Богучарскій передаетъ объ этомъ фактѣ лишь въ примѣчаніи (стр. 324 примѣч.). Наконецъ, В. Я. Богучарскій считаетъ нужнымъ исправлять „ошибку“ П. А. Крапоткина, который причисляетъ А. П. Мальшинскаго къ игнатьевскимъ агентамъ.

Если весьма распространенное мнѣніе, что именно гр. Н. П. Игнатьевъ посылалъ своихъ агентовъ для переговоровъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ и ошибочно, такъ какъ эти переговоры происходили уже тогда, когда гр. Игнатьевъ не былъ болѣе у власти, то оно чрезвычайно характерно, какъ показатель тогдашнихъ настроеній. Вѣдь графъ Н. П. Игнатьевъ, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, носился съ мыслью о созывѣ Земскаго Собора. В. Я. Богучарскій подробно останавливается въ своей книгѣ на „конституціонныхъ“ проектахъ гр. П. А. Валуева, Великаго Князя Константина Николаевича и на Лорисъ-Меликовской „конституціи“, но обходитъ полнымъ молчаніемъ проектъ созыва Земскаго Собора гр. Н. П. Игнатьева; онъ только упоминаетъ о томъ, что гр. Валуевъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ въ качествѣ причины увольненія гр. Игнатьева— „земскій соборъ“ (367). Остальныхъ сообщеній и свѣдѣній объ этомъ проектѣ гр. Игнатьва, даже опубликованныхъ въ печати, онъ совершенно не использованъ[1]). Это — одинъ

[1]) См. Н. В. „П. Д. Голохвостовъ о русскомъ государственномъ строеніи и земскомъ соборѣ“. „Русскій Вѣстникъ“, 1905, кн. 2—3. Ср. С. Г. Сватиковъ. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895). Ростовъ-на Дону. 1905, ч. II, стр. 161 и сл.

изъ главныхъ пробѣловъ въ книгѣ В. Я. Богучарскаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что только въ связи съ игнатьевскимъ проектомъ созыва Земскаго Собора можно объяснить появленіе „конституціоннаго“ теченія въ Священной Дружинѣ и освѣтить его характеръ. В. Я. Богучарскій, по своему обыкновенію повторяться, дважды говоритъ о томъ, что въ дальнѣйшемъ развитіи Священной Дружины „въ средѣ самого общества обнаружились различныя политическія теченія“ (272, стр. 298), и обѣщаетъ разсказать о нихъ. Но своего обѣщанія онъ не выполняетъ.

Итакъ, В. Я. Богучарскій совершенно не освѣщаетъ той общественной атмосферы, благодаря которой только и могли возникнуть сношенія между Священной Дружиной и Исполнительнымъ Комитетомъ. Отъ этого общаго вопроса перейдемъ теперь къ болѣе детальному вопросу объ участіи М. П. Драгоманова въ этомъ дѣлѣ. Относительно этого участія В. Я. Богучарскій говоритъ слѣдующее: „Опубликованіе фамиліи Нивинскаго въ русской печати (какъ перваго посланца Священной Дружины для переговоровъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ) послужило поводомъ къ тому, что В. К. Дебогорій-Мокріевичъ припомнилъ эту же фамилію, носимую „докторомъ“, котораго онъ самъ, по рекомендаціи Драгоманова, отвезъ въ Парижъ и познакомилъ съ Лавровымъ. И Дебогорій-Мокріевичъ прислалъ въ „Былое“ статью: „Къ вопросу о переговорахъ Исполнительнаго Комитета „Народной Воли“ съ „Добровольной Охраной“. Статья эта была напечатана въ апрѣльской книжкѣ „Былого“ за 1907 г. Въ ней Дебогорій-Мокріевичъ вспоминаетъ, какъ, вызванный изъ Парижа въ Женеву телеграммой отъ Драгоманова „по очень важному дѣлу“, онъ пріѣхалъ туда и познакомился съ докторомъ Нивинскимъ, который, назвавши себя посланцемъ организаціи, во главѣ которой стоялъ графъ Шуваловъ, сказалъ, что желаетъ имѣть доступъ къ Исполнительному Комитету для вступленія въ нѣкое соглашеніе“ (стр. 325). Не объясняя въ этомъ мѣстѣ своей книги, почему и какъ М. П. Драгомановъ рекомендовалъ В. К. Дебогорію-Мокріевичу Нивин-

скаго, В. Я. Богучарскій возвращается къ этому вопросу только черезъ сто двѣ страницы. Здѣсь онъ утверждаетъ, что „когда Нивинскій прибылъ за границу для переговоровъ съ народовольцами отъ имени „Земской Лиги", то онъ явился, прежде всего, къ Драгоманову, который немедленно вызвалъ изъ Парижа телеграммою Дебогорія-Мокріевича („по очень важному дѣлу", какъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ самъ Мокріевичъ) и поручилъ ему отвезти Нивинскаго въ Парижъ для переговоровъ съ Лавровымъ, что Мокріевичъ и исполнилъ. Такъ могъ поступить Драгомановъ, конечно, лишь при условіи имѣнія у Нивинскаго солидныхъ рекомендацій... Отъ кого?.. Драгомановъ былъ знакомъ съ Шуваловымъ лично,—это намъ доподлинно извѣстно,—но когда и гдѣ состоялось такое знакомство, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Между тѣмъ, установить этотъ моментъ было бы очень важно" (стр. 427).

Надо имѣть въ виду, что когда первое изъ приведенныхъ мѣстъ, касающееся М. П. Драгоманова, было напечатано в п е р в ы е, въ январской книжкѣ „Русской Мысли" за 1911 годъ (II отд., стр. 32), то В. Я. Богучарскій еще не зналъ „Воспоминаній" М. П. Драгоманова объ этомъ эпизодѣ, появившихся въ № 13 заграничнаго „Былого", такъ какъ онъ вышелъ изъ печати въ ноябрѣ или декабрѣ 1910 года. Когда печаталось второе изъ приведенныхъ мѣстъ въ майской книжкѣ „Русской Мысли" за тотъ же годъ (II отд., стр. 40), то В. Я. Богучарскому стали уже извѣстны эти воспоминанія. Поэтому, приведя дальше отрывокъ изъ вышеупомянутыхъ воспоминаній В. К. Дебогорія-Мокріевича, въ которыхъ онъ опять говоритъ о „Добровольной Охранѣ", В. Я. Богучарскій сдѣлалъ выноску для того, чтобы въ примѣчаніи отдать должное или, вѣрнѣе, покончить съ воспоминаніями М. П. Драгоманова. Примѣчаніе это начиналось словами: „Мы уже высказали въ одной изъ предъидущихъ главъ, что Мокріевичъ смѣшалъ „Добровольную Охрану" съ „Земской Лигой", но послѣ того, какъ эти строки были уже написаны, появились въ № 13 „Былого"

(заграничнаго) доставленныя ему г. Павликомъ, написанныя еще въ 1889 году М. П. Драгомановымъ „Воспоминанія о переговорахъ „Добровольной Охраны“ и „Исполнительнаго Комитета Русской Соц.-Рев. партіи въ 1882 году“. Теперь въ книгѣ В. Я. Богучарскаго эти мѣста перепечатаны безъ измѣненій, но въ примѣчаніи исчезли слова: „Но послѣ того, какъ эти строки были уже написаны“ (427, примѣчаніе). Итакъ, В. Я. Богучарскій, который вообще подвергалъ переработкѣ свои статьи, когда переиздавалъ ихъ въ видѣ книги, не считалъ нужнымъ ничего исправить въ нихъ изъ написаннаго имъ о М. П. Драгомановѣ, хотя воспоминанія послѣдняго многое дополняютъ и освѣщаютъ иначе, чѣмъ какъ это изображаетъ В. Я. Богучарскій. Къ тому же, еще задолго до появленія книги В. Я. Богучарскаго, и въ печати указывалось на то, что онъ неправильно изобразилъ роль М. П. Драгоманова въ этомъ дѣлѣ [1]).

Оставляя пока въ сторонѣ выясненіе вопроса о томъ, измѣнила ли память В. К. Дебогорію-Мокріевичу и М. П. Драгоманову, когда они писали, что Э. И. Нивинскій рекомендовался имъ, какъ посланецъ „Добровольной Охраны“, мы считаемъ нужнымъ здѣсь заявить, что В. Я. Богучарскій не имѣлъ никакого основанія утверждать, что Нивинскій явился къ Драгоманову съ „солидными рекомендаціями“, а тѣмъ болѣе дѣлать намекъ, что эти рекомендаціи исходили отъ Шувалова. Въ вышеупомянутомъ примѣчаніи, посвященномъ воспоминаніямъ М. П. Драгоманова, В. Я. Богучарскій далѣе говоритъ: „Изъ тѣхъ же воспоминаній Драгоманова выходитъ, какъ-будто Нивинскій явился къ нему безъ всякихъ рекомендацій, а онъ, Драгомановъ, тѣмъ не менѣе, отправилъ его съ Мокріевичемъ къ Лаврову. Это совершенно невѣрятно для такого солиднаго и осмотрительнаго человѣка, какъ Драгомановъ. Тутъ надо предположить, что „Воспоминанія“ Драгоманова, предназначавшіяся имъ въ 1889 году для печати, не выражали собою сознательно полной истины. Онъ самъ пишетъ въ тѣхъ же

[1]) См. Б. Кистяковскій. М. П. Драгомановъ по его письмамъ, „Русская Мысль“, 1911, кн. 9, отд. II, стр. 136.

„Воспоминаніяхъ“ такія строки: „Я нахожу, что еще не наступило время, когда можно было бы опубликовать всѣ подробности этого дѣла, и потому ограничусь только самыми общими свѣдѣніями изъ того, что мнѣ извѣстно, избѣгая всякихъ личныхъ указаній“ (428, примѣч.). Насколько эти утвержденія В. Я. Богучарскаго не обоснованы, видно изъ того, что даже документы, опубликованные имъ самимъ, съ полной достовѣрностью свидѣтельствуютъ о томъ обстоятельствѣ, что Нивинскій явился безъ рекомендацій. Такъ, равно за сто страницъ до этого примѣчанія и утвержденія въ текстѣ, что Нивинскій явился съ „солидными рекомендаціями“, В. Я. Богучарскій перепечатываетъ „пункты соглашенія“, выработанные П. Л. Лавровымъ для передачи чрезъ Нивинскаго пославшей его организаціи. Первый изъ этихъ пунктовъ гласитъ: „Они (т.-е. члены Исполнительнаго Комитета) требуютъ, прежде всего, какого-нибудь ручательства, что переговоры идутъ съ людьми, дѣйствительно серьезными, а не выдающими себя за имѣющихъ право вести подобные переговоры“ (стр. 327). Ясно, что тамъ, гдѣ возникали подозрѣнія, съ „серьезными ли людьми“ ведутся переговоры, ни о какихъ „солидныхъ рекомендаціяхъ“ не могло быть и рѣчи. Но далѣе „Воспоминанія“ М. П. Драгоманова не даютъ ни малѣйшаго повода В. Я. Богучарскому предполагать, что онъ (Драгомановъ) сознательно умалчиваетъ именно о предъявленіи Э. И. Нивинскимъ „солидныхъ рекомендацій“. Наконецъ, эти „Воспоминанія“ заставляютъ признать, что В. Я. Богучарскій во многихъ отношеніяхъ вводитъ своихъ читателей въ заблужденіе, хотя бы, напримѣръ, когда онъ утверждаетъ, что Драгомановъ „отправилъ его (Нивинскаго) съ Мокріевичемъ къ Лаврову“. Изъ разсказа М. П. Драгоманова видно, что онъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы Нивинскій не попалъ къ П. Л. Лаврову. Если это тѣмъ не менѣе случилось, то противъ воли М. П. Драгоманова.

В. Я. Богучарскій приводитъ изъ „Воспоминаній“ Драгоманова въ томъ же примѣчаніи небольшой отрывокъ, притомъ не самый существенный. Мы перепечатываемъ ниже

эти „Воспоминанія“, какъ чрезвычайно важный историческій документъ, цѣликомъ, замѣняя нѣсколько строчекъ многоточіемъ изъ цензурныхъ соображеній. Естественно также, что мы опускаемъ предшествующее имъ примѣчаніе М. Павлика и завершающее ихъ примѣчаніе редакціи „Былого“. Справедливость, впрочемъ требуетъ упомянуть, что хотя послѣдняя напечатала эти „Воспоминанія“ цѣликомъ, какъ „цѣнный документъ“, но она отмѣтила, что „въ очень многомъ не согласна съ авторомъ какъ во взглядахъ, такъ и въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ личностей“. Наши примѣчанія мы отмѣчаемъ иниціалами Б. К.

Воспоминанія о переговорахъ „Добровольной Охраны“ и „Исполнительнаго Комитета Русской Соц.-Рев. Партіи“ въ 1882 г.

Вы желаете получить отъ меня дополнительныя свѣдѣнія по дѣлу переговоровъ между такъ наз. «Добровольною Охраною» и «Исполнительнымъ Комитетомъ Русской Соціально-Революціонной Партіи», происходившихъ въ 1882 г., въ каковомъ дѣлѣ и вы, и я принимали нѣкоторое участіе. Я совершенно съ вами согласенъ, что послѣ того, какъ уже въ публику проникли неточныя на этотъ счетъ свѣдѣнія, между прочимъ и при посредствѣ печати, въ «Polskiem Wolnem Slowie», то необходимо, чтобы люди, прямо принимавшіе участіе въ этомъ дѣлѣ, исправили неточности. Но все-таки я нахожу, что еще не наступило время, когда бы можно было опубликовать всѣ подробности этого дѣла, и потому ограничусь только самыми общими свѣдѣніями изъ того, что мнѣ извѣстно, избѣгая всякихъ личныхъ указаній, относительно которыхъ оговорюсь только, что тѣ изъ нихъ, которыя сдѣланы въ «Polskiem Wolnem Slowie», страдаютъ неточностью.

Въ іюлѣ 1882 г. я былъ въ Женевѣ и принималъ довольно дѣятельное участіе въ «Вольномъ Словѣ», основанномъ организаціей, которая носила названіе «Земскій Союзъ» и имѣла цѣлью политическую реформу Россіи на началахъ самоуправленія земскихъ единицъ. Начало этой организаціи восходитъ къ южнорусскимъ попыткамъ 1878 года объединенія всѣхъ оппозиціонныхъ въ Россіи элементовъ, съ устраненіемъ принципіальнаго совершенія политическихъ убійствъ.

Одна изъ этихъ попытокъ,—которая оставила по себѣ слѣдъ въ литературѣ въ видѣ изданія брошюры «Мартовскія волненія въ Кіевскомъ университетѣ въ 1878 г.» (Львовъ, 1878, 1 изд. М. Ткаченко—М. Павлика) и «Восемнадцать лѣтъ войны чинов-

ничества съ земствомъ» (З. С. Женева, 1883, сначала напечат. въ «Вольномъ Словѣ», 1883 г., № 53, 57, 59, 60), — получила въ своей же средѣ названіе «Лиги», употреблявшееся въ нѣсколько ироническомъ духѣ. Названіе это перешло на сѣверъ Россіи и стало прикладываться къ разнымъ земско-либеральнымъ кружкамъ, съ тенденціями, аналогичными съ тѣми, которыхъ держалась эта южно-русская «Лига» и образовавшійся послѣ «Земскій Союзъ». Но въ 1881 году образовались въ Петербургѣ двѣ консервативныя организаціи: «Священная Дружина», или просто «Дружина», которая имѣла цѣлью всякаго рода помощь правительству въ борьбѣ съ революціонерами, и «Добровольная Охрана», имѣвшая цѣлью помогать охранѣ личности императора, но безъ преслѣдованія какихъ бы то ни было политическихъ мнѣній [1]). Въ массѣ публики ходили смутныя свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ организаціяхъ, которыя назывались часто именемъ «Лига» и смѣшивались между собой. Смѣшеніе понятій усилили и нѣкоторые революціонные кружки, которымъ не нравилась оппозиція органа «Земскаго Союза» возведенію политическихъ убійствъ въ систему политическихъ дѣйствій, а также централистическому (якобинскому) направленію, которое особенно воспреобладало въ «Исполнительномъ Комитетѣ Народной Воли» послѣ 1 марта 1881 г., и гибели большей части прежнихъ его участниковъ, державшихся менѣе исключительныхъ въ этомъ отношеніи идей. Смѣшеніе это было и въ интересахъ государственной полиціи, которая въ это время, въ рукахъ Судейкина, приняла провокаторскій и интригантскій характеръ. Судейкинъ, создавшій себѣ уже опору въ народовольческихъ кружкахъ черезъ Дегаева, стремился образовать и собственное народничество, противное либерализму, и основалъ въ Женевѣ свой анархически-террористическій журналъ «Правду», который нападалъ на конституціоналистовъ и земцевъ, отождествляя ихъ стремленія съ цѣлями государственной полиціи.

Въ это время въ публику стали проникать извѣстія о заговорщическо-конституціонныхъ стремленіяхъ «Лиги-Охраны-Дружины» и будто бы ..... Слухи эти особенно находили себѣ мѣсто въ радикальныхъ и соціалистическихъ газетахъ якобинскаго или анархическаго направленія, въ родѣ L'Intransigeant или Le Révolté, которыя почему-то считали нужнымъ обличать высокопоставленныхъ заговорщиковъ противъ власти законнаго Самодержца Россіи. Съ другой стороны, нѣкоторые земскіе кружки тоже стали возлагать надежды

[1]) Такъ охарактеризованы между прочимъ цѣли „Добровольной Охраны“ и въ оффиціальной запискѣ, составленной въ государственной полиціи при гр. Игнатьевѣ.

на установленіе политической свободы въ Россіи при посредствѣ дворцовой интриги. Противъ этихъ надеждъ было сказано нѣсколько словъ въ «Вольномъ Словѣ» (1882, № 41, отъ 15 іюля, «Дѣятельность Священной Дружины» и Программа «Добровольной Охраны»).

Вотъ именно, вскорѣ послѣ появленія этой замѣтки, я увидѣлъ у себя пожилого человѣка, довольно представительной внѣшности, который сказалъ мнѣ, съ естественными остановками и перерывами отъ моихъ вопросовъ, приблизительно слѣдующее:

— Я являюсь къ вамъ отъ имени общества, на которое вы нападаете, но которое имѣетъ въ сущности ту же цѣль, что и вы, а именно свободу Россіи. Достиженію этой цѣли препятствуютъ революціонеры-цареубійцы, которые пошли по совершенно ошибочной дорогѣ. Если бы можно было убѣдить ихъ въ этомъ, тогда мы взяли бы на себя обязательство провести въ Россіи политическую реформу. Вотъ съ этою цѣлью я и обращаюсь къ вамъ, какъ члену Комитета, который руководитъ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи,—обращаюсь отъ имени общества «Добровольной Охраны». Вы не должны смѣшивать его съ «Дружиной», которая преслѣдуетъ совершенно полицейскія цѣли и даже имѣла въ виду, въ случаѣ новыхъ покушеній на царя, приступить къ контръ-убійствамъ противъ руководителей цареубійствъ въ Россіи, и даже тотчасъ же убить Гартмана, но была остановлена «Охраною», которая прямо заявила, что откроетъ убійцъ англійскому правительству [1]). Такъ вотъ я обращаюсь чрезъ васъ къ Комитету, который руководитъ революці-

---

[1]) По поводу этихъ словъ Нивинскаго В. Я. Богучарскій обращаетъ вниманіе на то, что лицо, ведшее сношенія съ Нивинскимъ отъ имени Священной Дружины и информировавшее его о ней, докладывало въ своемъ отчетѣ объ этихъ сношеніяхъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я будто бы въ порывѣ откровенности сообщилъ ему, что помимо насъ существуетъ еще Священная Дружина, цѣль которой заключается въ слѣдующемъ: 1) въ сыскѣ всѣхъ эмигрантовъ и 2) въ убійствѣ всѣхъ приверженцевъ террора и укрывателей цареубійцъ, и что мы, „Земская Лига“ удерживаемъ еще Священную Дружину отъ этого. но что если терроръ не остановится, то мы ни за что не отвѣчаемъ“ (стр. 428, прим., ср. стр. 338). Но остается совершенно не выясненнымъ вопросъ, насколько этотъ членъ Священной Дружины, исполнявшій самыя низкія порученія, былъ самъ хорошо освѣдомленъ о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Вѣдь и полицейская записка „О противоправительственныхъ сообщеніяхъ, не столь вредныхъ“, проводитъ различіе между Священною Дружиною и Добровольной Охраной (ср. стр. 393). Наконецъ, по поводу закрытія Священной Дружины, т.-е. тогда, когда эти общества, повидимому, уже слились въ одно общество, гр. Валуевъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „Передъ кризисомъ образовался уродливый trinôme, котораго три главы были: гр. П. Шуваловъ—по „охранѣ“, гр. Воронцовъ—по „Дружинѣ“ и генералъ Оржевскій—по „полиціи“ (стр. 372). Б. К.

онно-террористическими предпріятіями въ Россіи, съ извѣстными предложеніями. Пусть Комитетъ заявитъ, что онъ не имѣетъ цѣлью цареубійство, — взамѣнъ «Охрана» обѣщаетъ созваніе Земскаго Собора, вслѣдъ за коронаціей царя, не дальше, чѣмъ черезъ полтора года. При этомъ я считаю нужнымъ особенно подчеркнуть то, что мы требуемъ только прекращенія всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ государя лично и его семейства,— а въ остальномъ предоставляемъ революціонерамъ полную свободу поступковъ. А въ доказательство того, что мы дѣйствительно имѣемъ искреннія намѣренія и силу, мы предлагаемъ вамъ извѣстные залоги,—напримѣръ, можемъ выхлопотать любому изъ васъ, кромѣ Гартмана, право возвращенія въ Россію, можемъ выдать вамъ въ залогъ кого-нибудь изъ насъ, кромѣ лицъ, присутствіе которыхъ необходимо въ Россіи.

Я прежде всего спросилъ, кто такіе предполагаемые моимъ собесѣдникомъ члены Комитета и кто ему далъ о нихъ справку.

— Это,—отвѣтилъ посѣтитель,—вы, Лавровъ, Ткачевъ, Гартманъ и Мокріевичъ. Еще у васъ вліятельный человѣкъ кн. Крапоткинъ, но съ нимъ я не могу вступать въ соглашенія; это, сказали мнѣ, маніакъ убійствъ, который ни на какія уступки не пойдетъ. Справку эту дала «Дружина», она только на это и годится.

Посѣтитель вообще показался мнѣ человѣкомъ искреннимъ, а потому и я, чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе сухо сталъ держаться съ нимъ[1]. При послѣднихъ словахъ я невольно разсмѣялся и сказалъ:

— Ну, очевидно, «Дружина» ни на что не годится. Прежде всего никакого подобнаго Комитета за границей нѣтъ; потомъ, если бы онъ и былъ, то перечисленный вами составъ невозможенъ: все это—люди очень разныхъ тенденцій. Начать съ меня. Я ни къ какимъ русскимъ организаціямъ не принадлежу по разнымъ причинамъ, а съ такъ-называемыми террористами не схожусь и въ политическихъ идеяхъ, и въ томъ, что смотрю на политическія убійства только какъ на симптомъ существующаго въ обществѣ раздраженія, вызваннаго правительствомъ, но не какъ на сколько-нибудь цѣлесообразный способъ политической борьбы; за это меня многіе изъ русскихъ революціонеровъ считаютъ просто врагомъ и даже шпіономъ называютъ. Дальше. Лавровъ, сколько мнѣ извѣстно, всегда былъ против-

---

[1]) Повидимому, и на П. Л. Лаврова Э. И. Нивинскій производилъ впечатлѣніе лично симпатичнаго и искренняго человѣка. Послѣднее свое письмо къ нему П. Л. Лавровъ начинаетъ слѣдующими словами: „Очень жалѣю, что наши переговоры, изъ за которыхъ вы мнѣ доставили удовольствіе знакомства съ вами, не привели ни къ какому результату". Ср. Богучарскій, стр. 344. Б. К.

никомъ «террора», недавно читалъ противъ него даже лекціи въ парижскомъ русскомъ кружкѣ и печатно,—въ «Jahrbuch für Sozialpolitik", — высказался даже противъ политическаго направленія «Исполнительнаго Комитета», какъ могущаго повести къ союзу съ буржуазными элементами, и поэтому вреднаго для соціалистическаго движенія въ Россіи. Этихъ примѣровъ вамъ довольно (о Ткачевѣ и его отношеніяхъ къ г. Лаврову, напр., я не хотѣлъ говорить). Что до Крапоткина, то я долженъ вамъ сказать, что это, во-первыхъ, добрѣйшій въ мірѣ человѣкъ, который не только царя, но и мухи не убьетъ, а, во-вторыхъ, со времени ухода за границу, онъ не имѣетъ никакого прикосновенія къ русскимъ революціоннымъ дѣламъ, какъ это свидѣтельствуетъ даже печатно очень компетентный по этой части Степнякъ (Russia Sotteranea)".

Гость мой былъ совсѣмъ озадаченъ моими словами.

— По вашему, выходитъ, что я напрасно пріѣзжалъ?—сказалъ онъ.

— Почти такъ. Ищите вашего Комитета въ Россіи.

— Пробовали искать, да это трудно. Революціонеры боятся ловушки.

— Того же самаго будутъ бояться и здѣсь. Вы должны быть готовы, что васъ непремѣнно встрѣтятъ, какъ шпіона.

— Но здѣсь меньше смысла бояться. Здѣсь можно хотя поговорить на свободѣ. Я увѣренъ, что между революціонерами есть же люди, не ослѣпленные и способные выслушать чужое мнѣніе и предположить въ немъ искренность. Я разсчитываю, во всякомъ случаѣ, хотя на то, что вы мнѣ поможете вступить въ сношенія, если не прямо съ членами Комитета, который распоряжается дѣйствіями въ Россіи, то хотя съ вліятельными среди революціонеровъ лицами, чрезъ которыхъ я могъ бы довести до Комитета наши предложенія. Кромѣ того, я надѣюсь, что и вы лично употребите ваше вліяніе или сдѣлаете все возможное для убѣжденія революціонеровъ пойти на соглашеніе, которое я предлагаю. Я убѣдительно прошу васъ объ этомъ.

Слова эти заставили меня говорить, что называется, по существу дѣла, и я отвѣтилъ моему гостю приблизительно слѣдующее:

— Прежде всего позвольте мнѣ напомнить вамъ, что я вовсе никакого вліянія на революціонеровъ русскихъ, а особенно на дѣйствующихъ теперь, не имѣю. Позвольте вамъ дать брошюры, объясняющія мои отношенія къ нимъ (я далъ ему «Le Tyrannicide en Russie», «Къ біографіи Желябова», «Народная Воля о централизаціи»). А, во-вторыхъ, я не вѣрю въ самую сущность вашей задачи. Я не вѣрю въ возможность добыть для Россіи

политическую свободу при посредствѣ «Охраны». По-моему, вы такъ же заблуждаетесь, какъ и русскіе террористы; эти думаютъ добиться перемѣны политическаго строя, такъ сказать, разбоемъ, а охранцы... интригою (я собственно хотѣлъ сказать воровствомъ), между тѣмъ, какъ, по моему мнѣнію, высказанному въ «Вольномъ Словѣ», она можетъ быть взята только широкимъ и открытымъ общественнымъ движеніемъ, которое и требуетъ соотвѣтственной агитаціи въ обществѣ. Затѣмъ я абсолютно не вѣрю въ способность обоихъ тѣхъ элементовъ, которыхъ вы хотите привлечь къ соглашенію, не только выдержать договоръ, если бы онъ и состоялся, но даже понять другъ-друга. Спеціально объ «Исполнительномъ Комитетѣ» я замѣтилъ, что ему будетъ очень затруднительно пойти на желаемое соглашеніе, такъ какъ онъ поставилъ себя въ положеніе безвыходное и, по-моему, вообще ложное, своими заявленіями съ 1-го марта 1881 г., а именно ..... недавними заявленіями «Народной Воли», въ которыхъ ставится цѣлью «партіи» уже не созваніе «учредительнаго собранія», но захватъ власти, послѣ чего «партія» предполагаетъ сначала сама сдѣлать соціально-экономическую реформу Россіи, а потомъ уже дать ей свободу, въ томъ числѣ и созваніе Земскаго Собора.

Тутъ произошелъ между нами разговоръ, который я, для краткости, опускаю и который окончился словами моего гостя: «Можетъ-быть, вы и правы, но надо, во всякомъ случаѣ, хоть пробовать и не пропустить случая, въ своемъ родѣ единственнаго».

Съ послѣднимъ я долженъ былъ согласиться, а потому и не счелъ себя вправѣ совершенно уклониться отъ дѣла, а въ то же время боялся, что если я совершенно устранюсь, онъ станетъ искать другихъ путей и попадетъ совсѣмъ уже на фальшивую дорогу, отчего могутъ произойти совсѣмъ уже какая-либо глупость или вредное дѣло. Подобные примѣры я зналъ за иностранцами и русскими, и нѣкоторыя, названныя самимъ гостемъ моимъ имена внушали мнѣ серьезныя опасенія, особенно имя Ткачева, по причинѣ дурного подбора его сообщниковъ, да Лаврова—по причинѣ его туманноголовія и неискренности въ отношеніяхъ. Поэтому я сказалъ, наконецъ, моему гостю, что я берусь свести его съ лицомъ или даже съ нѣсколькими лицами, которыя находятся въ сношеніяхъ съ главными революціонерами въ Россіи и которыя доведутъ до ихъ свѣдѣнія предложенія лицъ, пославшихъ моего собесѣдника. Но только я требую, чтобы онъ въ теченіе трехъ или пяти дней вовсе ни съ кѣмъ не говорилъ объ этомъ дѣлѣ.

Гость мой согласился на это условіе и на другой день даже уѣхалъ изъ Женевы въ Парижъ, гдѣ онъ разсчитывалъ видѣться съ польскимъ писателемъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ еще въ 60-е годы и адресъ котораго онъ взялъ у меня. Мнѣ гость мой оставилъ на расходы по дѣлу 500 фр., изъ которыхъ я возвратилъ ему 300 фр. съ небольшимъ.

Передъ отъѣздомъ гостя мы еще разъ «прошли» предлагаемыя имъ отъ имени «Охраны» условія, которыя я долженъ былъ сообщить намѣченнымъ мною посредникамъ. Назначеніе точнаго срока для созыва Земскаго Собора (отъ 8 до 18 мѣсяцевъ) казалось мнѣ фантастическимъ и поэтому рискованнымъ, но собесѣдникъ мой отвѣтилъ мнѣ: «Ну, если берутся люди, такъ это—ихъ дѣло». Предложеніе оставить намъ, эмигрантамъ, въ залогъ какое-нибудь крупное лицо изъ «Охраны» показалось мнѣ просто комичнымъ. «Что мы, черкесы, чтобы держать его, и гдѣ?» Делегатъ замѣтилъ, что можно это условіе замѣнить какимъ-нибудь другимъ. Касательно амнистіи кому-нибудь изъ насъ и права возвратиться въ Россію я замѣтилъ, что и это условіе врядъ ли удобно, такъ какъ если бы кто изъ насъ принялъ такую амнистію, то только поставилъ бы себя въ фальшивое положеніе передъ обществомъ и особенно передъ революціонерами. Вмѣсто этого я посовѣтовалъ предложить амнистію какого-нибудь одного или нѣсколькихъ лицъ, находящихся въ Сибири, изъ старшихъ, напримѣръ, Чернышевскаго, или же младшихъ, которыхъ теперешніе революціонеры считаютъ наиболѣе уважаемыми своими товарищами. (Я назвалъ нѣсколько именъ). Пріѣзжій нашелъ это соображеніе резоннымъ, но просилъ меня все-таки передать кому слѣдуетъ и его первое предложеніе вмѣстѣ съ моимъ соображеніемъ.

Лица, которымъ я рѣшилъ сообщить все это дѣло, были: Кравчинскій и Мокріевичъ. Первый въ то время былъ въ Миланѣ, а второй—въ Парижѣ. На бѣду, Кравчинскій перемѣнилъ въ это время свой адресъ, такъ что моя депеша къ нему не дошла. Мокріевичъ, съ которымъ я былъ знакомъ меньше, отвѣтилъ сначала на мой вызовъ пріѣхать въ Женеву отказомъ (онъ передъ тѣмъ проѣхался попусту въ Италію по приглашенію одного польскаго патріота, переданному чрезъ меня же, писать же ему обстоятельно я не рѣшался, такъ какъ зналъ, что за нимъ сильно надзираютъ шпіоны),—а потомъ извѣстилъ меня, что долженъ ѣхать на Востокъ и будетъ переѣзжать черезъ Ліонъ, гдѣ и можетъ со мною увидѣться. Я поѣхалъ въ Ліонъ, и, встрѣтивъ тамъ Мокріевича, разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. Онъ нашелъ его важнымъ и согласился стать посредникомъ между пріѣзжимъ и нѣкоторыми лицами въ Парижѣ, которыя, по его словамъ, могли говорить отъ имени «Исполнительнаго Комитета На-

родной Воли». Именъ ихъ онъ мнѣ не назвалъ, да я ихъ и не спрашивалъ. Изъ Ліона Мокріевичъ отправилъ (кому слѣдуетъ) въ Парижъ приглашеніе пріѣхать въ Женеву и полученныя отъ меня деньги на дорогу, но получилъ отвѣтъ, что желаемое свиданіе можетъ состояться только въ Парижѣ. Мы съ Мокріевичемъ возвратились въ Женеву, гдѣ я считалъ свою задачу оконченною, сведши Мокріевича съ пріѣзжимъ, съ тѣмъ, чтобы они оба поѣхали въ Парижъ. Пріѣзжій впрочемъ настаивалъ на томъ, чтобы и я принялъ участіе въ переговорахъ. Почему онъ этого желалъ, я не знаю; по какимъ-либо субъективнымъ резонамъ, или вслѣдствіе убѣжденія, которое, какъ я положительно знаю изъ словъ одного посланника, сказанныхъ одному моему знакомому, было сильно распространено въ оффиціальныхъ кругахъ въ Петербургѣ, что я занимаю вліятельное положеніе въ русской революціонной организаціи, и которое я не могъ поколебать моими словами,—не берусь рѣшать, но только онъ сильно убѣждалъ меня ѣхать съ нимъ и Мокріевичемъ въ Парижъ. Я отказался по резонамъ, изложеннымъ выше, которые кратко повторилъ и при Мокріевичѣ,—и усадилъ обоихъ путниковъ въ вагонъ вечерняго курьерскаго поѣзда въ Парижъ, при чемъ оба они обѣщали увѣдомить меня въ общихъ чертахъ о результатахъ ихъ предпріятія.

Въ Парижѣ, какъ я узналъ потомъ, пріѣзжій передалъ свое желаніе, чтобы я присутствовалъ при переговорахъ, но г. Лавровъ, къ которому тамъ обратились (сверхъ моего ожиданія и къ моему удивленію!) съ этимъ дѣломъ, отвѣтилъ: «Ни подъ какимъ видомъ!» Я остался даже безъ всякихъ свѣдѣній объ исходѣ переговоровъ, такъ какъ и г. Мокріевичъ, сведши пріѣзжаго съ г. Лавровымъ и нѣкоторыми другими лицами, уѣхалъ на Востокъ, написавъ мнѣ съ дороги письмо, въ которомъ извѣщалъ о своемъ удаленіи отъ дальнѣйшаго хода дѣла. Недѣли черезъ двѣ я увидѣлся въ Италіи съ Кравчинскимъ, которому разсказалъ, что зналъ, и который оказался въ совершенномъ невѣдѣніи объ этомъ дѣлѣ.

Для меня стало очевиднымъ, что г. Лавровъ и его парижскіе сотоварищи допустили къ дѣлу только избранныхъ, которыхъ они опредѣлили сами по своимъ соображеніямъ. Еще черезъ нѣсколько недѣль я, воротившись въ Женеву, встрѣтилъ на улицѣ одного молодого человѣка, съ которымъ былъ немного знакомъ, и котораго я зналъ, какъ хорошаго знакомаго г. Милковскаго [1]). Не мало удивился я, когда этотъ молодой человѣкъ за-

[1]) Милковскій, польскій писатель, болѣе извѣстный подъ своимъ литературнымъ псевдонимомъ Т. Т. Ежъ. Онъ еще въ 1848 г. эмигрировалъ изъ Россіи, а въ 70-хъ и 80-хъ годахъ считался главою все-польской революціонной національной демократіи. Б. К.

говорилъ со мной самымъ развязнымъ образомъ объ этомъ секретнѣйшемъ дѣлѣ, какъ-будто о предметѣ, о которомъ мы оба еще вчера толковали между собой найинтимнѣйшимъ образомъ, и сообщилъ мнѣ, посмѣиваясь, какъ г. Лавровъ и товарищи его сначала боялись пріѣзжаго, какъ шпіона, потомъ приняли его, положившись на рекомендацію г. Милковскаго, какъ г. Лавровъ требовалъ, чтобы Охрана обѣщала, — по словамъ разсказчика, — «провести чуть не соціальную революцію» въ Россіи, такъ что пріѣзжій даже потерялъ было терпѣніе и сказалъ, что онъ можетъ говорить только о томъ, что ему поручено, а если не хотятъ объ этомъ говорить, то онъ и прекратитъ переговоры, какъ, наконецъ, предложенія делегата Охраны были приняты, при чемъ залогами условлено было: амнистія Чернышевскому и выдача революціонерамъ милліона (рублей или франковъ, я отъ непривычки къ такимъ суммамъ, каюсь, уже не помню, но, кажется, что рублей).

Я сообщилъ объ этомъ разговорѣ г. Мокріевичу и получилъ отъ него отвѣтъ, что ему ничего неизвѣстно по этому дѣлу.

Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, является ко мнѣ прежній гость, бывшій делегатъ Охраны, но съ видомъ весьма смущеннымъ сообщаетъ, что переговоры, собственно, ни къ чему не привели, такъ что онъ пріѣхалъ почти единственно затѣмъ, чтобы объясниться съ тѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, и доказать имъ, что онъ не шарлатанъ и что если дѣло провалилось, то не по его винѣ. Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ о парижскихъ переговорахъ, согласно съ тѣмъ, что уже я зналъ. Съ условіями, предложенными въ Парижѣ, онъ явился въ Петербургъ и сообщилъ ихъ пославшимъ его, которые сначала приняли условія и обѣщали дать ему полномочіе, скрѣпленное печатью Охраны, для заключенія формальнаго договора. Но черезъ нѣсколько времени эти лица заявили, что условія надо еще пересмотрѣть въ общемъ (?) [1]) собраніи Охраны и что пунктъ о непремѣнномъ созывѣ Земскаго Собора въ извѣстный и короткій срокъ слишкомъ труденъ къ исполненію. Между тѣмъ стали показываться признаки того, что переговоры и, во всякомъ случаѣ, отношенія делегата къ Охранѣ перестали быть тайною. Хотя делегатъ и считался выѣхавшимъ изъ Петербурга и не являлся на свою квартиру, а проживалъ пока въ домѣ одного знакомаго охранца, однако-жъ онъ получилъ по почтѣ на свое имя гектографированный листокъ, гдѣ были извѣстныя личныя изобличенія нѣсколькихъ охранцевъ. На листкѣ было написано: «вотъ съ кѣмъ вы связались!» Послѣ проволочки въ теченіе нѣсколькихъ дней, охранцы объявили бывшему делегату, что считаютъ невозможнымъ продол-

[1]) Вопросительный знакъ принадлежитъ Драгоманову.

жать переговоры съ революціонерами, такъ какъ послѣдніе не держатъ слова, именно, во время самыхъ переговоровъ издаютъ въ Женевѣ террористическую газету «Правда», о которой будто бы доподлинно извѣстно, что это—изданіе «Исполнительнаго Комитета», и въ которой даже есть намеки на переговоры и притомъ намеки отрицательнаго характера.

При послѣднемъ сообщеніи меня, что называется, взорвало. Я вскричалъ:

— Непостижимо, что за народъ у васъ тамъ всѣ эти охранцы! Въ прошлый разъ я увидѣлъ изъ вашихъ словъ о заграничномъ комитетѣ революціонномъ, что они понятія не имѣютъ объ эмиграціи, а теперь вижу, что они не знаютъ того, что у нихъ подъ носомъ дѣлается! Я не охранецъ и маленькій человѣкъ, и то знаю, что «Правда»—изданіе Судейкина.

— Какого Судейкина?

— Да просто вашего же петербургскаго жандармскаго подполковника Судейкина. Во всякомъ случаѣ здѣшняя эмиграція открещивается отъ этой газеты и собирается напечатать свое отреченіе отъ нея въ женевскихъ французскихъ газетахъ.

Тутъ я долженъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе собственно отъ разсказа о моемъ разговорѣ съ пріѣзжимъ и разсказать коротко о «Правдѣ» и отношеніи къ ней русской эмиграціи.

«Правду» издавалъ съ половины августа 1882 г. бывшій чиновникъ уѣздной полиціи Климовъ. Это была очень безграмотная газетка, которая хотѣла итти съ одной стороны за «Народной Волей» съ ея политическимъ терроризмомъ, а съ другой — за Revoltè кн. Крапоткина съ анархически - соціалистическимъ терроризмомъ, который впрочемъ проповѣдывала не намеками, какъ Revoltè, а откровенно и совсѣмъ нелѣпо, дописавшись до того, что совѣтовала истреблять даже скотъ, а не однихъ помѣщиковъ, и притомъ не у злыхъ помѣщиковъ, а именно у добрыхъ, ради полной яркости протеста противъ собственности. Рядомъ съ этимъ газета эта нападала на конституціонализмъ, какъ дѣло дворянское и буржуазное, противное соціализму, и потому чуть не въ каждомъ номерѣ ругала «Вольное Слово» и въ частности меня, называя меня прямо шпіономъ, находящимся въ прямыхъ сношеніяхъ съ Лигами-Охранами. Нѣкоторымъ эмигрантамъ это было очень пріятно, и они (Черкезовъ и Элпидинъ) устраивали конспираціи съ Климовымъ, чтобы поймать меня, такъ-сказать, съ поличнымъ. Впрочемъ, другіе изъ эмигрантовъ косо смотрѣли на «Правду» и стали даже поговаривать о томъ, чтобы отречься отъ нея. Я зналъ тайну происхожденія «Правды», какъ зналъ и то, что Судейкинъ запускаетъ лапу въ революціонныя организаціи въ Россіи, но много разговаривать объ этомъ

въ здѣшней русской эмиграціи стѣснялся, такъ какъ со времени напечатанія во французскихъ соціалистическихъ газетахъ протеста противъ меня отъ имени редакцій „Równosci“ и «Чернаго Передѣла» по поводу моей статьи въ „Revue Socialiste“ въ которой я указывалъ на централистически-національныя тенденціи въ русскихъ и польскихъ соціалистическихъ кругахъ, я прекратилъ всякія отношенія къ русской и польской соціалистической эмиграціи, какъ къ коллективностямъ, и сохранялъ только личныя отношенія, и то съ весьма немногими. Печатная попытка моя (въ «Вольномъ Словѣ» 1882 г., № 34, отъ 8 н. ст. апрѣля «Обаятельность энергіи») предостеречь русскіе революціонные кружки относительно той деморализаціи въ ихъ средѣ, которая завершилась такъ называемою Дегаевщиною и которая уже тогда порождала такіе факты, какъ указаніе народовольцемъ Р. [1]) довѣрившихся ему земцевъ [2]), вызвала противъ меня прямое озлобленіе въ эмиграціи, и, между прочимъ, новый печатный протестъ, подписанный «чернопередѣльцами», которые въ немъ признавали «главенство» народовольцевъ [3]). Мнѣ оставалось только лично предостерегать отдѣльныхъ личностей изъ русской эмиграціи, которыя сохраняли со мною отношенія. Предостерегалъ я ихъ отъ г. Климова и «Правды» и даже поддерживалъ мысль печатнаго заявленія о несолидарности эмиграціи съ «Правдой» и ея идеями, но стѣснялся на этомъ настаивать именно потому, что «Правда» нападала на направленіе, которое я проводилъ, и даже на меня лично. Коллективное отреченіе отъ «Правды» такъ и оттянулось до 21 ноября 1882 г. [4]), когда уже «Правда» успѣла принести свой вредъ и, между прочимъ, стала одной изъ помѣхъ заключенія договора между «Исполнительнымъ Комитетомъ» и «Охраною», или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ предлоговъ къ разрыву начатыхъ переговоровъ.

Когда я разсказалъ своему гостю, что зналъ о «Правдѣ», и сообщилъ ему, что эмиграція даже собирается публично отречься отъ газеты г. Климова и что фразы, которыя въ Петербургѣ

---

1) Герасимомъ Романенко. (Тарновскимъ) Ред. „Былого“.

2) Объ этомъ разсказано и въ запискѣ, которая напечатана въ „Общемъ Дѣлѣ“. Это была та записка, которою г.г. Климовъ, Черкезовъ и Элпидинъ хотѣли уличить меня въ сношеніяхъ съ Охранкой.

3) „Дегаевщина“ охарактеризована, хотя еще слабо, и въ „Вѣстникѣ Народной Воли“ № 2 въ статьѣ Л. Тихомирова „Въ мірѣ мерзости и запустѣнія“ (по поводу казни Судейкина) ст. 91—125, отд. III. Теперь не лишено интереса сравнить эту статью, появившуюся только въ 1884 г., съ моей статьей, напечатанной въ „Вольномъ Словѣ“ („Обаят. энергіи“) и вызвавшей упомянутый протестъ, который перепечатанъ былъ, хотя и съ цензурными опущеніями, въ „Календарѣ Народной Воли“ еще въ 1883 г.

4) См. „Вольное Слово“, № 51, 23 дек. 1882 г.—„Русская эмиграція въ Женевѣ о газетѣ „Правда“. М. П.

приняли за двуличное отношеніе къ самымъ переговорамъ, составляютъ скорѣе всего часть «обличенія» моихъ сношеній съ полицейскими «лигами»,—онъ повеселѣлъ и сказалъ, что если такъ, то онъ надѣется на поправленіе дѣла.

— Я пріѣхалъ,—сказалъ онъ,—главнымъ образомъ, потому, что я обѣщалъ, во всякомъ случаѣ, передать окончательный отвѣтъ «Охраны» въ извѣстный срокъ, не далѣе, чѣмъ черезъ три недѣли, и хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, объясниться передъ вами и парижанами, а теперь я надѣюсь, что, можетъ-быть, переговоривши снова съ парижанами и потомъ съ охранцами, я ихъ доведу до новаго соглашенія.

Я пожелалъ гостю успѣха, но, конечно, еще съ меньшею вѣрою въ него, чѣмъ прежде. Съ тѣхъ поръ я о немъ ничего не слыхалъ, равно какъ и о переговорахъ его въ Парижѣ. Только черезъ годъ, когда уже и «Охрана» перестала существовать, а затѣмъ Александръ III благополучно короновался, безъ всякихъ конституціонныхъ уступокъ, которыхъ отъ него ждали даже иные «земцы»,—встрѣтился я, совершенно неожиданно, съ однимъ лицомъ, которое было поставлено въ возможность знать нѣкоторыя вещи, не доступныя обыкновеннымъ смертнымъ, и отъ него услыхалъ, что послѣ неудачи миссіи моего гостя состоялись новые переговоры другого лица съ г. Тихомировымъ, при чемъ послѣдній пообѣщалъ, что никакого покушенія во время коронаціи Александра III не будетъ, и взамѣнъ того получилъ обѣщаніе, что Чернышевскій будетъ амнистированъ, а новѣйшимъ политическимъ каторжникамъ на Карѣ будутъ сдѣланы облегченія. Но едва только состоялось это соглашеніе, какъ «Охрана» должна была прекратить свое существованіе [1]). Амнистія Чернышевскому, и то послѣ коронаціи, достигнута была только посредствомъ личныхъ вліяній на В. Кн. Владиміра Александровича, который убѣжденъ былъ, что c'est une question de l'humanite et pas de la politique. Относительно же «карійцевъ» дѣло ограничилось ревизіей г. Галкина-Враскаго, о результатахъ которой ни я, ни мой случайный собесѣдникъ не могли сказать другъ-другу ничего опредѣленнаго.

Я долженъ заключить свой разсказъ еще однимъ сообщеніемъ, которое имѣетъ, кажется, отношеніе къ предмету настоящаго воспоминанія. Незадолго передъ коронаціей, когда она уже была возвѣщена, одинъ мой личный пріятель изъ числа русскихъ политическихъ эмигрантовъ (Кравчинскій) обратился ко мнѣ съ вопросомъ, могу ли я передать въ какую-нибудь евро-

---

[1]) Замѣтимъ, между прочимъ,—вслѣдствіе интригъ Судейкина, мало впрочемъ еще выясненныхъ, хотя на нихъ былъ намекъ и въ печати, особенно въ „Новомъ Времени".

пейскую редакцію его статьи о современномъ положеніи «Русской соціально-революціонной партіи» и въ частности о томъ, почему теперь нѣтъ и во время коронаціи не будетъ никакого покушенія на Александра III?» Я отвѣтилъ, что у меня есть нѣкоторое знакомство съ лондонской «Pall Mall Gasette» и что я надѣюсь, что посланная туда статья будетъ напечатана. Мой пріятель сталъ писать статью, но такъ долго не отдавалъ ее мнѣ, что я, наконецъ, сталъ бояться, что и коронація пройдетъ, а статья не появится. На мое замѣчаніе я получилъ отвѣтъ, что статья должна быть просмотрѣна г. Тихомировымъ, который тогда жилъ по сосѣдству съ Женевой. Статья, наконецъ, была мнѣ принесена, но потомъ опять взята для окончательнаго редактированія совмѣстно съ г. Тихомировымъ нѣкоторыхъ фразъ. Наконецъ, статья была отослана въ Лондонъ, гдѣ она появилась чуть ли не наканунѣ коронаціи. Главный смыслъ статьи состоялъ въ томъ, что теперь «народовольцы» имѣютъ главной цѣлью военный заговоръ, съ цѣлью з а х в а т а в л а с т и въ имперіи, а потому и не интересуются покушеніями на убійство императора [1]). Подъ статьей стояло примѣчаніе редакціи о томъ, что эта статья доставлена въ газету при моемъ посредствѣ.

М. Драгомановъ.

Мы видимъ, что въ этихъ „воспоминаніяхъ“ Драгомановъ вездѣ послѣдовательно сообщаетъ, что Нивинскій называлъ себя посланцемъ „Добровольной Охраны“. Независимо отъ него и Дебогорій-Мокріевичъ вспоминаетъ именно это названіе, какъ имя той организаціи, которая послала Нивинскаго. Но В. Я. Богучарскій увѣряетъ читателей, что „Мокріевичъ смѣшивалъ „Добровольную Охрану“ съ „Земской Лигой“; у него есть и подтвержденіе этого въ собственномъ признаніи Мокріевича; дословно онъ говоритъ: „возможность чего (т.-е. смѣшенія) вполнѣ допускалъ и въ личной бесѣдѣ съ нами самъ В. К. Дебогорій-Мокріевичъ“ (стр. 427, примѣч.). В. Я. Богучарскій считаетъ нужнымъ

---

[1]) Въ такомъ родѣ опредѣлялъ цѣли н а р о д о в о л ь ц е в ъ въ отличіе отъ собственно т е р р о р и с т о в ъ г. Тихомировъ въ своей книгѣ „La Russie sociale et politique (1-е изданіе 1886 г.). По словамъ г. Тихомирова, терроръ даже мѣшалъ.

настаивать на этомъ потому, что, какъ онъ утверждаетъ, „ни въ бумагахъ Лаврова, ни въ документахъ „Дружины", къ этому дѣлу относящихся, нѣтъ названія „Добровольная Охрана". И тамъ, и тамъ фигурируетъ „Земская Лига" (428, примѣч. и 326). На это надо, прежде всего, отвѣтить, что въ этихъ документахъ фигурируетъ не только „Земская Лига". Такъ, самъ В. Я. Богучарскій сообщаетъ, что „въ проектѣ договора, составленнаго Нивинскимъ, фигурируетъ почему-то уже терминъ не „земская лига", а „партія либеральныхъ земцевъ" (стр. 330). Въ другомъ мѣстѣ, изслѣдуя вопросъ объ организаціи „Священной Дружины", онъ говоритъ, что „названія „Добровольная Охрана", „Священная Дружина", а иногда и „Св. Лига" употреблялись нерѣдко одно вмѣсто другого" (298). Еще опредѣленнѣе говоритъ объ этомъ М. П. Драгомановъ, какъ въ вышеприведенныхъ воспоминаніяхъ, такъ и въ томъ отрывкѣ изъ его статьи—„Либерализмъ и земство въ Россіи" (впервые напечатанной въ 1889 году), который приводитъ и В. Я. Богучарскій. Въ этой статьѣ Драгомановъ сообщаетъ: „Послѣ кіевскихъ переговоровъ земцевъ съ революціонерами, земцы привлекли къ себѣ только нѣкоторые „легальные" элементы болѣе или менѣе радикальнаго направленія и въ томъ числѣ нѣсколько человѣкъ украинофильскаго направленія. Образовавшійся тогда союзъ нѣкоторые изъ его участниковъ называли не безъ иронiи, какъ это часто бываетъ, „Лигою оппозиціонныхъ элементовъ" или просто „Лигою". Она распространила свои сношенія и на сѣверныя губерніи, гдѣ въ 1880—81 гг. даже получила большее, чѣмъ на югѣ, распространеніе и организацію, когда изъ нея образовалось „Общество Земскаго Союза и Самоуправленія", или, просто: „Земскій Союзъ". Имя „Лиги" между тѣмъ пошло въ ходъ и, благодаря послѣдствіямъ тайны и безопасности, стало примѣняться къ самымъ разнообразнымъ обществамъ, о которыхъ ходили слухи..... Въ публикѣ называли „Лигою" и „Добровольную Охрану", которая, какъ говорили, тоже имѣла въ виду созваніе Земскаго Собора, и даже „Священную Дружину".....

„Люди разныхъ категорій находили интересъ поддерживать это смѣшеніе понятій и посредствомъ печати". (Слѣдуетъ въ примѣчаніи ссылка на „Общее Дѣло" „Le Revolté", 1881—82 гг., „Календарь Новой Воли" за 1883 г., а также „Правду"—„террористически-анархическій органъ, издававшійся въ Женевѣ въ 1882—83 гг. агентомъ Судейкина г. Климовымъ") (стр. 417—481).

Ясно, что Драгомановъ не смѣшивалъ „Добровольную Охрану" съ „Земской Лигой" въ 1889 году, когда писалъ свои „Воспоминанія" о переговорахъ „Добровольной Охраны" съ Исполнительнымъ Комитетомъ. Но онъ не могъ смѣшивать ихъ, подобно вышеназваннымъ органамъ печати, и въ іюлѣ 1882 г., когда къ нему явился Нивинскій. Вѣдь въ это время онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ „Вольнаго Слова", органа вышеупомянутаго общества „Земскаго Союза и Самоуправленія". А въ „Вольномъ Словѣ", какъ на это указываетъ самъ Драгомановъ въ своихъ воспоминаніяхъ, еще до появленія Нивинскаго была помѣщена предостерегающая и критическая замѣтка по поводу того, что „нѣкоторые земскіе кружки т о ж е стали возлагать надежды на установленіе политической свободы въ Россіи при посредствѣ дворцовой интриги". Слѣдовательно, Драгомановъ долженъ былъ знать, что Нивинскій посланъ не Земскимъ Союзомъ, а именно „Добровольной Охраной", „которая, какъ говорили, тоже имѣла въ виду созваніе Земскаго Собора" (стр. 417).

Но знали ли П. Л. Лавровъ и М. Н. Оловенникова, выступавшіе отъ имени Исполнительнаго Комитета, съ кѣмъ они вели переговоры? На этотъ вопросъ В. Я. Богучарскій даетъ рѣшительный отвѣтъ, что „Лавровъ и Оловенникова такъ и умерли, не узнавши истины о „Земской либеральной Лигѣ", съ которой они вели переговоры" (стр. 341 и 186).

По нашему мнѣнію, однако, В. Я. Богучарскій очень поверхностно отнесся къ выясненію этого вопроса. Прежде всего, Лавровъ и Оловенникова, какъ и Драгомановъ, абсолютно не могли сомнѣваться въ томъ, что „Земская Лига",

по порученію которой будто бы явился Нивинскій, это не то „Общество Земскаго Союза и Самоуправленія", органомъ котораго было „Вольное Слово". Иначе его ближайшій сотрудникъ Драгомановъ, сперва не устранился бы самъ, а затѣмъ не былъ бы устраненъ Лавровымъ отъ этихъ переговоровъ. Но затѣмъ, черезъ два мѣсяца эти переговоры были продолжены черезъ Н. Я. Николадзе, при чемъ роль, которую сыгралъ въ переговорахъ съ Нивинскимъ М. П. Драгомановъ, выпала въ этотъ разъ на долю Н. К. Михайловскаго. Н. Я. Николадзе явился къ членамъ Исполнительнаго Комитета уже прямо по порученію министра императорскаго двора, гр. И. И. Воронцова-Дашкова. Правда, въ этихъ послѣднихъ переговорахъ П. Л. Лаврова замѣнилъ Л. А. Тихомировъ, и В. Я. Богучарскій высказываетъ предположеніе, что, повидимому, Лавровъ о переговорахъ черезъ Николадзе ничего не зналъ (стр. 347, прим. 2). Однако это очень мало вѣроятно. Впрочемъ, положеніе П. Л. Лаврова въ этихъ переговорахъ было вообще очень странное: онъ велъ ихъ отъ лица Исполнительнаго Комитета еще тогда, когда не принадлежалъ къ партіи Народной Воли. Къ ней онъ примкнулъ только черезъ годъ послѣ этихъ переговоровъ, вступивъ въ редакцію „Вѣстника Народной Воли". Это обстоятельство хорошо извѣстно В. Я. Богучарскому (ср. стр. 180, прим. 2), но онъ предпочитаетъ о немъ умалчивать. Странно, однако, что В. Я. Богучарскій въ доказательство невѣдѣнія М. Н. Оловенниковой, съ кѣмъ велись переговоры, ссылается на ея фразу въ значительно позже написанныхъ ею воспоминаніяхъ, въ которыхъ она говоритъ: „Единственные переговоры съ *л и б е р а л а м и*, имѣвшіе характеръ взаимныхъ уступокъ (съ нашей стороны фиктивныхъ) происходили за границей въ 1882 году" (341 примѣч. и 186). Прежде всего, это заявленіе свидѣтельствуетъ объ ужасающемъ фактѣ, что въ этихъ переговорахъ обѣ стороны стремились другъ друга обмануть; а это показываетъ, на какомъ низкомъ уровнѣ стояло наше общественное развитіе въ то время. Затѣмъ В. Я. Богучарскій, коментируя это сообщеніе М. Н. Оловянниковой, со-

вершенно невѣрно объясняетъ, что „либералы"—это „въ сущности общество" (185). Вѣдь М. Н. Оловенникова знала отъ Нивинскаго, какъ это можно заключить изъ воспоминаній В. К. Дебогорія-Мокріевича, что во главѣ пославшей его организаціи стоялъ гр. Шуваловъ, и она участвовала въ переговорахъ съ Н. Я. Николадзе, дѣйствовавшимъ по порученію гр. Воронцова-Дашкова. Слѣдовательно, не можетъ подлежать сомнѣнію, что подъ „либералами" М. Н. Оловенникова подразумѣвала не рядовыхъ либеральныхъ земцевъ, которые не представляли съ ея точки зрѣнія никакого интереса, а именно гр. И. И. Воронцова-Дашкова, гр П. П. Шувалова, гр. Н. П. Игнатьева и др., т.-е. либераловъ, близко стоявшихъ къ трону и правительству. Только съ ними она и могла вести переговоры; это вполнѣ соотвѣтствовало ея якобинско-заговорщическимъ вкусамъ.

Съ другой стороны, Нивинскій, явившись за границу, не говорилъ о коллективныхъ выступленіяхъ земствъ и т. п., что могъ бы обѣщать Земскій Союзъ при хорошей организаціи. Напротивъ, онъ сообщалъ о силѣ пославшей его организаціи въ Петербургѣ, предлагалъ выхлопотать амнистію осужденнымъ революціонерамъ или эмигрантамъ, обѣщалъ созывъ Земскаго Собора въ близкомъ будущемъ. Вѣдь, достаточно хотя бы бѣгло ознакомиться съ проектами договора, выработаннаго П. Л. Лавровымъ и Э. И. Нивинскимъ и первоначально опубликованными въ „Быломъ" для того, чтобы убѣдиться, что Исполнительный Комитетъ вступаетъ въ договоръ съ чѣмъ-то вродѣ дворцовой заговорщической организаціи [1]). В. Я. Богучарскій перепечатываетъ ихъ цѣликомъ, но не анализируетъ ихъ (стр. 227—333). Курьезно, что тѣ черты, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что договоръ заключается съ дворцовыми заговорщиками даже сильнѣе сказываются въ пунктахъ условій, выработанныхъ П. Л. Лавровымъ,

[1]) „Докумены и матеріалы къ исторіи переговоровъ Исполнительнаго Комитета съ Священной Дружиной". „Былое". 1907, сентябрь стр. 208—214.

чѣмъ въ таковыхъ же пунктахъ Э. И. Нивинскаго. Изъ этого видно, на какое подходящее настроеніе людей, „чаящихъ движенія воды“, натолкнулся Э. И. Нивинскій. Такъ „прелиминарныя условія“, выработанныя П. Л. Лавровымъ, устанавливаютъ, что „Земская лига обязуется прежде всего (доказать) выяснить свою силу и (полную благонадежность своихъ намѣреній) свои цѣли, для этого: а) Земская лига выхлопочетъ амнистію Чернышевскаго или б) облегченіе участи политическихъ каторжныхъ (въ Сибири)“... Далѣе оказывается, что „Земская лига должна сообщить теперь же, въ какіе приблизительно сроки она считаетъ возможнымъ (при пассивномъ содѣйствіи Исполнительнаго Комитета) подготовить: (приводимъ сокращенно) полную амнистію, свободу печати и созывъ Земскаго Собора“..... Но какая другая тайная организація, кромѣ организаціи дворцовыхъ заговорщиковъ, могла бы давать такія обѣщанія? А въ такомъ случаѣ, не все ли равно, какъ эта организація называлась—Земская Лига или Добровольная Охрана? Если, въ концѣ-концовъ, въ переговорахъ воспреобладало названіе Земская Лига, то можетъ быть, только въ силу старой симпатіи русскаго общества къ земщинѣ, а не опричинѣ.

В. Я. Богучарскій даже не затронулъ вопроса о томъ, не предполагали ли члены Исполнительнаго Комитета, что они имѣютъ дѣло съ дворцовымъ заговоромъ, а это наиболѣе вѣроятно. Въ его изображеніи поведеніе членовъ Исполнительнаго Комитета совершенно непонятно; они являются какими-то манекенами. Вообще онъ упустилъ изъ виду общественную сторону переговоровъ Священной Дружины съ Исполнительнымъ Комитетомъ. Увлекшись неосуществимымъ стремленіемъ доказать связь Земской Лиги съ Земскимъ Союзомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ причастность М. П. Драгоманова къ Священной Дружинѣ, хотя бы и помимо его вѣдома, онъ придумалъ какія-то небывалыя „солидныя рекомендаціи“ Нивинскаго къ Драгоманову и этимъ объяснилъ то обстоятельство, что Нивинскій въ пер-

вую очередь обратился къ Драгоманову. Но послѣднее обстоятельство гораздо проще и естественнѣе объясняется тѣмъ, что Драгомановъ жилъ въ Женевѣ, считавшейся центромъ эмиграціи, и что адресъ его стоялъ на массѣ его изданій. Затѣмъ В. Я. Богучарскій выдвинулъ на первое мѣсто доклады инспираторовъ Нивинскаго и Николадзе, въ которыхъ эти темныя личности (т.-е. инспираторы) стремились показать себя передъ сильными міра хорошими шпіонами и придать шпіонскій характеръ и миссіямъ Нивинскаго и Николадзе, повидимому, помимо вѣдома этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, онъ свелъ всю исторію этихъ переговоровъ къ чисто шпіонской интригѣ и отвлекъ вниманіе читателей отъ той роли, которую играли въ этихъ переговорахъ члены Исполнительнаго Комитета, и отъ тѣхъ мотивовъ, которыми они руководились. Но въ этихъ переговорахъ была, несомнѣнно, и общественная сторона, при томъ чрезвычайно характерная, такъ какъ она показываетъ, на какомъ низкомъ уровнѣ стояло наше политическое развитіе тридцать лѣтъ тому назадъ. Этотъ низкій уровень одинаково сказывался какъ въ средѣ нашихъ революціонеровъ, такъ и въ средѣ круговъ, близко стоявшихъ къ двору.

Впрочемъ, совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ своей книги В. Я. Богучарскій пытается посмотрѣть и нѣсколько иначе на интересующія насъ событія. Онъ прямо ставитъ вопросъ: „Но что же такое организація „мужественныхъ добровольцевъ“?—Была ли она исключительно орудіемъ сыска или чѣмъ-нибудь болѣе сложнымъ?“ На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ: „Мы склонны думать, что именно болѣе сложнымъ“ (стр. 436). Эту большую сложность онъ видитъ въ появленіи „разныхъ теченій“ среди самой Священной Дружины. По его словамъ, „тогда какъ кн. А. П. Щербатовъ или сенаторъ Шульцъ видѣли въ возникшей организаціи исключительно средство для „искорененія крамолы“, другіе, и среди нихъ въ особенности, гр. П. П. Шуваловъ, честолюбиво мечтали при помощи организаціи не терроръ только прекратить, но и представительнаго образа прав-

ленія съ двумя палатами—непремѣнно съ двумя палатами, изъ которыхъ верхняя должна по возможности приближаться къ англійской палатѣ лордовъ,—добиться" (стр. 437). Затѣмъ, перечисливъ поступки гр. П. П. Шувалова, указывающіе на его симпатіи къ конституціонализму, В. Я. Богучарскій, какъ бы полемизируя съ самимъ собой и опровергая ранѣе установленное имъ самимъ освѣщеніе дѣятельности Священной Дружины, заканчиваетъ словами: „Объяснить все это одною лишь провокаціею было бы, конечно, очень просто, но въ то же время и исторически невѣрно" (438). Этимъ В. Я. Богучарскій и ограничивается. Итакъ, этотъ важный вопросъ авторъ рѣшаетъ сообщеніемъ о томъ, какъ онъ склоненъ думать!

Но, повидимому, Священная Дружина представляла нѣчто еще болѣе сложное, чѣмъ даже склоненъ думать В. Я. Богучарскій. Такъ, особенность конституціонализма гр. П. П. Шувалова заключалась, конечно, не въ пристрастіи къ двухпалатному народному представительству (тридцать лѣтъ тому назадъ и палата лордовъ была бы большимъ благомъ для Россіи), а въ томъ, что онъ предлагалъ Н. Я. Николадзе устроить ему свиданіе съ носителемъ верховной власти, чтобы пригрозить послѣднему возрожденіемъ террора и склонить его къ конституціоннымъ уступкамъ (стр. 364). Подобнаго рода пріемы типичны для дворцовыхъ заговорщиковъ. А въ такомъ случаѣ, слѣдовательно, не только члены Исполнительнаго Комитета могли видѣть въ Земской Лигѣ или Священной Дружинѣ дворцовыхъ заговорщиковъ, но и въ самой этой Дружинѣ были заговорщическіе элементы. Все это требовало бы болѣе детальнаго и безпристрастнаго изслѣдованія.

Въ заключеніе мы еще разъ должны повторить, что выяснить полностью дѣятельность Священной Дружины и значеніе ея переговоровъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ можно было бы, только вдвинувъ ихъ въ ту общественную атмосферу, въ которой они происходили. Для этого надо было бы писать не исторію Исполнительнаго Комитета, какъ это сдѣлалъ В. Я. Богучарскій, а исторію

всей партіи Народной Воли и гораздо больше принимать во вниманіе все наше общественное развитіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для этого было бы необходимо, какъ мы также уже отмѣтили, остановиться на проектахъ созыва Земскаго Собора, выдвинутыхъ гр. Н. П. Игнатьевымъ.

III.

Перейдемъ теперь ко второму событію или, вѣрнѣе, ряду событій, съ которыми связанъ М. П. Драгомановъ, и посмотримъ, какъ о нихъ разсказываетъ въ своей исторіи В. Я. Богучарскій. Мы имѣемъ въ виду изданіе въ Женевѣ съ августа 1881 по май 1883 года газеты „Вольное Слово", которая была основана для того, чтобы дать возможность всѣмъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ направленіямъ, за исключеніемъ террористическаго, высказаться, а потомъ объявила себя органомъ „Общества Земскаго Союза и Самоуправленія" или, коротко, „Земскаго Союза". В. Я. Богучарскій посвящаетъ, какъ было упомянуто выше, этой газетѣ и Земскому Союзу всю предпослѣднюю главу своей книги. Онъ стремится связать Земскій Союзъ съ Священной Дружиной; для этого онъ даже переноситъ въ эту главу свое ни на чемъ не основанное утвержденіе, что Нивинскій явился къ Драгоманову съ „солидными рекомендаціями", и вообще снова возвращается къ Нивинскому, хотя Нивинскій никакого отношенія къ Земскому Союзу не имѣлъ. Какъ мы указали выше, П. Л. Лавровъ и М. Н. Оловенникова могли вступить въ переговоры съ Э. И. Нивинскимъ только при томъ условіи, что Земская Лига, представителемъ которой послѣдній себя выдавалъ, не тожественна съ Земскимъ Союзомъ, издававшимъ „Вольное Слово" при ближайшемъ участіи М. П. Драгоманова. Къ срединѣ 1882 года между М. П. Драгомановымъ и лицами, сочувствовавшими террору и Народной Волѣ, уже никакихъ отношеній не могло быть.

О Земскомъ Союзѣ прежде всего надо сказать, что съ самаго возникновенія его, въ него втерлись нѣсколько (по крайней мѣрѣ, два) „секретныхъ сообщителей", какъ они названы въ запискѣ департамента полиціи „О противоправительственныхъ сообществахъ, не столь вредныхъ". Однимъ изъ этихъ „секретныхъ сообщителей" былъ А. П. Мальшинскій, основатель „Вольнаго Слова"; въ запискѣ онъ названъ Крапивинымъ, причемъ въ ней отмѣчено, что это псевдонимъ. Относительно двойной роли А. П. Мальшинскаго не могло быть больше сомнѣнія послѣ того, какъ эта записка была опубликована въ „Общемъ Дѣлѣ" въ іюлѣ 1883 года, т.-е. спустя два мѣсяца послѣ прекращенія „Вольнаго Слова".

Конечно, этотъ фактъ проникновенія въ Земскій Союзъ съ самаго возникновенія его „секретныхъ сообщителей" свидѣтельствуетъ объ очень плохой организаціи его, особенно если принять во вниманіе, что въ то время наша политическая полиція еще не изловчилась въ подобныхъ пріемахъ сыска. Но мы теперь знаемъ, что спустя двадцать лѣтъ, когда въ началѣ текущаго столѣтія возникала нынѣшняя партія соціалистовъ-революціонеровъ, въ нее съ самаго начала вошелъ такой же секретный сообщитель Е. Ф. Азефъ. Онъ скоро проникъ въ Центральный Комитетъ партіи и сталъ во главѣ ея Боевой Организаціи, т.-е. подобно Мальшинскому изъ секретнаго сообщителя превратился въ провокатора. Однако это обстоятельство не даетъ повода считать партію соціалистовъ-революціонеровъ „дѣтищемъ" департамента полиціи или излагать ея исторію съ точки зрѣнія провокаціи Азефа.

Теперь посмотримъ, какъ В. Я. Богучарскій разсказываетъ исторію „Вольнаго Слова" и „Земскаго Союза". Глава, посвященная имъ, начинается слѣдующимъ образомъ:

„Нашъ, конечно, требующій еще многихъ дополненій, очеркъ исторіи борьбы „мужественныхъ добровольцевъ" съ „крамолою" былъ бы крайне неполонъ, если бы мы не попытались раскрыть еще одну страничку изъ ихъ дѣятельности,—страничку, на которой не останавливался до сихъ

поръ ни одинъ изъ историковъ нашей общественности; эта страничка открывается 1881 г., проходитъ черезъ весь 1882 и захватываетъ даже часть 1883 года, т.-е. продолжается еще и тогда, когда организація „мужественныхъ добровольцевъ“ уже формально перестала существовать. Мы говоримъ объ извѣстной въ свое время заграничной газетѣ, во главѣ которой стоялъ нѣкоторое время покойный М. П. Драгомановъ,—„Вольное Слово“. Газета эта,—цѣлый рядъ соображеній, на нашъ взглядъ, неопровержимыхъ, привелъ насъ къ твердому въ томъ убѣжденію,—была тоже дѣтищемъ „мужественныхъ добровольцевъ“ (стр. 386—387).

Затѣмъ, послѣ краткой цитаты изъ автобіографіи Драгоманова и оговорки, что „М. П. Драгомановъ человѣкъ, во всѣхъ отношеніяхъ, разумѣется, безукоризненный“, слѣдуетъ цѣлый рядъ сообщеній все болѣе и болѣе сгущающихъ краски. Однако, это сгущеніе красокъ можетъ производить впечатлѣніе только на читателей, ничего до сихъ поръ не слыхавшихъ о „Вольномъ Словѣ“ и А. П. Мальшинскомъ. Къ нимъ, впрочемъ, къ сожалѣнію, принадлежитъ большинство русскаго общества, не исключая и его литературныхъ круговъ. Въ дѣйствительности В. Я. Богучарскій только и сообщаетъ давно извѣстный фактъ, что основателемъ „Вольнаго Слова“ былъ А. П. Мальшинскій, который былъ агентомъ департамента полиціи и „еще въ 1879 году составилъ для шефа жандармовъ Дрентельна секретную книгу по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи“ (387). Новое освѣщеніе этого факта В. Я. Богучарскимъ заключается въ сообщеніи о томъ, что А. П. Мальшинскій съ 1896 года до своей смерти, послѣдовавшей 24-го іюня 1899 года, издавалъ ультра-реакціонную газету „Народъ“, и въ перепечаткѣ его некролога изъ „Новаго Времени“. Къ сообщенію „Новаго Времени“ о томъ, что Мальшинскій „сотрудничалъ въ „Порядкѣ“ Стасюлевича и „Берегѣ“ Цитовича“, В. Я. Богучарскій присоединяетъ обширное примѣчаніе, въ которомъ характеризуетъ крайне реакціонный характеръ „Берега“, а относительно сотрудничества въ „Порядкѣ“ приводитъ выдержку изъ письма къ

нему Л. З. Слонимскаго. Въ немъ Л. З. Слонимскій говоритъ: „Имя Мальшинскаго мнѣ совершенно неизвѣстно, и я абсолютно не помню, помѣщались ли когда-нибудь его статьи въ „Порядкѣ". Случайнымъ сотрудникомъ онъ могъ быть, такъ какъ въ газетѣ приходится часто печатать корреспонденціи, статьи и замѣтки разныхъ незнакомцевъ, относительно которыхъ редакція не имѣетъ никакихъ свѣдѣній,— если содержаніе статей само по себѣ не даетъ повода къ какимъ-либо сомнѣніямъ". Изъ этого сообщенія В. Я. Богучарскій спѣшитъ сдѣлать выводъ, что „отсюда видно, что о „сотрудничествѣ" Мальшинскаго въ „Порядкѣ", собственно говоря, не можетъ быть и рѣчи, но распространять о себѣ такія свѣдѣнія для Мальшинскаго имѣло, конечно, свое значеніе" [1]) (389, прим.). При этомъ В. Я. Богучарскій упускаетъ изъ виду, что при двойственной роли А. П. Мальшинскаго онъ могъ сотрудничать въ различныхъ изданіяхъ только подъ псевдонимами, и потому вполнѣ естественно, если Л. З. Слонимскому неизвѣстно его имя, а затѣмъ для Мальшинскаго имѣло значеніе распространять свѣдѣнія о своемъ сотрудничествѣ въ „Порядкѣ" не въ „Новомъ Времени", притомъ не въ собственномъ некрологѣ въ 1899 г., а въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Впрочемъ, пишущій эти строки можетъ удостовѣрить, что ему не разъ приходилось слышать, что въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ А. П. Мальшинскій слылъ на югѣ Россіи очень радикальнымъ публицистомъ. Это и проложило ему, вѣроятно, путь и въ Земскій Союзъ, и къ изданію „Вольнаго Слова".

Возвращаясь къ разсказу В. Я. Богучарскаго, надо отмѣтить, что затѣмъ онъ приводитъ явно неточную цитату

---

[1]) Въ заключительной фразѣ В. Я. Богучарскій говоритъ: „Вѣдь „Порядокъ" издавался до того времени (курс. подлинника), когда Мальшинскій уѣхалъ за границу мистифицировать Драгоманова своимъ „либерализмомъ" и принадлежностью къ Земскому Союзу". Это выражено крайне неточно: „Порядокъ" возникъ до указаннаго времени, но затѣмъ пять мѣсяцевъ „Вольное Слово" и „Порядокъ" издавались одновременно, такъ какъ первый номеръ „Вольнаго Слова" вышелъ 8-го августа 1881 г., а послѣдній номеръ „Порядка"—8-го янв. 1882 г.

изъ „Библіографическаго каталога“ Элпидина, въ которой послѣдній говоритъ о „Вольномъ Словѣ“, что „въ журналѣ было два редактора,—одинъ пріѣзжій изъ Петербурга, другой эмигрантъ, приватъ-доцентъ кіевскаго университета Мих. Драгомановъ“. Этого „пріѣзжаго“ Элпидинъ называетъ Мальшинскимъ. Однако, изъ предшествующаго и послѣдующаго ясно, что эти два лица были редакторами „В. Сл.“ не одновременно, а разновременно. А что Мальшинскій былъ лишь „пріѣзжимъ“, выяснилось только позже. Слѣдующее затѣмъ мѣсто въ книгѣ В. Я. Богучарскаго показываетъ, что даже опечатки въ ней противъ М. П. Драгоманова. Такъ, пытаясь характеризовать „Вольное Слово“, В. Я. Богучарскій говоритъ: „Вольное Слово“, видимо, было обставлено прилично въ матеріальномъ отношеніи, отличалось значительнымъ разнообразіемъ получавшихся изъ Россіи свѣдѣній и ставило одною изъ своихъ главныхъ задачъ на-ряду съ борьбою за политическую свободу и борьбу съ терроромъ. Сотрудниками газеты были, съ одной стороны, такіе безусловно преданные дѣлу свободы и демократіи люди, какъ самъ М. П. Драгомановъ, а съ другой стороны—небезызвѣстный „спеціалистъ по славянскимъ дѣламъ“, нынѣшній сотрудникъ „Новаго Времени“ г. Веселитскій-Божидаровичъ“ (390). Если обратиться къ „замѣченнымъ погрѣшностямъ“ въ концѣ книги В. Я. Богучарскаго, то оказывается, что послѣ словъ: „самъ М. П. Драгомановъ“ должно стоять „и П. Б. Аксельродъ“ (483). Но, конечно, большинство читателей въ списокъ опечатокъ не смотритъ. Самъ В. Я. Богучарскій долженъ былъ замѣтить свою погрѣшность, такъ какъ черезъ два печатныхъ листа въ его книгѣ приведена большая цитата изъ статьи Драгоманова „Либерализмъ и земство въ Россіи“, въ которой сообщается, что въ „Вольномъ Словѣ“ сотрудничали нѣкоторые чернопередѣльцы, сдѣлавшіеся впослѣдствіи соціалъ-демократами (415—416). Впрочемъ, отрицать сотрудничество П. Б. Аксельрода въ „Вольномъ Словѣ“ невозможно, такъ какъ въ немъ помѣщены нѣсколько большихъ статей его по соціально-экономическимъ во-

просамъ за полною подписью. П. Б. Аксельродъ указанъ въ числѣ сотрудниковъ „Вольнаго Слова“ вмѣстѣ съ извѣстнымъ политико-экономистомъ Н. И. Зиберомъ и въ книгѣ В. Л. Бурцева „За сто лѣтъ“.

Послѣ вышеприведенной цитаты съ опечаткой В. Я. Богучарскій говоритъ, что „вскорѣ въ издававшемся въ то же время за границей журналѣ „Общее Дѣло“ (подъ редакціей Н. А. Бѣлоголоваго, В. А. Зайцева и А. Х. Христофорова) стали появляться прямыя обвиненія противъ Мальшинскаго, какъ противъ полицейскаго агента“ (390). Къ сожалѣнію, В. Я. Богучарскій и здѣсь не точенъ, такъ какъ онъ не говоритъ, что значитъ это „вскорѣ“, т.-е. съ какого времени начали появляться эти обвиненія Мальшинскаго. Затѣмъ онъ передаетъ со словъ А. Х. Христофорова, что „Мальшинскій выдавалъ себя за члена „Земскаго Союза“, органомъ котораго и являлась будто бы газета „Вольное Слово“. Это сообщеніе и даетъ поводъ В. Я. Богучарскому перейти къ изслѣдованію вопроса о томъ, что же это былъ за „Земскій Союзъ“. Для этого онъ и перепечатываетъ сперва вышеупомянутую записку „О противоправительственныхъ сообществахъ, не столь вредныхъ“ (стр. 391—396). Далѣе онъ еще нѣсколько разъ возвращается къ „Вольному Слову“. Но въ заключеніе, какъ мы отмѣтили въ началѣ нашего критическаго очерка, онъ, приведя мнѣніе нѣкоторыхъ революціонеровъ, считавшихъ „Вольное Слово“ органомъ провокаторскимъ, отказывается признать его таковымъ.

Однако, что представляло изъ себя „Вольное Слово“ по своей программѣ и по своему идейному содержанію, В. Я. Богучарскій не говоритъ. За исключеніемъ нѣкотораго намека на характеристику „Вольнаго Слова“ въ вышеприведенной цитатѣ съ опечаткой и отказа признать „Вольное Слово“ провокаторскимъ органомъ, въ заключительномъ выводѣ В. Я. Богучарскій не характеризуетъ это изданіе. Этимъ онъ явно вводитъ своихъ читателей въ заблужденіе, такъ какъ „Вольное Слово“ чрезвычайно рѣдкое изданіе (даже въ Румянцевской библіотекѣ есть только пять

номеровъ изъ шестидесяти одного, притомъ не характерныхъ для этого изданія), и познакомиться съ нимъ непосредственно очень трудно. Впрочемъ, если бы онъ далъ правдивую характеристику программы и содержанія „Вольнаго Слова", то ему пришлось бы отказаться отъ своего утвержденія, что оно было „дѣтищемъ мужественныхъ добровольцевъ" (стр. 387 и 436). Тогда онъ лишилъ бы себя права сказать, что въ 1883 году „Священная Дружина" формально уже была закрыта, но существованіе свое еще нѣкоторое время продолжала отстаивать—поддержкою заграничной газеты „Вольное Слово" (стр. 433). Пишущему эти строки много разъ въ своей жизни удавалось знакомиться съ сборниками разрозненныхъ номеровъ „Вольнаго Слова", а въ январѣ 1906 года ему пришлось работать надъ полнымъ экземпляромъ этого изданія, конечно, для строго опредѣленно литературной цѣли. Это и даетъ право автору этого критическаго очерка утверждать, что по своему содержанію „Вольное Слово" отъ перваго до послѣдняго номера было абсолютно честнымъ конституціоннымъ органомъ. По своей программѣ и своему типу оно очень близко къ „Освобожденію", издававшемуся П. Струве сперва въ Штуттгартѣ, а затѣмъ въ Парижѣ съ 1902 по 1905 годъ.

Впрочемъ, если бы изъ содержанія „В. Слова" можно было извлечь хоть что-нибудь въ пользу утвержденія В. Я. Богучарскаго, что оно было „дѣтищемъ" Священной Дружины, то онъ бы это извлекъ. Но все, что В. Я. Богучарскій выудилъ изъ этого содержанія для доказательства своего утвержденія, заключается прежде всего въ одномъ отрицательномъ фактѣ — плохой освѣдомленности „Вольнаго Слова", или, вѣрнѣе, М. П. Драгоманова. Онъ пишетъ, что „даже въ 1889 г., когда Драгомановъ писалъ свою статью „Либерализмъ и земство въ Россіи", такой громкій фактъ, какъ высылка изъ Таврической губ. въ 1881 г. крупнаго земскаго дѣятеля В. К. Винберга, былъ извѣстенъ бывшему редактору „Вольнаго Слова" только

въ качествѣ „неяснаго слуха". Уже одно это могло бы заставить усомниться въ томъ, что „Вольное Слово" было прямымъ органомъ Общества Земскаго Союза и Самоуправленія"... (стр. 417). Но этотъ фактъ ничего рѣшительно не доказываетъ. Вѣдь, „Освобожденіе" издавалось черезъ двадцать лѣтъ послѣ „Вольнаго Слова", когда и организація въ земской средѣ была лучше, и сношенія между земцами были чаще, и несмотря на это хуже всего въ „Освобожденіи" былъ поставленъ информаціонный отдѣлъ, особенно по земскимъ дѣламъ. Это хорошо извѣстно всѣмъ, кто въ свое время стоялъ близко къ „Освобожденію" или теперь стоитъ близко къ П. Б. Струве,—слѣдовательно, какъ пишущему эти строки, такъ и В. Я. Богучарскому. Положительные факты, которые В. Я. Богучарскій приводитъ въ доказательство своего утвержденія, что „Вольное Слово" было „дѣтищемъ Священной Дружины", заключаются въ его увѣреніяхъ, что въ „Вольномъ Словѣ" „появились сообщенія, указывающія объ (на?) очень большой освѣдомленности въ придворныхъ дѣлахъ корреспондентовъ газеты" (стр. 419). Однако въ подтвержденіе своего увѣренія онъ приводитъ единственный случай, когда „Вольному Слову" было прислано „Положеніе о личной охранѣ Е. И. В. Государя Императора" за нѣсколько дней до распубликованія его въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Но подобной освѣдомленностью могутъ обладать и сотни самыхъ мелкихъ людишекъ. Затѣмъ В. Я. Богучарскій приводитъ еще два сообщенія изъ „Вольнаго Слова" о самой Священной Дружинѣ (420—421). Однако, эти сообщенія ничего не доказываютъ, такъ какъ слухи объ этой организаціи проникали тогда въ общество и такія же сообщенія появлялись въ то время во всѣхъ нелегальныхъ органахъ. Къ тому же нельзя не отмѣтить странный способъ ссылки В. Я. Богучарскаго на эти сообщенія „Вольнаго Слова" о Священной Дружинѣ. Если онъ видитъ въ нихъ доказательство того, что „Вольное Слово" было связано съ Священной Дружиной, то онъ долженъ былъ бы привести и проанализировать всѣ эти сообщенія,

а не ссылаться на одни изъ нихъ и умалчивать о другихъ. Такъ онъ не упоминаетъ о статьѣ въ № 41 „Вольнаго Слова“ отъ 15 іюля 1882 года, въ которой заключалось предостереженіе тѣмъ земскимъ элементамъ, которые возлагали какіе-то конституціонныя надежды на Священную Дружину.

Обращаемъ вниманіе читателей на то, что все, что В. Я. Богучарскій извлекъ изъ содержанія „Вольнаго Слова“ для того, чтобы доказать его связь съ Священной Дружиной, относится къ области сообщенія или несообщенія извѣстныхъ свѣдѣній, а не къ области отстаиванія и проповѣди какихъ-нибудь идей. Изъ этой послѣдней области В. Я. Богучарскій можетъ поставить въ вину „Вольному Слову“ уже въ другихъ мѣстахъ своей книги только борьбу съ терроромъ, притомъ не отъ своего, а отъ чужого имени, такъ какъ онъ самъ отрицательно относится къ террору. Онъ долженъ былъ бы прибавить еще и борьбу съ якобинствомъ и заговорщичествомъ (бланкизмомъ) Народной Воли. Но объ этомъ онъ умалчиваетъ, и такимъ образомъ не раскрываетъ передъ читателемъ громадной идейной заслуги „Вольнаго Слова“.

Для характеристики отношенія „Вольнаго Слова“ къ террору В. Я. Богучарскій между прочимъ разсказываетъ слѣдующее: „Крапивинъ по словамъ „Записки“ (о противоправительственныхъ сообществахъ, не столь вредныхъ) обратился за содѣйствіемъ (для изданія газеты) сначала къ Лаврову, но получилъ отказъ. Намъ извѣстно самымъ положительнымъ образомъ, что такой фактъ дѣйствительно былъ, что нѣкій субъектъ обращался въ 1881 году къ П. Л. Лаврову съ предложеніемъ поставить газету и „вести ее въ какомъ угодно направленіи“, съ однимъ лишь условіемъ— „бороться и съ революціоннымъ терроромъ“, и что Лавровъ въ своемъ содѣйствіи такому предпріятію отказалъ. Посланный субъектъ не скрывалъ передъ Лавровымъ своей настоящей фамиліи. Это былъ Аркадій Павловичъ Мальшинскій, о которомъ мы уже достаточно говорили выше“... (411).

Все это въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ разсказано В. Я. Богучарскимъ такъ, что читатель можетъ подумать, что Лавровъ сразу же разгадалъ въ Мальшинскомъ провокатора, не далъ себя мистифицировать подобно Драгоманову и чуть ли не спустилъ Мальшинскаго съ лѣстницы. А между тѣмъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что знакомство Лаврова съ Мальшинскимъ на этомъ визитѣ Мальшинскаго не оборвалось, а продолжалось нѣкоторое время, и что Лавровъ косвенно даже оказывалъ содѣйствіе „газетѣ Мальшинскаго". Объ этомъ есть свѣдѣнія и въ печати. Такъ, въ одномъ изъ писемъ М. П. Драгоманова (написанномъ осенью 1885 г.) въ разсказѣ о событіяхъ, происходившихъ въ 1881 г., есть такая случайно брошенная фраза: „Пріѣхалъ Аксельродъ, котораго Лавровъ рекомендовалъ Мальшинскому въ хроникеры въ „Вольное Слово" [1]). Правда, Лавровъ отказался отъ прямого участія въ „Вольномъ Словѣ". Но причина этого заключалась не въ Мальшинскомъ, а въ самомъ Лавровѣ: послѣдній въ 1880 и первую половину 1881 года не разъ выступалъ противъ террора, но со второй половины 1881 года онъ началъ мѣнять свое отношеніе къ террору. Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ визита Мальшинскаго Лавровъ уже вступаетъ отъ имени Исполнительнаго Комитета въ переговоры съ делегатомъ Священной Дружины Нивинскимъ, а черезъ два года онъ, становясь однимъ изъ редакторовъ „Вѣстника Народной Воли", дѣлается членомъ этой по преимуществу террористической партіи. Это впрочемъ не помѣшало Лаврову, когда Л. А. Тихомировъ раскаялся, опять высказаться противъ террора [2]). Это было въ духѣ Лаврова. Извѣстенъ фактъ, что,

---

[1]) М. Драгоманов. Листи до Івана Франка і инших. Т. І. Львів, 1906, стр. 135. Вышеприведенная фраза переведена съ украинскаго.

[2]) Въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. II (дополнительный), стр. 51, В. В—въ по поводу этихъ колебаній Лаврова говоритъ слѣдующее: „Увлекаемый ходомъ революціонной мысли въ Россіи, ни въ какомъ случаѣ не идя впереди ея, онъ (Лавровъ) въ концѣ 1870-хъ гг. сдѣлался хотя и не безусловнымъ и нѣсколько колеблющимся сторонникомъ нового революціоннаго направленія, извѣстнаго подъ именемъ народовольчества".

приступая къ изданію журнала „Впередъ“, Лавровъ составилъ три совершенно различныхъ программы на всякій случай, какая больше подойдетъ къ тѣмъ сторонникамъ, которыхъ онъ разсчитывалъ пріобрѣсти[1]). Объ этомъ до недавняго времени не говорили въ печати; но, кажется, уже пора прекратить естественное въ послѣднія десять лѣтъ жизни и въ первые годы послѣ смерти П. Л. Лаврова замалчиваніе и затушевываніе его слабостей, котораго еще придерживается въ своей книгѣ В. Я. Богучарскій (стр. 440—444). Теперь уже наступило время, когда можно и нужно говорить о П. Л. Лавровѣ всю историческую правду, тѣмъ болѣе, что несмотря на всѣ его слабости, какъ практическаго дѣятеля и политика, заслуги его, какъ человѣка, тридцать лѣтъ стоявшаго въ центрѣ всей русской эмиграціи, громадны. Къ тому же у П. Л. Лаврова есть и большія заслуги въ области теоретическаго мышленія и философіи.

Возвращаясь къ вопросу объ отношеніи „Вольнаго Слова“ къ террору, надо указать на то, что существованіе этого изданія совпало съ моментомъ кризиса въ этомъ вопросѣ. Не только П. Л. Лавровъ мѣнялъ тогда свое отношеніе къ террору, но и часть чернопередѣльцевъ съ Стефановичемъ во главѣ въ моментъ возникновенія „Вольнаго Слова“ присоединилась къ партіи Народной Воли. Даже другая часть чернопередѣльцевъ въ лицѣ Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода и В. И. Засуличъ, изъ которыхъ впослѣдствіи, въ 1902—3 годахъ В. И. Засуличъ и Г. В. Плехановъ уже въ качествѣ соціалъ-демократовъ такъ мужественно выступили противъ террора (мы отвлекаемся отъ недопустимыхъ формъ полемики, возникшей тогда), въ то время

---

[1]) Ср. Н. Е. Кудринъ. Лавровъ, человѣкъ и мыслитель (къ десятилѣтію его смерти) „Русское Богатство“, 1910 февраль, особенно стр. 233, гдѣ сказано слѣдующее: „Лавровъ съ 1872 г. занятъ планомъ объ изданіи свободнаго русскаго органа за границей и, пока этотъ планъ осуществится, пишетъ одна за другою три различныя программы, что въ свое время вызывало упреки и насмѣшки. Между тѣмъ исторія послѣдовательнаго написанія трехъ программъ очень проста“. Затѣмъ авторъ разсказываетъ, съ какими различными революціонными элементами въ Россіи и за границей П. Л. Лавровъ послѣдовательно пытался въ то время сближаться.

постепенно начали колебаться. Вѣдь въ 1883 году Г. В. Плехановъ на одинъ моментъ даже вступилъ въ редакцію „Вѣстника Народной Воли", но отстранился отъ нея еще до выхода перваго номера [1]).

Единственный М. П. Драгомановъ оставался въ это время непоколебимымъ въ своихъ взглядахъ на терроръ. Но, конечно, не Мальшинскій и не „Вольное Слово" заставили его вести жестокую борьбу съ терроромъ и „Народной Волей". Этого не отваживается утверждать даже В. Я. Богучарскій. Самое важное выступленіе М. П. Драгоманова противъ террора, его брошюра „Le Tyrranicide en Russie et l'Europe occidentale" которая больше всего сердила народовольцевъ, такъ какъ компрометировала ихъ передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, относится ко времени до возникновенія „Вольнаго Слова" [2]). Автору этого очерка приходилось слышать даже отъ противниковъ террора мнѣніе, что прямолинейная борьба М. П. Драгоманова съ терроромъ была иногда политической безтактностью. Можетъ быть, это и такъ. Но М. П. Драгомановъ сознательно уклонялся отъ практической политической дѣятельности и принципіально не вступалъ ни въ какія русскія политическія партіи. Поэтому своей главной задачей онъ считалъ блюсти въ своей публицистической дѣятельности чистоту извѣстныхъ политическихъ принциповъ. Пускай въ этой дѣятельности были безтактности, но эти безтактности создавались не глупостью, не непониманіемъ истиннаго положенія дѣлъ, даже не ошибками, а трагическимъ стеченіемъ обстоятельствъ, которыя вообще привели къ такому печальному факту, какъ террористическая дѣятельность партіи Народной Воли. Къ тому же, если съ точки зрѣнія чистыхъ практиковъ въ этой дѣятельности были безтакт-

---

[1]) См. Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, 3 дополн. полут., стр. 421.

[2]) Она помѣчена 30 марта 1881 г., а первый номеръ „Вольнаго Слова" вышелъ 8 августа 1881 г. Русскій переводъ этой брошюры напечатанъ въ „Собраніи политическихъ сочиненій" М. П. Драгоманова. Изд. ред. „Освобожденія", т. II, Парижъ, 1906, стр. 334—366.

ности, то тѣмъ больше въ ней теоретическаго ума, преданности идеямъ, смѣлости, честности и послѣдовательности въ отстаиваніи исповѣдуемыхъ принциповъ. Наконецъ, говоря объ идейной борьбѣ М. П. Драгоманова съ Народной Волей, нельзя забывать, что она выразилась не только въ борьбѣ съ проповѣдью и практикой террора, а и съ якобинствомъ и бланкизмомъ этой партіи. Безъ предшествовавшей идейной работы М. П. Драгоманова была бы невозможна столь совершенная теоретическая постановка вопросовъ объ якобинствѣ и бланкизмѣ въ сочиненіяхъ Г. В. Плеханова „Соціализмъ и политическая борьба", Женева, 1883, и „Наши разногласія", Женева, 1884. Въ этихъ вопросахъ Г. В. Плехановъ является, несомнѣнно, послѣдователемъ М. П. Драгоманова [1]). Правда, Г. В. Плехановъ принадлежитъ къ числу тѣхъ преемниковъ, которые не признаются въ своемъ родствѣ, и оправданіемъ этого ему служитъ, вѣроятно, то обстоятельство, что честь сдѣлать популярными эти идеи принадлежитъ безспорно не М. П. Драгоманову, а ему, Г. В. Плеханову. Но будущій историкъ роста политической мысли въ Россіи долженъ будетъ установить

---

[1]) Это отмѣтилъ самъ М. П. Драгомановъ, послѣ появленія перваго изъ указанныхъ въ текстѣ сочиненій Г. В. Плеханова. Въ 1884 г. Драгомановъ издалъ свою программу „Вольный Союзъ"; въ объяснительной запискѣ къ ней, въ которой онъ критикуетъ программы другихъ партій, онъ между прочимъ говоритъ въ одномъ примѣчаніи слѣдующее: „Въ послѣднее время болѣе наглядное знакомство съ политическою жизнью западной Европы вызвало и со стороны лицъ, причисляющихъ себя къ „русской соціально-революціонной партіи", мысли, отличныя отъ тѣхъ, какія высказываются во внутреннихъ соціально-ревнлюціонныхъ изданіяхъ, и въ то же время близкія, къ тѣмъ какія мы излагали въ упомянутыхъ нашихъ изданіяхъ и какія суммируемъ здѣсь. Таковы . . . . . многія соображенія недавно вышедшей брошюры г. Плеханова „Соціализмъ и Политическая борьба", изданной отъ имени группы „Освобожденіе Труда", отказавшейся отъ прежняго имени „Черный Передѣлъ". Впрочемъ, указывая на эту брошюру, мы имѣемъ въ виду больше ея критическія замѣчанія объ ошибкахъ и иллюзіяхъ разныхъ русскихъ соціально-революціонныхъ группъ (которыя (замѣчанія) по нѣскольку разъ были высказаны нами въ разныхъ публикаціяхъ съ 1876 г.), чѣмъ ея положительныя мысли". Ср. М. Драгомановъ. Собраніе политическихъ сочиненій. Парижъ 1905, I стр. 342, примѣч.

эту преемственность и связь идей.

Возвращаясь къ идейному содержанію „Вольнаго Слова“, мы считаемъ нужнымъ повторить, что оно было безупречно честнымъ и послѣдовательнымъ конституціоннымъ органомъ печати. Въ своей автобіографіи М. П. Драгомановъ разсказываетъ, что въ концѣ 1882 года ему „было предложено спеціальнымъ делегатомъ „Земскаго Союза“ принять на себя редакцію „Вольнаго Слова“. М. П. Драгомановъ принялъ это предложеніе и съ перваго номера за 1883 годъ или съ пятьдесятъ второго номера всего изданія „Вольное Слово“ начало выходить подъ его редакціей. Въ этомъ № 52 передовая статья, озаглавленная „Отъ новаго редактора „Вольнаго Слова“, лучше всего даетъ представленіе объ истинномъ идейномъ характерѣ этого изданія. Мы перепечатываемъ ее ниже цѣликомъ изъ „Собранія политическихъ сочиненій“ М. П. Драгоманова, какъ очень важный историческій документъ [1]).

Отъ новаго редактора „Вольнаго Слова“.

Съ настоящимъ номеромъ «Вольное Слово» вступаетъ въ третій (гражданскій) годъ своего существованія. Передъ читателями лежитъ уже пятьдесятъ одинъ номеръ газеты, по которымъ они могутъ судить о развитіи ея содержанія, объ ея характерѣ и цѣляхъ. Основанная прежде всего съ цѣлью дать высказаться всѣмъ оттѣнкамъ общественной мысли, которые душитъ цензура въ Россіи, эта газета въ то же время имѣла въ виду поддерживать въ сознаніи народовъ, населяющихъ Россію, повсемѣстно обнаружившіяся въ нихъ стремленія къ выходу изъ угнетающаго ихъ политическаго порядка,—или, лучше, безпорядка,—посредствомъ преобразованія Россіи на такихъ началахъ, которыя дали бы возможность какъ индивидуумамъ, такъ и коллективностямъ въ этихъ населеніяхъ безопасно жить и безпрепятственно работать для усовершенствованія условій своей жизни. Начала эти: политическая свобода, т.-е. неприкосновенность правъ личныхъ и національныхъ и самоуправленіе об-

[1]) Тамъ же, стр. 648—651.

щественныхъ группъ, отъ меньшихъ: общинъ, волостей и уѣздовъ, до общирныхъ: областей и, наконецъ, союза ихъ—цѣлаго государства. Разъясненію этихъ началъ въ примѣненіи къ Россіи посвящена была большая часть статей, помѣщенныхъ въ «Вольномъ Словѣ» не только по внутреннимъ вопросамъ, но и по поводу явленій жизни иностранныхъ государствъ, которыя могли служить для Россіи прямымъ или косвеннымъ поученіемъ.

Изъ явленій жизни иностранной «Вольное Слово» обращало особенное вниманіе на событія и положеніе дѣлъ въ странахъ, сосѣднихъ съ Россіей и населенныхъ племенами, родственными съ славянскимъ большинствомъ ея населенія. Дѣлалось это вслѣдствіе убѣжденія, что международная будущность Россіи и сосѣднихъ съ ней единоплеменныхъ странъ тѣсно связаны между собою и что рабство внутри Россіи неизбѣжно отражается и на ея сосѣднихъ единоплеменникахъ, ослабляя какъ ея, такъ и ихъ внутреннія силы, и понижаетъ обоюдное ихъ международное значеніе. Затѣмъ, въ жизни иностранной усиленное вниманіе «Вольнаго Слова» было обращено на различныя проявленія такъ наз. соціальнаго вопроса. Дѣлалось это вслѣдствіе убѣжденія редакціи, что этотъ вопросъ первостепенной важности во всемъ мірѣ представляется важнымъ и для Россіи, особенно въ виду преобладающаго, такъ сказать, мужицкаго состава ея населенія, а также въ виду существованія въ ней въ обширныхъ размѣрахъ общинной формы землевладѣнія, въ которой мыслители разныхъ политическихъ направленій ищутъ теперь основы для упорядоченія соціально-экономическихъ отношеній. Редакція «Вольнаго Слова» была убѣждена, что вопросы соціально-экономическіе должны привлечь къ себѣ усиленное вниманіе общественныхъ группъ въ населеніяхъ Россіи, по полученіи ими при политической свободѣ съ самоуправленіемъ возможности заняться устройствомъ своихъ дѣлъ. И такъ какъ теперешній запретительно-полицейскій строй въ Россіи создалъ цѣлый рядъ недоразумѣній относительно явленій соціально-экономической жизни и борьбы общественныхъ слоевъ, которая ведется теперь во всемъ цивилизованномъ мірѣ и составляетъ разныя стороны соціальнаго вопроса, то редакція «Вольнаго Слова» рѣшила прежде всего способствовать разсѣянію этихъ недоразумѣній изображеніемъ съ возможной для небольшого изданія полнотой самыхъ разнообразныхъ проявленій соціальнаго вопроса и отношеній къ нему различныхъ партій въ болѣе свободныхъ странахъ. Съ этой цѣлью «Вольное Слово» давало картины отношеній къ соціальному вопросу какъ консервативно-религіозныхъ партій, въ родѣ австро-германскихъ антисемитовъ, такъ и революціонно-соціалистическихъ партій, обращая особое вниманіе на проявле-

нія самоорганизаціи и самодѣятельности народныхъ массъ и на связь соціально-экономическаго вопроса съ вопросами политическаго и административнаго самоуправленія, которое одно можетъ дать основы для правильнаго и возможно мирнаго разрѣшенія соціально-экономическихъ противорѣчій.

Пріобрѣтеніе этого самоуправленія въ Россіи составляетъ первую цѣль общества «Земскій Союзъ», при помощи котораго основана была газета «Вольное Слово» и котораго программа, развиваемая уже по частямъ въ разныхъ статьяхъ редакціи и ближайшихъ сотрудниковъ газеты, въ непродолжительномъ времени будетъ въ цѣломъ напечатана при «Вольномъ Словѣ». Такъ какъ настоящій редакторъ «Вольнаго Слова» съ самаго начала своей литературной дѣятельности въ Россіи и за границей поставилъ себѣ цѣлью служить изложеннымъ выше началамъ, которыя лежали въ основаніи изданія «Вольнаго Слова», то онъ и не затруднился принять на себя редакцію названной газеты съ настоящаго номера. Такимъ образомъ, перемѣна редакціи «Вольнаго Слова» не произведетъ существенныхъ измѣненій въ газетѣ, тѣмъ болѣе, что составъ ближайшихъ сотрудниковъ изданія остается и впредь тотъ же, который былъ въ послѣдніе восемь мѣсяцевъ.

Постоянные читатели «Вольнаго Слова» замѣтили, конечно, постепенное увеличеніе въ этой газетѣ статей сотрудниковъ, болѣе или менѣе посторонніхъ редакціи и отличающихся отъ нея нѣкоторыми оттѣнками мнѣній. Какъ было уже сказано, помѣщеніе голосовъ такихъ сотрудниковъ входило въ цѣли нашего изданія съ самаго начала его основанія. Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что число такихъ сотрудниковъ и впредь будетъ возрастать въ «Вольномъ Словѣ». Главная цѣль послѣдняго—агитація словомъ (единственнымъ орудіемъ для литературнаго предпріятія, да еще заграничнаго) въ пользу установленія въ Россіи политической свободы—составляетъ въ настоящее время общій членъ программъ различныхъ группъ среди мыслящихъ людей въ Россіи всякихъ національностей. Вполнѣ естественно, что въ разныхъ группахъ этихъ существуютъ различныя мнѣнія относительно не только способовъ пріобрѣтенія, но и дальнѣйшаго пользованія упомянутой свободой и самыхъ ея внѣшнихъ формъ. Но программа, предполагающая не только поверхностное измѣненіе формы центральнаго правительства, а также—и даже главнымъ образомъ—глубокое преобразованіе всего общественнаго строя на началахъ свободы личной и самоуправленія даже самыхъ мелкихъ общественныхъ единицъ, представляетъ то удобство, что она даетъ наиболѣе простора для всѣхъ идейныхъ разнообразій и практическихъ опытовъ. Къ такой программѣ есте-

ственно должны бы пристать всѣ, кто желаетъ, при предстоящемъ въ Россіи измѣненіи ея политическаго строя, простора для своей искренней мысли и честной дѣятельности, а не властвованія надъ другими. Мы можемъ увѣрить всѣхъ такихъ настоящихъ и будущихъ дѣятелей, что они найдутъ для изложенія своихъ мыслей и плановъ самый дружескій пріемъ на страницахъ редижируемаго нами изданія. **М. Драгомановъ.**

Развивать такую программу, конечно, не могъ органъ, который былъ бы „дѣтищемъ мужественныхъ добровольцевъ“ и поддерживался бы Священной Дружиной. Обращаемъ вниманіе читателей на то, что въ вышеприведенной программной статьѣ не только указывались задачи и цѣли „Вольнаго Слова“ на будущее, но и давалась характеристика предшествующихъ пятидесяти одного номера, которые вышли подъ редакціей Мальшинскаго. Конечно, эта характеристика соотвѣтствовала дѣйствительности; иначе она не могла бы появиться тогда же въ печати. Впрочемъ, такой человѣкъ, какъ М. П. Драгомановъ, котораго даже жандармская записка характеризуетъ какъ человѣка, „до тонкости совѣстливаго“, не могъ бы принимать участія въ органѣ и затѣмъ сдѣлаться его редакторомъ, если бы въ немъ была хоть капля идейной грязи.

Какъ ни старается В. Я. Богучарскій представить „Вольное Слово“ „дѣтищемъ мужественныхъ добровольцевъ“, все-таки и ему приходится сообщить кое-что, свидѣтельствующее объ обратномъ. Такъ, онъ принужденъ сообщить со словъ И. И. Петрункевича, что, „будучи въ 1881—82 годахъ въ ссылкѣ, И. И. Петрункевичъ не имѣлъ никакого отношенія къ „Вольному Слову“, но отъ покойнаго В А. Гольцева слышалъ, что этотъ органъ поддерживался матеріально черезъ послѣдняго“ (404). Но далѣе пишущій эти строки былъ чрезвычайно пораженъ, не находя въ книгѣ В. Я. Богучарскаго того другого указанія на связь покойнаго В. А. Гольцева съ „Вольнымъ Словомъ“, которое было въ ней, когда соотвѣтственная глава книги печаталась въ видѣ статьи въ „Русской Мысли“. Въ статьѣ В. Я. Богучарскаго въ „Русской Мысли“ было

слѣдующее сообщеніе: „Далѣе изъ цѣлаго ряда вопросовъ, обращенныхъ къ разнымъ лицамъ, намъ выяснились слѣдующія четыре обстоятельства: ...2) что делегатъ „Земскаго Союза", пріѣхавшій къ Драгоманову въ концѣ 1882 г.,—какъ о томъ разсказываетъ въ своей „автобіографіи" самъ Драгомановъ,—былъ, повидимому, В. А. Гольцевъ" [1]). Въ книгѣ это сообщеніе должно было бы находиться на 412 страницѣ. Но тамъ слова „слѣдующія четыре обстоятельства" замѣнены словами „еще слѣдующія обстоятельства" и затѣмъ сообщаются только три обстоятельства. Слѣдовательно, вышеприведенное чрезвычайно важное сообщеніе о В. А. Гольцевѣ исчезло въ книгѣ безъ слѣда. Это даже не въ обычаѣ у В. Я. Богучарскаго, который обыкновенно обосновываетъ свои измѣненія, сообщая новые документы. Какая же причина исчезновенія этого сообщенія изъ книги В. Я. Богучарскаго?—Первая мысль была, что В. Я. Богучарскій не хотѣлъ набрасывать тѣнь на память В. А. Гольцева не вполнѣ достовѣрнымъ свѣдѣніемъ. Но въ самомъ сообщеніи о томъ, что В. А. Гольцевъ ѣздилъ въ качествѣ делегата Земскаго Союза въ Женеву убѣждать М. П. Драгоманова стать во главѣ „Вольнаго Слова" и что онъ выполнилъ свою миссію вполнѣ удачно, нѣтъ ничего компрометтирующаго В. А. Гольцева. Напротивъ, В. Я. Богучарскій сохранилъ въ своей книгѣ прямо компрометтирующія память В. А. Гольцева сообщенія, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ они имъ переданы. Такъ, онъ пишетъ: „Другой извѣстный земецъ, принимавшій участіе въ „Земскомъ Союзѣ", въ письмѣ къ намъ прямо говоритъ, что для поддержки „Вольнаго Слова" В. А. Гольцевъ получалъ средства непосредственно отъ гр. Шувалова, съ которымъ онъ былъ лично знакомъ" (стр. 404). В. Я. Богучарскій нашелъ нѣкоторое подтвержденіе давно извѣстнаго факта, что гр. П. П. Шуваловъ былъ виднымъ членомъ Священной Дружины

[1]) В. Я. Богучарскій. Изъ исторіи политической борьбы въ 80-хъ годахъ. „Русская Мысль", 1911 г., май, II отд., стр. 29.

и, слѣдовательно, конспирированіе В. А. Гольцева съ нимъ дѣйствительно можетъ набросить тѣнь на память В. А. Гольцева. Поэтому В. Я. Богучарскій заканчиваетъ присоединенное къ этому мѣсту примѣчаніе слѣдующимъ не то укоризненнымъ, не то извиняющимъ соображеніемъ: „И такой искренній человѣкъ, какъ Гольцевъ, былъ, видимо, введенъ Шуваловымъ въ заблужденіе“ (404, примѣч.). Все это заставляетъ насъ придти къ заключенію, что В. Я. Богучарскій устранилъ изъ своей книги вышеприведенное сообщеніе не для того, чтобы пощадить память В. А. Гольцева. Оно, очевидно, устранено потому, что не согласовалось съ вышеотмѣченнымъ утвержденіемъ В. Я. Богучарскаго, что Священная Дружина и послѣ своего закрытія продолжала отстаивать еще нѣкоторое время въ 1883 г. свое существованіе—поддержкой заграничной газеты „Вольное Слово“ (433). Въ „Русской Мысли“ это утвержденіе В. Я. Богучарскаго еще усугублено, такъ какъ вмѣсто заключительнаго приговора В. Я. Богучарскаго въ его книгѣ, выраженнаго въ словахъ: „Оно (т.-е. „Вольное Слово“) явилось органомъ группы лицъ, принадлежавшихъ къ мужественнымъ добровольцамъ“ (стр. 436), въ „Русской Мысли“ мы находимъ слова: „Для насъ несомнѣнно, что оно („Вольное Слово“) являлось органомъ „Священной Дружины“ [1]). Но если это утвержденіе В. Я. Богучарскаго вѣрно, то тогда надо придти къ заключенію, что В. А. Гольцевъ при свиданіи съ М. П. Драгомановымъ только выдалъ себя за делегата „Земскаго Союза“, въ дѣйствительности же онъ являлся делегатомъ „Священной Дружины“, далѣе, тогда, слѣдовательно, В. А. Гольцевъ велъ конспирацію съ гр. П. П. Шуваловымъ не потому, что Шуваловъ былъ конституціоналистомъ или выдавалъ себя за такового, а потому, что оба они, т.-е. и гр. П. П. Шуваловъ, и В. А. Гольцевъ, были членами Священной Дружины. Но вѣдь это колоссальная нелѣпость! В. А. Гольцевъ жилъ въ Москвѣ, вся интеллигентная Россія его знала, и то, что можно

[1]) Р. М., 1911 г., май, II отд., стр. 43.

взвести на эмигранта М. П. Драгоманова, жившаго гдѣ-то далеко въ Женевѣ, того никакъ не взведешь на В. А. Гольцева. Курьезно, что В. Я. Богучарскій замѣтилъ эту нелѣпость только послѣ того, какъ его статья въ „Русской Мысли“ была напечатана. Но и послѣ устраненія вышеприведеннаго мѣста сопоставленіе различныхъ утвержденій въ книгѣ В. Я. Богучарскаго заставляетъ придти къ заключенію, что В. А. Гольцевъ, беря деньги у гр. П. П. Шувалова на „дѣтище мужественныхъ добровольцевъ“ — „Вольное Слово“,—былъ лишь орудіемъ въ рукахъ „Священной Дружины“. Однако и такая комбинація отношеній между этими лицами совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Вѣдь В. А. Гольцевъ поддерживалъ „Вольное Слово“, какъ абсолютно честный и послѣдовательный, по своему содержанію конституціонный органъ [1]). Если же гр. П. П. Шуваловъ поддерживалъ матеріально „Вольное Слово“, то онъ или былъ убѣжденнымъ конституціоналистомъ, хотя и очень своеобразнымъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его роль въ Священной Дружинѣ и нѣкоторыя другія обстоятельства, или же преслѣдовалъ при этомъ какія-то постороннія цѣли, но въ такомъ случаѣ онъ, подобно Мальшинскому, долженъ былъ мириться съ честнымъ конституціоннымъ направленіемъ „Вольнаго Слова“.

Въ чемъ же однако тѣ непосредственныя личныя нити, связывающія „Вольное Слово“, съ членами Священной Дружины, которыя заставляютъ В. Я. Богучарскаго приходить къ заключенію, что „Вольное Слово“ было „органомъ группы лицъ, принадлежавшихъ къ мужественнымъ добровольцамъ“. Это три имени. Во-первыхъ, это А. П. Мальшинскій.—Но Мальшинскій не членъ Священной Дружины, а агентъ департамента полиціи, который изъ „секретнаго сообщителя“ о дѣлахъ Земскаго Союза превратился, какъ

---

[1]) Желающихъ ознакомиться съ ролью В. А. Гольцева въ конституціонномъ движеніи этой эпохи мы отсылаемъ къ сборнику, „Памяти Виктора Александровича Гольцева“, Москва, 1910, изданному подъ редакціей А. А. Кизеветтера, особенно къ статьямъ И. И. Петрункевича и Ч. Вѣтринскаго.

редакторъ послѣдовательно конституціонной, т.-е. въ то время революціонной газеты въ провокатора. Однако, В. Я. Богучарскій увѣряетъ, что онъ читалъ „собственными глазами одно подлинное письмо Мальшинскаго къ Священной Дружинѣ", которое впрочемъ „относится къ 1883 году, т.-е. къ тому времени, когда Дружина формально была уже закрыта" (433). Если В. Я. Богучарскій читалъ „собственными глазами", то онъ знаетъ и содержаніе этого письма, но объ его содержаніи онъ намъ ничего не сообщаетъ. Въ такомъ случаѣ мы въ правѣ усомниться, что письмо Мальшинскаго, которое онъ читалъ, обращено къ Священной Дружинѣ. Вѣроятно, оно обращено только къ какому-нибудь изъ членовъ Священной Дружины и по дѣламъ, не касающимся ея. Слѣдовательно, у насъ никакого доказательства того, что Мальшинскій былъ членомъ Священной Дружины, нѣтъ.

Другимъ лицомъ, которое связывало „Вольное Слово" съ Священною Дружиной, былъ гр. П. П. Шуваловъ. Его принадлежность къ Священной Дружинѣ безспорно доказана. Но въ то же время гр. П. П. Шуваловъ былъ или выдавалъ себя за конституціоналиста. Къ тому же связь Шувалова съ „Вольнымъ Словомъ" В. Я. Богучарскому удалось установить только черезъ покойнаго В. А. Гольцева, а послѣдняго, какъ жившаго въ Москвѣ, было труднѣе, чѣмъ эмигранта Драгоманова, сдѣлать помимо его вѣдома агентомъ Священной Дружины. Знакомство гр. П. П. Шувалова съ Драгомановымъ, повидимому, относится къ тому времени, когда „Вольное Слово" уже прекратило свое существованіе.

Наконецъ, третье лицо, которое, по мнѣнію В. Я. Богучарскаго, связываетъ „Вольное Слово" съ Священною Дружиною, это Э. И. Нивинскій. Но если Мальшинскій имѣлъ близкое отношеніе къ „Вольному Слову", но, повидимому, никакого къ Священной Дружинѣ, то Нивинскій, наоборотъ, имѣлъ близкое отношеніе къ Священной Дружинѣ, но рѣшительно никакого отношенія къ „Вольному Слову".

Онъ былъ посланъ для того, чтобы вести переговоры съ террористами и, не располагая ни адресами, ни сколько-нибудь точными свѣдѣніями о тѣхъ лицахъ, съ которыми ему надо было увидѣться, попалъ къ М. П. Драгоманову. Послѣдній нѣсколько информировалъ его относительно общеизвѣстныхъ эмигрантскихъ дѣлъ, а вмѣсто адресовъ рекомендовалъ ему въ спутники В. К. Дебогорія-Мокріевича. Послѣ этого Нивинскій, наконецъ, добрался до П. Л. Лаврова, съ которымъ и продолжалъ свои сношенія. Какое это отношеніе имѣетъ къ „Вольному Слову“,—совершенно непонятно.

IV

Но у В. Я. Богучарскаго есть и другія доказательства того, что „Вольное Слово“ было „органомъ группы лицъ, принадлежавшихъ къ мужественнымъ добровольцамъ“. Эти доказательства заключаются въ томъ, что Земскій Союзъ почти не существовалъ, что во всякомъ случаѣ онъ не могъ имѣть своего органа, такъ какъ у него не было для этого средствъ, что, наконецъ, основателя „Вольнаго Слова“ Мальшинскаго никто не зналъ изъ тѣхъ членовъ Земскаго Союза, которыхъ опрашивалъ В. Я. Богучарскій. Однако, какъ ни односторонне пессимистичны тѣ свѣдѣнія, которыя собралъ В. Я. Богучарскій о Земскомъ Союзѣ, они насъ убѣждаютъ въ противномъ [1]). Въ ихъ освѣщеніи даже отношенія покойнаго В. А. Гольцева къ гр. П. П. Шувалову рисуются и самому В. Я. Богучарскому, какъ мы увидимъ ниже, нѣсколько иначе, чѣмъ съ точки зрѣнія его утвержденія, что „Вольное Слово“ было „дѣтищемъ мужественныхъ добровольцевъ“, а „поддерживавшій его матеріально“ В. А. Гольцевъ „получалъ для этого средства непосредственно отъ

---

[1]) Лицъ, желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ этимъ движеніемъ, мы отсылаемъ къ книгамъ И. П. Бѣлоконскаго. Земское движеніе и конституція. Москва, 1910, особенно стр. 9 и сл., и А. А. Корнилова. Общественное движеніе при Александрѣ II. Москва, 1909, стр. 241 и сл.

гр. Шувалова", т.-е. „былъ введенъ въ заблужденіе Шуваловымъ".

Свѣдѣнія о Земскомъ Союзѣ В. Я. Богучарскому приходилось собирать путемъ личныхъ разспросовъ, такъ какъ до сихъ поръ не появилось воспоминаній о немъ его участниковъ. Наиболѣе цѣнныя свѣдѣнія, притомъ въ видѣ цѣльнаго разсказа, изложеннаго въ письменной формѣ, сообщилъ извѣстный общественный дѣятель И. И. Петрункевичъ. Однако эти свдѣнія относятся къ предварительнымъ стадіямъ движенія до основанія Земскаго Союза, такъ какъ И. И. Петрункевичъ очень рано былъ сосланъ въ Костромскую губернію и отстраненъ отъ земской дѣятельности. Напротивъ, дѣйствительные члены Земскаго Союза, къ которымъ обращался В. Я. Богучарскій, дѣлали свои сообщенія по большей части устно, притомъ не въ видѣ воспоминаній о Земскомъ Союзѣ, а въ видѣ своихъ личныхъ сужденій о немъ. Такъ, одинъ изъ опрошенныхъ В. Я. Богучарскимъ бывшимъ членомъ Земскаго Союза отвѣтилъ слѣдующее: „Я не знаю, получалъ ли Гольцевъ для „Вольнаго Слова" деньги отъ Шувалова или нѣтъ, но знаю, что Земскій Союзъ поддерживать эту газету не могъ. Въ сущности, и самый Союзъ существовалъ больше по названію, чѣмъ въ дѣйствительности. Организованнаго не было ничего, кассы тоже. Гольцевъ собралъ что-то 70—80 руб., это, кажется и все, что имѣлось въ его распоряженіи въ качествѣ „союзной" суммы" (стр. 404). Другой бывшій членъ Земскаго Союза высказалъ мнѣніе, что „о Земскомъ Союзѣ, какъ объ организованномъ обществѣ, говорить можно лишь съ большими натяжками. Были земцы-конституціоналисты, являлись они и извѣстнымъ ферментомъ въ земской средѣ, но организаціи, строго говоря, не существовало". Такого же характера и сужденіе извѣстнаго земскаго дѣятеля Н. Н. Нечаева, переданное г. Вѣтринскимъ и воспроизведенное В. Я. Богучарскимъ. По мнѣнію Н. Н. Нечаева „и земскіе съѣзды, и Земскій Союзъ того времени не представляли въ дѣйствительности сколько-нибудь правильной, прочной и широкой организаціи и дѣятельности; скорѣе это были собранія просто

добрыхъ знакомыхъ, единомышленниковъ по важнымъ вопросамъ“ [1]). Всѣ эти отзывы В. Я. Богучарскій резюмируетъ въ словахъ: „организованной дѣятельности земцевъ въ цѣляхъ борьбы за конституцію не было“ (стр. 405). Изъ дальнѣйшаго оказывается однако, что все это относится пока къ сѣвернымъ губерніямъ, группировавшимся около Москвы. Затѣмъ В. Я. Богучарскій сообщаетъ, что „было сверхъ того конституціонное движеніе и въ губерніяхъ южныхъ,—движеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше организованное и съ гораздо болѣе отчетливо выраженнымъ характеромъ“ (стр. 405). Но о послѣднемъ движеніи В. Я. Богучарскій не располагаетъ даже отзывами, подобными вышеприведеннымъ. Кое-что онъ передаетъ только о черниговскомъ земствѣ и объ украинской организаціи „Громада“ (стр. 406—407). Однако, для опредѣленія роли украинскаго движенія въ общерусскомъ конституціонномъ движеніи онъ даже не использовалъ того, что уже опубликовано по этому вопросу, хотя бы въ письмахъ М. П. Драгоманова, дававшихъ уже поводъ для оцѣнки украинскаго движенія съ этой точки зрѣнія [2]). Тѣмъ не менѣе, В. Я. Богучарскій считаетъ себя въ правѣ высказать въ заключеніе очень рѣшительное сужденіе о конституціонномъ движеніи на Украинѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Такимъ образомъ, хотя конституціонное движеніе было въ Украинѣ несомнѣнно интенсивнѣе, чѣмъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, но и тамъ собственно земской организаціи, которая охватила бы нѣсколько южныхъ земствъ, выработала бы общую программу и повела бы борьбу за конституцію,—такой организаціи на югѣ, какъ и на сѣверѣ, не возникало“ (стр. 408).

---

[1]) Впрочемъ въ контекстѣ сужденіе Н. Н. Нечаева не производитъ такого безнадежнаго впечатлѣнія, какъ въ отрывочной передачѣ В. Я. Богучарскаго. Ср. Ч. Вѣтринскій. В. А. Гольцевъ. Біографическій очеркъ. Сборникъ „Памяти В. А. Гольцева“, Москва, 1910, стр. 34 и сл., особенно 39.

[2]) См. М. П. Драгомановъ. Политическія сочиненія, т. I, Москва, 1908. Предисловіе, стр. IX и сл. Ср. также матеріалы, опубликованные въ „Русской Мысли“ 1911 г., сентябрь, стр. 132, подъ заглавіемъ „М. П. Драгомановъ по его письмамъ“.

Если мы теперь перейдемъ къ оцѣнкѣ переданнаго и высказаннаго В. Я. Богучарскимъ о Земскомъ Союзѣ, то прежде всего мы должны объяснить себѣ въ высшей степени пессимистическіе отзывы о немъ его бывшихъ членовъ. Кажется, однако, мы не ошибемся, если посмотримъ на это пессимистическое отношеніе какъ на обнаруженіе одного въ высшей степени характернаго соціально-психологическаго явленія. Всякому приходилось, вѣроятно, замѣчать, что въ то время, какъ члены революціонныхъ организацій склонны обыкновенно къ величайшему оптимизму, къ вѣрѣ въ осуществленіе самыхъ, казалось бы, несбыточныхъ надеждъ, члены либеральныхъ и конституціонныхъ нелегальныхъ организацій всегда проникнуты скептическимъ и пессимистическимъ настроеніемъ къ своей организаціи и невѣріемъ въ свое собственное дѣло. Поэтому, если первые по большей части переоцѣниваютъ силы и шансы на успѣхъ своей организаціи, то вторые недооцѣниваютъ ихъ. Вѣроятно, объясняется это тѣмъ, что члены тѣхъ и другихъ организацій вербуются изъ различныхъ общественныхъ слоевъ, а представители этихъ общественныхъ слоевъ различно оцѣниваютъ вообще блага личной и общественной жизни. Къ этому общему соціально-психологическому соображенію надо присоединить еще то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ рѣчь шла объ организаціи, которая существовала почти тридцать лѣтъ тому назадъ, и, дѣйствительно, не осуществила возлагавшихся на нее надеждъ. Понятно, что ея бывшимъ членамъ, успѣвшимъ за это время основательно постарѣть, можетъ казаться теперь, что ихъ организація и въ свое время никакого значенія не имѣла, да и вообще настоящей организаціи-то не было [1]).

---

[1]) Однимъ изъ информаторовъ В. Я. Богучарскаго относительно Земскаго Союза былъ, повидимому, теперь уже покойный Владиміръ Ѳедоровичъ Лугининъ (ум. 13 окт. 1911 г.). Это и былъ, вѣроятно, тотъ членъ Земскаго Союза „извѣстный русскій ученый“, къ которому П. Л. Лавровъ обращался съ предложеніемъ быть посредникомъ между Исполнительнымъ Комитетомъ и Священной Дружиной (стр. 334 и 405). Своеобразная личность В. Ѳ. Лу-

Мы видѣли однако, что самъ В. Я. Богучарскій еще пессимистичнѣе смотритъ на Земскій Союзъ и земское конституціонное движеніе конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, чѣмъ даже его освѣдомители. Но это вполнѣ согласно съ общей его точкой зрѣнія, выраженной хотя бы въ уже отмѣченномъ нами утвержденіи его, что и „о партіи „Народной Воли“ въ организаціонномъ отношеніи, въ сущности, не можетъ быть и рѣчи“ (стр. 41). Вѣдь вся книга В. Я. Богучарскаго проникнута увѣреніями въ томъ, что революціонное и оппозиціонное движеніе разсматриваемой эпохи само по себѣ располагало ничтожными силами, и только недальновидность и переполохъ нашего тогдашняго правительства привели къ тому, что въ дальнѣйшемъ развитіи это движеніе разыгралось въ ужасную трагедію. Конечно, это вполнѣ возможная и отчасти даже справедливая точка зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія можно разсматривать и все послѣдующее наше общественное развитіе. Такъ, достаточно было въ 1904—1905 г.г. русскому правительству растеряться, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо было русскому обществу только

гинина является наиболѣе вѣскимъ доказательствомъ того, что при оцѣнкѣ свѣдѣній, собранныхъ В. Я. Богучарскимъ, надо принимать во вниманіе и психологію лицъ, къ которымъ онъ обращался. По свидѣтельству всѣхъ знавшихъ В. Ѳ. Лугинина, онъ былъ человѣкомъ очень убѣжденнымъ и преданнымъ интересамъ культуры и свободы. Но по отношенію къ русской жизни онъ настроенъ былъ очень пессимистически. Не даромъ онъ провелъ большую часть своей жизни за границей. Между прочимъ онъ находился за границей и въ то время, когда Земскій Союзъ наиболѣе прочно организовался, т. е. съ половины 1881 г. Къ этому надо прибавить, что онъ былъ чрезвычайно остороженъ въ дѣлахъ, сколько-нибудь нелегальнаго характера, хотя часто это не оправдывалось ни его болѣе, чѣмъ независимымъ матеріальнымъ положеніемъ, ни существомъ дѣла. Но, конечно, онъ былъ достаточно освѣдомленъ для того, чтобы предостеречь П. Л. Лаврова передъ сношеніями съ Священной Дружиной и чтобы удостовѣрить, что „Земская Лига“ не есть Земскій Союзъ. См. оцѣнку научной и отчасти культурной дѣятельности В. Ѳ. Лугинина въ Отчетѣ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго Московскаго Университета за 1911 годъ. Москва 1912. Отд. „Некрологи“, стр. 91—125. Тамъ же указана и остальная біографическая литература о немъ.

осмѣлѣть, чтобы въ результатѣ получилась конституція. Далѣе какъ только „благомыслящая“ часть русскаго общества испугалась сперва московскаго возстанія, а затѣмъ „кадетской Думы“ и принудительнаго отчужденія земли, и въ то же время нашелся смѣлый государственный дѣятель, который внушилъ бодрость правительству и, наконецъ, заявилъ революціонной части общества—„не запугаете“, какъ оказалось, что правительство можетъ взять назадъ многія изъ сдѣланныхъ уступокъ. Во всемъ этомъ есть, несомнѣнно, тоже доля истины; но читателю сразу ясно, что эта доля истины страшно утрирована, такъ какъ нельзя объяснять сложные общественные процессы исключительно соціально-психологическими моментами, притомъ сведенными къ господству двухъ чувствъ — страха и смѣлости. Однако, именно такой утрировкой этого соціально-психологическаго момента и проникнута вся книга В. Я. Богучарскаго; къ тому же этотъ соціально-психологическій моментъ авторъ выдвигаетъ не въ освѣщеніи участниковъ движенія, а въ томъ освѣщеніи, въ какомъ онъ рисуется современному изслѣдователю.

Но помимо всего этого свѣдѣнія о Земскомъ Союзѣ, собранныя В. Я. Богучарскимъ, крайне отрывочны и недостаточны. Судя по характеру тѣхъ отвѣтовъ, которые онъ получалъ, можно предположить, что онъ ставилъ лицамъ, сообщавшимъ ему свѣдѣнія, строго опредѣленные вопросы, выработанные имъ подъ вліяніемъ уже сложившагося у него мнѣнія относительно призрачнаго существованія Земскаго Союза, какъ организаціи конституціоналистовъ. Однако, особенно важно то, что В. Я. Богучарскій совсѣмъ не использовалъ уже опубликованныхъ матеріаловъ о Земскомъ Союзѣ за исключеніемъ полицейской записки „О противоправительственныхъ сообществахъ, не столь вредныхъ“. Онъ утверждаетъ, что „на почти полное отсутствіе документовъ, матеріаловъ и мемуаровъ, относящихся къ земскому движенію 70-хъ и 80-хъ годовъ, жалуются всѣ занимавшіеся этимъ вопросомъ писатели“ (стр. 391, прим.). Въ подтвержденіе этого онъ ссылается на соотвѣтственныя стра-

ницы въ книгахъ А. А. Корнилова, Ч. Вѣтринскаго и И. П. Бѣлоконскаго. Но при провѣркѣ этой ссылки оказывается, что и на этотъ разъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, В. Я. Богучарскій не вполнѣ точенъ. Такъ, А. А. Корниловъ указываетъ подъ семью номерами на цѣлый рядъ источниковъ по исторіи земскаго движенія этой эпохи и только въ заключеніе выражаетъ удивленіе, что до сихъ поръ не появлялось личныхъ воспоминаній о немъ [1]). Другіе два автора, И. П. Бѣлоконскій и Ч. Вѣтринскій, одними и тѣми же словами говорятъ, что матеріаловъ по исторіи этого движенія „весьма мало“ [2]). Но если этихъ матеріаловъ мало, то все-таки они существуютъ и ихъ нельзя игнорировать, какъ это дѣлаетъ В. Я. Богучарскій.

Если мы теперь отъ оцѣнки свѣдѣній, касающихся Земскаго Союза, перейдемъ къ разсмотрѣнію самихъ фактовъ, извѣстныхъ о немъ, то снова увидимъ, что пессимистическое отношеніе къ нему крайне необосновано. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ свидѣтели единогласно сообщаютъ, что были съѣзды и совѣщанія земскихъ дѣятелей. По свидѣтельству И. И. Петрункевича на одномъ изъ болѣе раннихъ изъ такихъ съѣздовъ въ апрѣлѣ 1879 г. въ Москвѣ участвовало 30—40 человѣкъ. Затѣмъ была хоть и плохая „не настоящая“, но все-таки организація. Правда, въ эту организацію сразу проникло нѣсколько „секретныхъ сообщителей“ и популярнымъ именемъ ея воспользовались другія организаціи для неблаговидныхъ цѣлей, но это не было доказательствомъ ея „небытія“, а только ея слабости. Наконецъ, въ теченіи почти двухъ лѣтъ существовалъ и органъ ея—„Вольное Слово“, который послѣдовательно отстаивалъ конституціонныя идеи. Конечно, при маломъ уваженіи къ печатному слову и незначительномъ проникновеніи этой газеты въ Россію, она, можетъ быть, не имѣла

---

[1]) А. А. Корниловъ. Общественное движеніе при Александрѣ II. Москва, 1909, стр. 241 (примѣч.).

[2]) И. П. Бѣлоконскій. Земское движеніе и конституція. Москва, 1910, стр. 9. Ч. Вѣтринскій въ сборн. Памяти В. А. Гольцева. Москва, 1910, стр. 35.

достаточно большого вліянія. Къ тому же потомъ оказалось, что „Вольное Слово“ было основано при участіи провокатора и только постепенно оно всецѣло перешло къ Земскому Союзу. Однако только люди, цѣнящіе обстановку выше существа дѣла, могутъ отрицать значеніе „Вольнаго Слова“, для развитія и распространенія конституціонныхъ идей въ Россіи.

Развѣ не то же самое было спустя двадцать съ лишнимъ лѣтъ въ „Союзѣ Освобожденія“, если не считать „секретныхъ сообщителей“ и провокатора, которыхъ въ послѣднемъ, насколько до сихъ поръ извѣстно, не было? Если взять хотя бы самые извѣстные факты [1]), то мы увидимъ, что первый номеръ газеты „Освобожденіе“ вышелъ 1 іюля 1902 года, но первый и притомъ заграничный съѣздъ лицъ, рѣшившихъ основать прочную партійную организацію, состоялся лишь въ 1903 году. Въ немъ участвовало двадцать человѣкъ, изъ нихъ только четыре профессіональныхъ земца, остальные литераторы и ученые. На этомъ съѣздѣ было рѣшено основать „Союзъ Освобожденія“ и приступить на мѣстахъ къ созданію отдѣльныхъ группъ его. Когда это послѣднее рѣшеніе было выполнено, то первый учредительный съѣздъ „Союза Освобожденія“ былъ созванъ въ январѣ 1904 года. На этомъ съѣздѣ былъ избранъ „Совѣтъ Союза Освобожденія“ изъ десяти членовъ, но онъ почти не функціонировалъ, такъ какъ единственный членъ Совѣта, имя котораго было сообщено всѣмъ членамъ съѣзда для сношенія провинціальныхъ группъ Союза Освобожденія

---

[1]) По исторіи „Союза Освобожденія“ опубликовано уже довольно много свѣдѣній. См. Кн. Д. И. Шаховской. Союзъ Освобожденія, статья въ сборникѣ „Зарницы“, № 2, Спб. 1909, отд. II, стр. 81—171. И. П. Бѣлоконскій. Земское движеніе и конституція. Москва, 1910, стр. 77 и сл. „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX-го вѣка“. Подъ редакціей Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова, т. I, Спб. 1909, стр. 284 и сл. и стр. 634 и сл.; т. II, Спб. 1910, ч. II, стр. 146 и сл. Ср. также „Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи“. Подъ ред. В. В. Водовозова. Вып. II, Спб. 1906 и Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, 3 дополнит. полутомъ, стр. 354.

съ Совѣтомъ, именно, одинъ петербургскій литераторъ, вскорѣ послѣ этого съѣзда случайно былъ арестованъ и высланъ изъ Петербурга. Затѣмъ, однако, наступили такія исключительныя обстоятельства, какъ неудачная война съ Японіей, вызвавшая чрезвычайное усиленіе и распространеніе въ обществѣ недовольства правительственной системой. Понятно, что эти обстоятельства способствовали росту и укрѣпленію Союза Освобожденія. Осенью 1904 года онъ очень удачно провелъ банкетную кампанію и подготовилъ первый земскій съѣздъ. Однако, непосредственное вліяніе въ земской средѣ и освѣдомленность о ея настроеніи Земской Группы Союза Освобожденія, простиралось очень не далеко. Объ этомъ можно судить по тому, что когда на съѣздѣ Союза Освобожденія, происходившемъ въ октябрѣ 1904 года, за три недѣли до перваго Земскаго Съѣзда, представители Земской Группы Союза Освобожденія были спрошены съѣздомъ, будетъ ли поставленъ на Земскомъ Съѣздѣ вопросъ о необходимости созыва народныхъ представителей, то эти послѣдніе отвѣчали, что Земская Группа рѣшила поставить этотъ вопросъ и по ея подсчету, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать участниковъ Земскаго Съѣзда выскажется за народное представительство. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, всѣ участники перваго Земскаго Съѣзда, кромѣ одного, т.-е. около ста человѣкъ, высказались за необходимость созыва народнаго представительства и только по вопросу о характерѣ народнаго представительства, голоса раздѣлились, при чемъ за народное представительство съ законодательными правами оказалось значительное большинство. Для дальнѣйшей аналогіи между Земскимъ Союзомъ и Союзомъ Освобожденія, укажемъ еще на то, что программа Союза Освобожденія была выработана только на съѣздѣ его, который происходилъ въ концѣ апрѣля 1905 года въ Москвѣ, т.-е. спустя около трехъ лѣтъ послѣ выхода перваго номера газеты „Освобожденіе“. Наконецъ, очень ошибется тотъ, кто будетъ полагать, что газета „Освобожденіе“ издавалась на средства Союза Освобожде-

нія. Если бы подсчитать суммы, которыя собирались во всѣхъ группахъ Союза Освобожденія на изданіе газеты „Освобожденіе“, то, вѣроятно, ихъ не хватило бы на покрытіе однихъ почтовыхъ расходовъ редакціи и конторы „Освобожденія“, не считая даже расходовъ на особую организацію перевозки „Освобожденія“. Союзъ Освобожденія, такимъ образомъ, подобно Земскому Союзу не могъ издавать своего органа, и „Освобожденіе“ существовало на средства нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Къ характеристикѣ Союза Освобожденія надо еще прибавить, что въ немъ элементы изъ городской интеллигенціи всегда имѣли перевѣсъ надъ чисто земскими элементами, а подъ конецъ первые своей численностью почти подавляли вторыхъ. Этимъ о объясняется то обстоятельство, что хотя постановленіе объ образованіи открытой Конституціонно-Демократической партіи было принято на четвертомъ съѣздѣ Союза Освобожденія, происходившемъ въ августѣ 1905 г. въ Москвѣ, для чего на съѣздѣ и была избрана комиссія, въ Конституціонно-Демократическую партію, основанную въ октябрѣ того же года, не вошло и половины членовъ Союза Освобожденія. Такъ въ нее не вошли почти вся петербургская и кіевская группы. Городской интеллигенціи, примыкавшей къ Союзу Освобожденія, Конституціонно-Демократическая партія казалась черезчуръ правой, такъ какъ послѣдняя считала нужнымъ опереться на земскіе элементы и ихъ стремленія, поскольку они выражались на съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Если принять все это во вниманіе и особенно имѣть въ виду быстрое разложеніе Союза Освобожденія въ освободительную эпоху, то съ большой вѣроятностью можно предсказать, что лѣтъ черезъ двадцать какой-нибудь пессимистическій земецъ заявитъ, что Союзъ Освобожденія не былъ правильной и прочной организаціей. Но подобный приговоръ о Союзѣ Освобожденія будетъ, конечно, невѣренъ, какъ невѣрны и тѣ приговоры о Земскомъ Союзѣ, которые подобралъ В. Я. Богучарскій.

Впрочемъ, окончательный выводъ В. Я. Богучарскаго относительно Земскаго Союза, какъ мы уже отмѣтили, менѣе пессимистиченъ, чѣмъ его предварительныя заключенія. Такъ черезъ двадцать страницъ послѣ вышеприведенныхъ крайне пессимистическихъ сужденій о Земскомъ Союзѣ, онъ высказывается о его вѣроятномъ существованіи и дѣятельности въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Земскій Союзъ основался въ Москвѣ въ 1881 году, былъ учрежденіемъ весьма полезнымъ въ смыслѣ фермента въ земско-общественной средѣ, но никакихъ сколько-нибудь яркихъ проявленій въ его дѣятельности не было. Наиболѣе энергичнымъ членомъ Земскаго Союза за смертью А. Ф. Линдфорса [1]) и ссылкою И. И. Петрункевича, былъ В. А. Гольцевъ, который,—при какихъ обстоятельствахъ, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, намъ какъ-то не пришлось поговорить объ этомъ въ свое время съ нынѣ покойнымъ Гольцевымъ,—познакомился съ гр. П. П. Шуваловымъ; на него Гольцевъ, видимо, смотрѣлъ, какъ на „сочувствующаго“ освободительному движенію и готоваго оказывать всякую помощь „Земскому Союзу“ (стр. 424). Итакъ въ окончательномъ выводѣ В. Я. Богучарскій готовъ уже признать существованіе самой организаціи Земскаго Союза. Но онъ отрицаетъ „сколько-нибудь яркія проявленія въ ея дѣятельности“. Изъ этихъ не достаточно опредѣленныхъ словъ надо вывести заключеніе, что В. Я. Богучарскій продолжаетъ настаивать на своемъ предшествующемъ утвержденіи, что „организованной дѣятельности земцевъ въ цѣляхъ борьбы за конституцію не было“ (стр. 404). А это утвержденіе совершенно невѣрно, такъ какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что Земскій Союзъ велъ чрезвычайно энергичную

---

[1]) Въ печати (см. „Русская Мысль“, 1911 г. сентябрь, стр. 136) уже указывалось на то, что смерть А. Ф. Линдфорса не могла отразиться на судьбѣ Земскаго Союза, такъ какъ, по свидѣтельству М. П. Драгоманова, въ маѣ 1883 г. вслѣдствіе распаденія „Земскаго Союза“ „Вольное Слово“ перестало выходить, (см. „Былое“, 1906 г., іюнь, стр. 206), а А. Ф. Линдфорсъ умеръ въ 1889 году. Но В. Я. Богучарскій почему-то игнорируетъ это указаніе.

и организованную дѣятельность въ пользу введенія конституціонныхъ учрежденій въ Россіи. Вотъ какъ характеризуетъ эту сторону дѣятельности Земскаго Союза извѣстная Записка о земствѣ С. Ю. Витте: „Дѣятельность Союза, повидимому очень быстро развивалась—имѣются по крайней мѣрѣ указанія, что въ 1881 г. онъ имѣлъ уже вполнѣ устроенную организацію и свои исполнительные органы. Распространивъ свою дѣятельность на всю земскую Россію, имѣя заграницей свой печатный органъ, номера котораго успѣшно проникали контрабаднымъ путемъ въ предѣлы Имперіи, Земскій Союзъ весьма скоро успѣлъ устроить нѣкоторую связь между земствами и организовать въ нихъ довольно дружное движеніе въ пользу введенія конституціоннаго образа правленія. Можно думать, что дѣятельность Союза въ этомъ направленіи не требовала даже особенныхъ усилій: ненормальныя взаимныя отношенія правительства и земства глубоко чувствовались и сознавались всѣми передовыми земцами, и земство силою вещей не могло не стремиться измѣнить это положеніе,—стать въ непосредственныя отношенія къ Верховной власти, имѣть свой голосъ въ центральномъ управленіи“ [1]). Конечно, противъ авторовъ этой записки можетъ быть выдвинуто обвиненіе, что они при составленіи ея тоже руководились партійными и тенденціозными соображеніями. Однако по вопросу о роли Земскаго Союза въ конституціонномъ движеніи начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія они, несомнѣнно, гораздо ближе были къ истинѣ, какъ объ этомъ можно судить по всему вышесказанному, чѣмъ В. Я. Богучарскій.

Впрочемъ Земскій Союзъ интересуетъ В. Я. Богучарскаго лишь постольку, поскольку онъ стремится доказать, что „Вольное Слово“ не могло быть его органомъ. Съ этою цѣлью В. Я. Богучарскій и пытается представить дѣло такъ, какъ будто бы самое существованіе Земскаго Союза было призрачно. Однако вопросъ о томъ, было ли „„Вольное

---

[1]) См. Гр. С. Ю. Витте. Самодержавіе и Земство. С.-Петербургъ, 1908, стр. 101.

Слово“ органомъ Земскаго Собора или нѣтъ, рѣшается не только путемъ установленія личной связи между организаціей и органомъ. Въ данномъ случаѣ эта личная связь достаточно вырисовывается, какъ мы видѣли, благодаря тому обстоятельству, что „Вольное Слово“ поддерживалось покойнымъ В. А. Гольцевымъ, хотя вполнѣ она пока еще не можетъ быть возстановлена вслѣдствіе того, что въ свое время сношенія съ нелегальнымъ органомъ, издававшимся заграницей, велись конспиративно и объ этомъ еще не появилось воспоминаній. Еще важнѣе, чѣмъ личную связь установить связь идейную и программную, такъ какъ только она и можетъ безспорно свидѣтельствовать о томъ, что то или иное изданіе есть органъ опредѣленной партіи или организаціи. А именно программная связь „Вольнаго Слова“ съ Земскимъ Союзомъ вполнѣ отчетливо засвидѣтельствована сперва передовой статьей въ № 37 „Вольнаго Слова“, въ которой послѣднее было объявлено органомъ общества „Земскій Союзъ“, а затѣмъ вышеприведенною передовою статьей изъ пятьдесятъ второго номера „Вольнаго Слова“. Въ ней авторъ ея М. П. Драгомановъ прямо говоритъ о томъ, что программа Земскаго Союза развивалась по частямъ въ цѣломъ рядѣ статей „Вольнаго Слова“, при этомъ онъ, конечно, имѣетъ въ виду и опубликованіе отрывковъ изъ этой программы въ № 37 этой газеты. Слѣдовательно, для опредѣленія политическаго направленія и характера „Вольнаго Слова“ было бы чрезвычайно важно выяснить вопросъ о программѣ Земскаго Союза. Но если объ организаціи и дѣятельности Земскаго Союза В. Я. Богучарскій подобралъ свѣдѣнія очень односторонне, то онъ уже совершенно поверхностно отнесся къ выясненію вопроса о программѣ Земскаго Союза, заключавшей въ себѣ подробный проектъ конституціи. Онъ даже не сгруппировалъ имѣющихся о ней свѣдѣній въ печати. Обратилъ вниманіе онъ только на сообщеніе объ этой программѣ въ секретной запискѣ „О противоправительственныхъ сообществахъ, не столь вредныхъ“, при томъ изъ нея онъ почерпнулъ лишь свѣдѣніе, что эта программа была литогра-

фирована или гектографирована на 67 страницахъ. Но изложивъ мотивы, почему этой запискѣ нельзя довѣрять, онъ затѣмъ ограничивается слѣдующимъ заявленіемъ о программѣ Земскаго Союза: „мы не видѣли программы („въ 67 страницъ“) якобы Земскаго Союза“. Однако, въ самой секретной запискѣ имѣется сообщеніе, что показанія трехъ секретныхъ сообщителей, „никакихъ отношеній другъ съ другомъ не имѣющихъ“, „сходятся до подробностей“ относительно этой программы (стр. 395 примѣч.). Въ этой запискѣ также говорится, что программа была озаглавлена— „Программа Земскаго Союза 1881 г.“, и что въ въ ней, между прочимъ, предусматривались „децентрализація государственнаго управленія по общинамъ, волостямъ, уѣздамъ и областямъ“ и созданіе народнаго представительства съ законодательными правами и съ ограниченіемъ верховной власти монарха, на что особенно обращено вниманіе въ запискѣ (стр. 392) [1]). Однако сообщеніе этой записки о программѣ Земскаго Союза далеко не единственное указаніе на эту программу. Поэтому В. Я. Богучарскій не имѣлъ никакого права ограничиваться лишь выраженіемъ своего скептическаго отношенія къ этому сообщенію. Своимъ скептицизмомъ и умолчаніемъ о всѣхъ другихъ свѣдѣніяхъ, касающихся программы Земскаго Союза, В. Я. Богучарскій возбуждаетъ у своихъ читателей совершенно неосновательное сомнѣніе въ существованіи этой программы.

Попытаемся сгруппировать и сопоставить все, что можно сообщить о программѣ Земскаго Союза. Сдѣлать это тѣмъ нужнѣе, что эту программу въ ея цѣломъ видѣ мало кто знаетъ. Къ тому же есть нѣсколько чрезвычайно важныхъ обстоятельствъ, касающихся этой программы, которыя можно выяснить только послѣ тщательнаго историческаго изслѣдованія; лучше указать на нихъ теперь же, когда это изслѣдованіе легче произвести. Прежде всего надо отмѣтить,

---

[1]) Ср. „Былое“, 1906, апрѣль, стр. 306 и 311—312.

что въ двухъ такихъ основныхъ, хотя и мало доступныхъ, сборникахъ матеріаловъ по исторіи нашего освободительнаго движенія, какъ „За сто лѣтъ. (1800—1896)“ В. Л. Бурцева и книга С. Г. Сватикова „Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895)“ приведены самые существенные отрывки изъ этой программы. Въ первой изъ этихъ книгъ эти отрывки приведены въ болѣе сокращенномъ видѣ, чѣмъ во второй [1]). Содержаніе этихъ отрывковъ совпадаетъ съ свѣдѣніями о программѣ Земскаго Союза, сообщаемыми въ полицейской запискѣ „О противоправительственныхъ сообществахъ, не столь вредныхъ“. Поэтому В. Я. Богучарскій, высказывая свое скептическое отношеніе къ этимъ свѣдѣніямъ о программѣ Земскаго Союза и вообще къ вопросу о ея существованіи, не имѣлъ права умалчивать о вышеуказанныхъ отрывкахъ изъ этой программы. Далѣе подробная характеристика этой программы дана въ книгѣ И. П. Бѣлоконскаго „Земское движеніе и конституція“ и повторена Ч. Вѣтринскимъ въ его біографіи В. А. Гольцева [2]). Затѣмъ М. П. Драгомановъ въ своей „Автобіографіи“ говоритъ слѣдующее: „Статья моя (вѣрнѣе, рядъ статей подъ заглавіемъ: „Историческая Польша и великорусская демократія“, въ послѣдней изъ нихъ развита политическая программа Драгоманова—Б. К.), печаталась въ „Вольномъ Словѣ“ въ 1881 году въ то время, какъ въ Земскомъ Союзѣ“ вырабатывалась своя программа реформы Россіи,—и оказалось, что наши программы сошлись въ основахъ“ („Былое“, 1906 г., іюнь, стр. 206). Наконецъ, въ вышеприведенной статьѣ „Отъ новаго редактора „Вольнаго Слова“ М. П. Драгомановъ обѣщаетъ, что про-

---

[1]) Ср. В. Л. Бурцевъ. За сто лѣтъ (1800—1896) Лондонъ, 1897, ч. I, стр. 209—211 и С. Г. Сватиковъ. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895). Ростовъ, на Д. 1905, ч. II, стр. 109—114.

[2]) См. И. П. Бѣлоконскій. Земское движеніе и конституція. Москва, 1910, стр. 22, примѣч. Ср. Его-же. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы. „Былое“ 1907, апрѣль, стр. 246 и сл. и Ч. Вѣтринскій. В. А. Гольцевъ. Біографическій очеркъ. Сборн. „Памяти В. А. Гольцева“ Москва 1910, стр. 35.

грамма Земскаго Союза „въ непродолжительномъ времени будетъ въ цѣломъ напечатана при „Вольномъ Словѣ". В. Я. Богучарскій называетъ гораздо позже выработанную Драгомановымъ программу подъ названіемъ „Вольный Союзъ", „изданной этой газетою" (стр. 412). Но изъ приведеннаго въ другомъ мѣстѣ его книги отрывка изъ „Автобіографіи" М. П. Драгоманова видно, что программа „Вольный Союзъ" не имѣетъ никакого отношенія къ „Вольному Слову". Въ печати уже опубликовано, что программа „Вольный Союзъ" была издана на средства, собранныя извѣстнымъ украинскимъ дѣятелемъ нынѣ уже покойнымъ Н. В. Ковалевскимъ [2]). Ссылку на эту программу, не имѣвшую никакого организаціоннаго отношенія къ земскому движенію и связанную съ нимъ лишь идейно, В. Я. Богучарскій счелъ нужнымъ сдѣлать для того, чтобы констатировать, что и организація „Вольный Союзъ" не осуществилась. Но исторія этой организаціи лишь эпизодъ изъ исторіи украинскаго движенія; сама эта программа называется „опытъ у к р а и н с к о й политико-соціальной программы", а что Драгомановъ въ своей дѣятельности въ качествѣ украинца былъ не одинокъ и за нимъ стояла довольно сильная организація, это достаточно выяснено въ спеціальной литературѣ о Драгомановѣ.

Повидимому, однако, В. Я. Богучарскій даже не потрудился ознакомиться съ содержаніемъ программы „Вольный Союзъ". Въ предисловіи къ ней М. П. Драгомановъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ ея идейную связь съ программой Земскаго Союза: „Напечатанная въ концѣ прошлаго года и распространившаяся въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ „Политическая Программа Земскаго Союза", которая въ значительной степени есть ничто иное, какъ только систематическій сводъ отдѣльныхъ положеній и желаній, высказанныхъ въ упомянутыхъ собраніяхъ (т.-е. въ Земскихъ собраніяхъ), въ свою

---

[1]) „Собраніе политическихъ сочиненій" М. П. Д р а г о м а н о в а, т. II. Paris 1906, стр. XLIX. Ср. М. П. Д р а г о м а н о в ъ. Политическія сочиненія, Москва, 1908, стр. XXII.

очередь послужила намъ поводомъ къ собиранію различнаго рода политическихъ соображеній. Хотя эта программа составлена была не нами, а людьми, поставленными въ болѣе непосредственное, чѣмъ мы, соприкосновеніе съ практическою жизнью, но такъ какъ она была опубликована въ связи съ газетою, въ которой мы принимали дѣятельное участіе и такъ какъ основныя положенія ея согласны съ тѣми, которыя мы развивали въ нашихъ публикаціяхъ, то многія лица обратили къ намъ свои замѣчанія по поводу этой программы". Затѣмъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту присовокуплены слѣдующія слова: „Читатель увидитъ дальше, что мы почти буквально воспроизводимъ многія статьи этой программы" [1]). Такъ какъ программа „Вольный Союзъ" вышла въ 1884 г., то надо предполагать, что подъ „концомъ прошлаго года" Драгомановъ подразумѣваетъ конецъ 1883 года. Съ этимъ согласно и то обстоятельство, что въ концѣ 1882 года, когда Драгомановъ писалъ вышеприведенную статью „Отъ новаго редактора „Вольнаго Слова", напечатанную въ первомъ номерѣ этого изданія за 1883 г., онъ только обѣщалъ, что эта программа будетъ издана цѣликомъ. Но этому противорѣчитъ сообщаемое въ книгѣ В. Л. Бурцева „За сто лѣтъ" свѣдѣніе, что программа Земскаго Союза была издана въ 1882 г. въ Женевѣ при содѣйствіи А. Ф. Линдфорса, съ которымъ М. П. Драгомановъ, какъ это извѣстно, былъ лично знакомъ [2]). Особенно, однако, этому противорѣчитъ самое это изданіе программы Земскаго Союза, такъ какъ оно помѣчено 1882 годомъ. Впрочемъ, требуетъ выясненія не только дата, а и мѣсто этого изданія. На брошюрѣ, заключающей программу Земскаго Союза и имѣющей видъ заграничнаго из-

---

[1]) „Собраніе политическихъ сочиненій" М. П. Драгоманова т. I, Paris, 1905, стр. 275—276.

[2]) Ср. В. Л. Бурцевъ. „За сто лѣтъ", ч. II, стр. 107, гдѣ сказано слѣдующее: „Земскій Союзъ — тайное либеральное общество" (участ.: черниговскій адвокатъ Линдфорсъ, гласн. Карпинскій и др.) [ими изд. въ Женевѣ въ 82 г. программа „Земскій Союзъ" и поддерживалось „Вольное Слово"].

данія, не отмѣчены ни городъ, гдѣ она издана, ни издательство, ни типографія, ни цѣна брошюры. Вѣроятнѣе всего, что этотъ видъ брошюры объясняется желаніемъ ея издателей облегчить ея перевозку и распространеніе въ Россіи. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ основанія подвергать сомнѣнію сообщаемыя В. Л. Бурцевымъ и М. П. Драгомановымъ свѣдѣнія о томъ, что эта брошюра была издана въ Женевѣ, и только вопросъ о годѣ ея изданія требовалъ бы болѣе точнаго выясненія.

Въ томъ видѣ, въ какомъ была издана программа Земскаго Союза, она не могла быть пущена въ книжную торговлю, такъ какъ это было бы нарушеніемъ швейцарскаго закона о печати; что она не распространялась путемъ отдѣльной продажи, объ этомъ можно заключить и изъ вышеприведеннаго сообщенія М. П. Драгоманова. Повидимому этимъ обстоятельствомъ и надо объяснить то, что это изданіе не получило достаточно широкаго распространенія. Такъ, напримѣръ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что С. М. Степнякъ-Кравчинскій въ концѣ 1894 года и началѣ 1895 г. когда онъ писалъ свою статью „Органическіе и случайные элементы въ политическихъ программахъ русскихъ демократовъ“ не зналъ этой программы или забылъ о ней. Въ этой статьѣ С. М. Степнякъ-Кравчинскій сравниваетъ вышеупомянутый проектъ конституціи „Вольный Союзъ“, составленный М. П. Драгомановымъ, съ проектомъ конституціи, изданіе котораго Лондонскимъ Фондомъ Вольной Русской Прессы и послужило поводомъ для написанія этой статьи. Естественно было привлечь къ сравненію и проектъ конституціи, заключавшійся въ программѣ Земскаго Союза, а между тѣмъ С. М. Степнякъ-Кравчинскій не только не упоминаетъ о немъ, но и утверждаетъ, что идея учрежденія Союзной Думы, состоящей изъ представителей областей, въ качествѣ верхней палаты цѣликомъ заимствована Драгомановымъ изъ американской конституціи [1]), хотя совер-

[1]) С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій, ч. VI. Спб. 1908 г., стр. 57.

шенно тождественное учрежденіе было предположено и въ программѣ Земскаго Союза. Во вторую половину 1895 г. С. М. Степнякъ-Кравчинскій, войдя въ комиссію по подготовкѣ книги „За сто лѣтъ", могъ, конечно, познакомиться съ содержаніемъ этой программы.

Брошюра, озаглавленная „Политическая программа общества „Земскій Союзъ" (s. l.) 1882, представляетъ теперь, несомнѣнно, очень большую библіографическую рѣдкость [1]). Одинъ экземпляръ ея однако имѣется въ библіотекѣ Румянцевскаго Музея. Такъ какъ программу Земскаго Союза вообще очень мало знаютъ, и отрывки изъ нея, напечатанные въ болѣе доступныхъ изданіяхъ, не даютъ, полнаго представленія о ней, то мы позволимъ себѣ хотя бы коротко охарактеризовать ее. Политическая программа Земскаго Союза, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ подробно разработанный проектъ конституціи, но онъ изложенъ не въ видѣ законопроекта, а какъ программа общества. Поэтому мы здѣсь находимъ не только статьи, которыя могли бы быть превращены въ параграфы законовъ, а и извѣстную аргументацію или иногда указаніе на логическую связь однихъ положеній съ другими. Такимъ образомъ по способу разработки этотъ проектъ очень похожъ на проектъ, предложенный М. П. Драгомановымъ въ его программѣ „Вольный Союзъ", и совершенно отличается отъ такихъ проектовъ, какъ изданный Лондонскимъ Фондомъ или выработанный группой членовъ Союза Освобожденія. Въ

---

[1]). Въ книгѣ А. А. Корнилова (Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1881). Москва, 1909 г., стр. 241, примѣч.) въ числѣ документовъ по исторіи земскаго движенія конца 70-хъ и начала 80-хъ гг., указана „изданная отдѣльной брошюрой Программа Земскаго Союза". По наведеннымъ справкамъ лично у А. А Корнилова оказалось, что эта брошюра была имъ пріобрѣтена за границей лѣтъ двадцать тому назадъ, но лѣтъ десять тому назадъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, затерялась; больше онъ ея не видалъ. С. Г. Сватиковъ любезно сообщилъ намъ, что онъ пользовался этой брошюрой въ Лондонѣ, когда работалъ тамъ надъ составленіемъ своей книги, а также въ Петербургѣ, такъ какъ она имѣется въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ.

содержаніи этого проекта особенно обращаетъ вниманіе на себя то обстоятельтсво, что авторы его въ качествѣ основного принципа конституціоннаго строя выдвинули принципъ самуправленія. Такъ уже въ самомъ началѣ этой программы мы встрѣчаемъ слѣдующее опредѣленіе: „Подъ политической свободой Союзъ разумѣетъ самоуправленіе". Затѣмъ короткая вводная часть ея (стр. 1—4), посвященная принципамъ неприкосновенности и свободы личности заканчивается положеніемъ: „настоящая программа имѣетъ задачею намѣтить общія начала самоуправленія четырехъ нераздѣльно существующихъ, другъ друга пополняющихъ и взаимодѣйствующихъ группъ общежитія: всесословной волости, уѣзда, области и государства" (стр. 4). Далѣе, слѣдуютъ отдѣлы, озаглавленные „Всесословная волость" (стран. 5—7), „Уѣздъ" (стран. 8—13), „Область" (стр. 13—21) и „Общегосударственное Самоуправленіе" (стр. 21—31), въ которыхъ и устанавливаются основныя положенія организаціи самоуправленія въ каждой изъ этихъ группъ общежитія. Общегосударственное народное представительство должно было состоять по этому проекту изъ двухъ собраній—Государственной Думы и Союзной Думы. Первая должна была составляться изъ всенародныхъ представителей, вторая—изъ областныхъ представителей. Учредительныя функціи представлялись соединенному собранію этихъ двухъ Думъ, усиленному дополнительно избранными представителями, которому присваивалось названіе „Соборъ".

Принимая во вниманіе всѣ эти черты проекта конституціи, выработаннаго Земскимъ Союзомъ, и сравнивая его съ аналогичными конституціонными проектами, надо признать, что проектъ Земскаго Собора имѣетъ наиболѣе земскій характеръ. Во всякомъ случаѣ онъ является безспорнымъ свидѣтельствомъ того, что въ періодъ его выработки въ земской средѣ шла чрезвычайно интенсивная разработка конституціонныхъ идей. Поэтому приходится особенно жалѣть о томъ, что этотъ замѣчательный памятникъ развитія политической мысли въ Россіи вообще, и въ частности

въ земской средѣ, такъ рѣшительно забытъ русскимъ обществомъ. Насколько этотъ проектъ забытъ, можно судить, хотя бы по тому, что во всей литературѣ Союза Освобожденія нѣтъ, кажется, ни одного упоминанія о немъ. Теперь, когда такъ важно оживлять въ земской средѣ извѣстныя традиціи, проектъ этотъ заслуживалъ бы быть извлеченнымъ изъ забвенія.

Однако В. Я. Богучарскій можетъ обратить вниманіе на то, что программа Земскаго Союза, напечатанная на тридцати одной маленькихъ страничкахъ, не соотвѣтствуетъ по своимъ размѣрамъ той программѣ, о которой сообщается въ вышеуказанной полицейской запискѣ. Но уже въ заглавіи напечатанной программы подчеркнуто, что это не вся программа Земскаго Союза, а только его политическая программа. Дѣйствительно, въ № 37 „Вольнаго Слова“ наряду съ изложеніемъ основныхъ принциповъ политической программы была напечатана и „Программа дѣйствія“ Земскаго Союза. Она не вошла въ вышеописанное отдѣльное изданіе политической программы Земскаго Союза, но перепечатана въ книгѣ „За сто лѣтъ“ (ч. I, стр. 211—213). Наконецъ, Земскій Союзъ имѣлъ и свою экономическую программу; указаніе на нее мы встрѣчаемъ въ опубликованной перепискѣ Драгоманова. Такъ 21 сентября 1883 г. М. Павликъ писалъ Драгоманову: „Жаль, что я не знаю экономической программы Земскаго Союза, такъ какъ безусловно необходимо на нее указать въ концѣ „Земледѣльческихъ Союзовъ“ (т.-е. популярной брошюры подъ этимъ заглавіемъ, которую готовилъ тогда М. Павликъ Б. К.). Будьте добры, какъ только она будетъ напечатана, пришлите мнѣ ее немедленно—можно будетъ сдѣлать вставку въ корректурѣ“ [1]). Все это показываетъ, что при рѣшеніи вопроса о программѣ Земскаго Союза нельзя было ограничиваться лишь свѣдѣніями, сообщаемыми о ней въ выше-

[1]) „Переписка М. Драгомирова з М. Павликом“. Зладив М. Павлик. Чернівці, 1911, т. IV, стр. 215. Вышеприведенныя слова переведены съ украинскаго. Чрезвычайно важное указаніе на экономическую программу З. С. заключается также въ содержаніи передовой статьи № 37 „В. Слова“.

указанной полицейской запискѣ, какъ это сдѣлалъ В. Я. Богучарскій. Эта программа имѣла, несомнѣнно, большое политическое значеніе, и она служитъ чрезвычайно вѣскимъ доказательствомъ того, что Земскій Союзъ въ свое время развилъ очень интенсивную дѣятельность въ пользу введенія конституціонныхъ учрежденій въ Россіи.

Не изслѣдовавъ вопроса о томъ, въ чемъ заключалась программа Земскаго Союза, В. Я. Богучарскій сперва воспроизвелъ сообщеніе И. И. Петрункевича, что гр. П. П. Шуваловъ послѣ встрѣчи съ нимъ въ Петербургѣ въ 1882 году прислалъ ему „цѣлый конституціонный проектъ съ раздѣленіемъ Россіи на избирательные округа и съ двухпалатной системой представительства“ (стр. 404), а затѣмъ, высказавшись по поводу полицейскаго сообщенія о программѣ Земскаго Союза, что оно относится къ программѣ „якобы Земскаго Союза“, онъ счелъ нужнымъ напомнить своимъ читателямъ объ этомъ конституціонномъ проектѣ гр. П. П. Шувалова (стр. 409). Теперь, когда мы знаемъ, что представляетъ изъ себя программа Земскаго Союза, для насъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что подобное сближеніе ея съ конституціоннымъ проектомъ гр. П. П. Шувалова ошибочно. Но вопросъ о конституціонномъ проектѣ гр. П. П. Шувалова самъ по себѣ заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться. Сообщеніе о немъ И. И. Петрункевича въ передачѣ В. Я. Богучарскаго вызвало у пишущаго эти строки предположеніе, что онъ тожественъ съ изданнымъ въ 1895 г. Лондонскимъ Фондомъ Вольной Русской прессы „Проектомъ русской конституціи“ со статьей С. Степняка (Кравчинскаго)[1]). Вопросъ о происхожденіи этого послѣдняго проекта совсѣмъ еще не выясненъ въ исторической литературѣ. Такъ С. Г. Сватиковымъ было высказано относительно него мнѣніе, что

[1]) „Проэктъ Русской Конституціи“ (Составленный въ Россіи). Изданіе второе. Со статьей С. Степняка. Лондонъ. 1895. Онъ перепечатанъ въ приложеніи къ собранію сочиненій Степняка-Кравчинскаго. См. С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій, ч. VI, стр. 65—95.

онъ исходилъ изъ группы „Народное Право“ [1]); напротивъ, В. В. Водовозовъ совершенно справедливо возражаетъ С. Г. Сватикову, что такой проектъ не могъ быть составленъ членами группы, основанной бывшими землевольцами и народовольцами [2]). Но хотя одинъ изъ членовъ этой группы, О. Аптекманъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о дѣятельности группы и не упоминаетъ объ изданіи этого проекта, все-таки, повидимому, первое изданіе его было напечатано и распространено въ Россіи этой группой [3]). Доказательствомъ этого можетъ служить не только то, что этотъ проектъ былъ изданъ Лондонскимъ Фондомъ вмѣстѣ съ „Воззваніемъ партіи „Народнаго Права“, но еще болѣе содержаніе маленькаго предисловія, которымъ первые издатели снабдили этотъ проектъ и съ которымъ онъ затѣмъ перепечатывался. О личности автора этого проекта Степнякъ-Кравчинскій въ своей статьѣ высказываетъ слѣдующее предположеніе: „Кто онъ — мы не знаемъ. Но каждая строчка его труда показываетъ въ немъ человѣка, стоящаго близко къ центрамъ нашего государственнаго управленія. Онъ видитъ государственное зданіе сверху. Это не непремѣнно предполагаетъ въ немъ высшаго чиновника: ученый и политическій мыслитель, поставленный въ благопріятныя условія, можетъ иногда лучше разсмотрѣть государственную машину, чѣмъ люди, являющіеся въ ней крупными колесами. Но мы нисколько не удивились бы, если бы анонимный авторъ оказался однимъ изъ таковыхъ. Во всякомъ случаѣ, это—человѣкъ, мысль котораго привыкла сосредоточиваться на вопросахъ государственныхъ, стиль котораго вырабатывался на Сводѣ Законовъ и даже перо привыкло къ офиціальной орѳографіи“ [4]).

---

[1]) С. Г. Сватиковъ. Общественное движеніе въ Россіи 1700—1895 г. Ростовъ-на-Д. 1905, ч. 2, стр. 182 и сл.

[2]) В. В. Водовозовъ. Предисловіе къ сочиненіямъ Степняка-Кравчинскаго, ч. VI, стр. XI и сл.

[3]) Ср. О. В. Аптекманъ. Партія „Народнаго Права“. Воспоминанія. „Былое“, 1907, іюль, стр. 177 и сл.

[4]) С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій, ч. VI, Спб. 1908, стр. 44.

Въ то же время впрочемъ Степнякъ-Кравчинскій считаетъ автора этого проекта „несомнѣннымъ демократомъ". По содержанію этотъ проектъ самый умѣренный изъ подробно разработанныхъ проектовъ, вышедшихъ не изъ правительственныхъ круговъ, если не считать, конечно, проектовъ съ законосовѣщательнымъ народнымъ представительствомъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напримѣръ, по вопросу о составѣ Государственнаго Совѣта, онъ даже умѣреннѣе дѣйствующихъ теперь въ Россіи Основныхъ Законовъ, хотя въ другихъ отношеніяхъ, напримѣръ, по вопросу объ учредительной власти, онъ и радикальнѣе ихъ. Но даже въ своихъ наиболѣе умѣренныхъ отдѣлахъ этотъ проектъ былъ для своего времени все-таки очень радикаленъ. С. М. Степнякъ-Кравчинскій противопоставляетъ его проектамъ мнимыхъ „конституцій", предусматривающихъ „палаты представителей съ совѣщательнымъ голосомъ", къ каковымъ онъ причисляетъ „проекты графа Лорисъ-Меликова, Кошелева, анонимнаго общества „конституціоналистовъ", выступившихъ со своей программой въ 1891 году, и многіе другіе". По его словамъ „предлагаемый Уставъ составляетъ протестъ противъ этой государственной ограниченности. Это—проектъ настоящей конституціи потому, что въ ней верховная власть такъ или иначе принадлежитъ народу и его представителямъ" [1]). Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что этотъ проектъ былъ составленъ не въ началѣ девяностыхъ годовъ, когда онъ получилъ распространеніе и популярность, а въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Но предположеніе о томъ, что этотъ проектъ составленъ гр. П. П. Шуваловымъ, не оправдалось, такъ какъ И. И. Петрункевичъ не призналъ его тѣмъ, который онъ видѣлъ въ 1882 г. Къ этому И. И. Петрункевичъ присоединилъ, что гр. П. П. Шуваловъ присылалъ ему не подробно разработанный проектъ конституціи, а „записку", содержавшую основныя положенія для разработки конститу-

[1]) Тамъ же, стр. 51.

ціонной хартіи. Слѣдовательно, если искать въ полицейской запискѣ о „Противоправительственныхъ сообществахъ, не столь вредныхъ", указанія на конституціонный проектъ гр. П. П. Шувалова, то его надо видѣть не въ передаваемыхъ ею свѣдѣніяхъ о программѣ Земскаго Союза, а въ слѣдующемъ сообщеніи, заключающемся въ приложеніи В. къ этой запискѣ: „Согласно показаніямъ двухъ изъ упомянутыхъ въ приложеніи (къ запискѣ) Б. секретныхъ сообщителей, предисловіе и заключеніе подлинной программы Земскаго Союза заключаютъ въ себѣ мѣста, почти слово въ слово сходящіяся съ частною запискою (имя шифромъ), поданною на Высочайшее имя 23 мая 1881 года и переданною на заключеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ. Выписки изъ упомянутой записки приводятся здѣсь, конечно, не съ тѣмъ, чтобы бросить какую-либо тѣнь на вѣрноподданническія чувства автора записки, пользующагося личнымъ довѣріемъ Государя Императора, но лишь съ цѣлью ознакомиться съ литературнымъ произведеніемъ, въ которомъ (по показанію двухъ свидѣтелей) дословно повторяются цѣлыя разсужденія, встрѣчающіяся въ программѣ Земскаго Союза, и тѣмъ самымъ освѣтить замыслы противозаконнаго общества, подлежащаго настоящему секретному дознанію,—тѣмъ болѣе, что подлинная программа сего сообщества не подлежала разсмотрѣнію Департамента Государственной Полиціи" [1]). Затѣмъ приводится цѣлый рядъ выписокъ изъ вышеупомянутой записки, поданной на Высочайшее имя [2]). Но эти выписки ни по тону, ни по стилю не имѣютъ ничего общаго съ политической программой Земскаго Союза, а тѣмъ болѣе съ его „программой дѣйствія". Повидимому, полицейскій докладъ вполнѣ произвольно и умышленно сближаетъ ихъ, пользуясь тѣмъ, что въ рукахъ полиціи въ то время не было подлинника программы Земскаго

[1]) См. Изъ полицейскихъ разслѣдованій 1882 года касательно „противоправительственныхъ сообществъ, не столь вредныхъ". Былое, 1906, апрѣль, стр. 313. Ср. В. Я. Богучарскій, стр. 396, примѣч.

[2]) Тамъ же, стр. 313 и 314.

Союза. Цѣль, которая преслѣдовалась при этомъ полицейскимъ докладомъ, заключалась, конечно, въ томъ, чтобы, несмотря на оговорку, набросить тѣнь на лицо, подавшее записку Императору Александру III. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что весь этотъ полицейскій докладъ составленъ между прочимъ и для того, чтобы скомпрометировать Священную Дружину и особенно Добровольную Охрану, установивъ ихъ связь съ Земскимъ Союзомъ и даже съ террористами Телаловымъ и Тигромъ (Л. А. Тихомировымъ) [1]).

---

[1]) Вотъ что говоритъ объ этомъ полицейскомъ издѣліи М. П. Драгомановъ въ часто цитируемой В. Я. Богучарскимъ статьѣ „Либерализмъ и земство въ Россіи“: „Въ запискѣ этой говорится о кіевскихъ либеральныхъ начинаніяхъ 1878 г., но крайне неточно, на основаніи показаній одного предателя изъ политическихъ подсудимыхъ, а кромѣ того, частью невольно, по невѣдѣнію, столь свойственному русской полиціи, а частью съ умысломъ, сведено къ одной организаціи кіевское украинофильство, женевская „Громада“, „Земскій Союзъ“ съ „Вольнымъ Словомъ“, „Добровольная охрана, и „Крамола“, представляемая Телаловымъ и Тигромъ (г. Левъ Тихомировъ). Въ другой запискѣ (№ 3), еще не попавшей въ печать, посвященной Либеральной Лигѣ, смѣшеніе круговъ и лицъ доходитъ до полнаго комизма. Читатель пойметъ, что еще не время критически разбирать подобные документы; обнародованіе ихъ безъ критики можетъ служить только шантажу и цѣлямъ „судейкинскимъ“. Въ этихъ цѣляхъ г. Климовъ и пускалъ въ Женевѣ въ русской эмиграціи упомянутую Записку № 2. Вообще надо сказать, что въ то время Судейкины обнаружили гораздо больше ловкости для разъединенія оппозиціонныхъ элементовъ, чѣмъ эти послѣдніе для своего объединенія“. Собраніе политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова, Парижъ, 1906, т. II, стр. 821, примѣч. Приблизительно то же самое высказывается и въ письмѣ лица, доставившаго эту записку въ редакцію „Общаго Дѣла“. Оно было опубликовано вмѣстѣ съ Запиской („Общее Дѣло“, 1883, іюль, № 54). Письмо это начинается словами: „Посылаемый вамъ документъ есть страница, выхваченная изъ исторіи борьбы государственной полиціи съ ея офиціозными конкуррентами—Св. Дружиной и Охраной. Желая скомпрометировать „Охрану“, особенно ей ненавистную, государственная полиція приводитъ ее въ связь съ обществомъ Земскаго Союза, а общество Земскаго Союза связываетъ съ обществомъ Либеральной Лиги, которую въ свою очередь уличаетъ въ связяхъ съ террористами. Все такимъ образомъ у нея связано и спутано, такъ что Толстому остается только

Чрезвычайно важное и безусловно достовѣрное извѣстіе о томъ, что гр. П. П. Шуваловъ въ 1881 или 1882 г. выработалъ основныя положенія конституціонной хартіи для Россіи, казалось бы, должно было побудить В. Я. Богучарскаго выяснить вопросъ о томъ, что за человѣкъ былъ гр. П. П. Шуваловъ, и по крайней мѣрѣ установить его личность. Выполнить эту задачу тѣмъ болѣе составляло прямую обязанность В Я. Богучарскаго, что, какъ мы уже знаемъ, гр. П. П. Шуваловъ былъ однимъ изъ вожаковъ сперва Добровольной Охраны, а затѣмъ и Священной Дружины, а В. Я. Богучарскій посвящаетъ этимъ организаціямъ больше, чѣмъ четвертую часть своей книги и дважды обѣщаетъ остановиться на „различныхъ политическихъ теченіяхъ", проявившихся въ нихъ (стр. 272 и 298). Но, можетъ-быть, ни въ одномъ вопросѣ небрежное отношеніе В. Я. Богучарскаго къ своей задачѣ историка-изслѣдователя не проявилось въ такой степени, какъ въ данномъ случаѣ. Вопросъ о различныхъ политическихъ теченіяхъ въ Священной Дружинѣ онъ рѣшаетъ, какъ мы видѣли, путемъ заявленія о томъ, что онъ „склоненъ думать" о нихъ (стр. 436), относительно же личности гр. П. П. Шувалова онъ повидимому, на основаніи однихъ только иниціаловъ считаетъ себя въ правѣ утверждать, что это былъ гр. Павелъ Павловичъ Шуваловъ (стр. 409 и 482). Этимъ путемъ онъ не только составилъ себѣ совершенно ложное представленіе объ одномъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей той организаціи, выясненію характера которой онъ посвящаетъ столько мѣста въ своей книгѣ, но и ввелъ въ заблужденіе своихъ

глотать". Наконецъ, и въ „Быломъ" (1906, апрѣль, стр. 304 и сл.), эта записка опубликована съ предисловіемъ, въ которомъ сказано, что „офиціозная полиція въ своихъ донесеніяхъ старалась не болѣе, не менѣе, какъ скомпрометировать „Охрану" и дружину" связями ихъ съ „противоправительственными сообществами не столь вредными". Одинъ В. Я. Богучарскій теперь считаетъ себя въ правѣ увѣрять своихъ читателей, что „въ организаціяхъ, о которыхъ говоритъ записка, дѣйствительныхъ земскихъ дѣятелей совершенно не было" (стр. 396), хотя главная часть Записки посвящена Земскому Союзу и его программѣ.

читателей, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые помнятъ объ административной дѣятельности гр. Павла Павловича Шувалова [1]). Въ дѣйствительности, интересующій насъ гр. Шуваловъ былъ не Павелъ Павловичъ, а совсѣмъ другое лицо, принадлежавшее къ другой линіи графовъ Шуваловыхъ, именно гр. Павелъ Петровичъ Шуваловъ.

Біографическія данныя, касающіяся гр. Павла Петровича Шувалова, какъ кажется, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на тотъ фактъ, что онъ разрабатывалъ проектъ русской конституціи [2]). Онъ принадлежалъ къ семьѣ, скорѣе, обще-

---

[1]) Впрочемъ самъ В. Я. Богучарскій не упоминаетъ объ административной дѣятельности гр. Павла Павловича Шувалова. Чтобы устранить всякія недоразумѣнія, сообщимъ здѣсь кратко біографическія свѣдѣнія о немъ. Графъ Павелъ Павловичъ Шуваловъ былъ сыномъ гр. Павла Андреевича Шувалова (1830—1908), бывшаго посла въ Берлинѣ и затѣмъ варшавскаго генералъ-губернатора, и племянникомъ гр. Петра Андреевича Шувалова (1827—1889 г.), бывшаго шефа жандармовъ и участника Берлинскаго конгресса. Онъ родился въ 1859 г.; слѣдовательно, въ 1882 г. онъ былъ черезчуръ молодъ для того, чтобы быть назначеннымъ флигель-адъютантомъ Государя Императора или чтобы играть руководящую роль въ Священной Дружинѣ. Воспитаніе онъ получилъ въ пажескомъ корпусѣ, а затѣмъ служилъ въ гвардіи. Съ 1893 до 1897 г. онъ состоялъ первоначально адъютантомъ, а затѣмъ завѣдующимъ дворомъ Великаго Князя Сергія Александровича. Послѣ этого онъ былъ зачисленъ въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ и съ 1898 до 1903 года былъ одесскимъ градоначальникомъ. 22 апрѣля 1905 года онъ, въ чинѣ генералъ-майора, былъ назначенъ московскимъ градоначальникомъ и въ этой должности убитъ 28 іюня 1905 года. Его некрологъ см. „Русскія Вѣдомости“, 29 іюня 1905 г., № 173; ср. „Русское Слово“, 29 іюня 1905 г., № 173. Ср. также „Историко-революціонный альманахъ“. Подъ ред. В. Л. Бурцева. Спб. 1907 г. Изд. „Шиповника“, стр. 131, 239 и 331. Въ послѣднемъ изданіи гр. П. П. Шуваловъ ошибочно названъ московскимъ генералъ-губернаторомъ; имъ былъ въ то время генералъ-адъютантъ А. А. Козловъ.

[2]) См. „Списокъ генераловъ въ порядкѣ ихъ старшинства“. С.-Петербургъ. 1898, и некрологи гр. П. П. Шувалова въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1902 г., декабрь, стр. 1198, „Кіевской Газетѣ“ 1902 г., № 288, и „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ 1902 г., № 284. Библіографическими указаніями, давшими мнѣ возможность опредѣлить личность графа П. П. Шувалова, я обязанъ Николаю Петровичу Чулкову, за что и

ственныхъ, чѣмъ государственныхъ дѣятелей. Его родной дядя гр. Андрей Павловичъ Шуваловъ (1816—1876) извѣстенъ своими заслугами въ качествѣ городского и земскаго дѣятеля. Ему принадлежитъ нѣсколько работъ по сельскому хозяйству въ Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества, а также рядъ публицистическихъ статей въ различныхъ изданіяхъ [1]). Для насъ особый интересъ представляютъ его рѣчи въ Петербургскомъ Губернскомъ Земскомъ Собраніи въ январѣ 1867 г., въ которыхъ онъ, критикуя законъ отъ ноября 1866 г., ограничившій право обложенія земствами промышленныхъ заведеній, настаивалъ на необходимости созданія общерусскаго земства. На это правительство отвѣтило рядомъ репрессій: дѣйствіе Земскаго Положенія было временно пріостановлено въ Петербургской губерніи, предсѣдатель губернской земской управы Н. Ѳ. Крузе былъ сосланъ въ Оренбургъ, а самъ гр. А. П. Шуваловъ былъ высланъ на три года за границу [2]). Отецъ Павла Петровича гр. Петръ Павловичъ Шуваловъ (1819—1900 г.) былъ петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства отъ 1857 до 1862 г., т.-е. въ тѣ годы, когда петербургское дворянство возбудило передъ правительствомъ цѣлый рядъ ходатайствъ и между прочимъ, сперва ходатайство о введеніи мѣстнаго самоуправленія, а затѣмъ хотя и глухо, о народномъ представительствѣ. Самъ гр. Павелъ Петровичъ Шуваловъ родился 14 февраля 1847 г. Образованіе получилъ въ петербургскомъ и гейдельберг-

---

приношу ему здѣсь искреннюю благодарность. И. И. Петрункевичъ любезно подтвердилъ, что записку съ основными положеніями конституціонной хартіи для Россіи ему давалъ въ 1882 г. гр. Павелъ Петровичъ Шуваловъ.

[1]) См. его некрологъ въ „Голосѣ“, 1876 г., № 105.

[2]) См. „Колоколъ“ 1867 г., № 238. М. П. Драгомановъ. Земскій либерализмъ въ Россіи (1858—1883). „Свободная Россія“, 1889 г., № 1, и „Собраніе политическихъ сочиненій“, Парижъ, 1906 г., т. II, стр. 800 и сл. В. Л. Бурцевъ. За сто лѣтъ, ч. II, стр. 71 и 72. С. Г. Сватиковъ. Общественное движеніе въ Россіи. Ростовъ-на-Д. 1905 г., II, стр. 64 и сл. Ср. Н. И. Іорданскій. Конституціонное движеніе 60-хъ годовъ. С.-Петербургъ, 1906 г., стр. 143 и сл.

скомъ университетахъ, въ послѣднемъ онъ получилъ степень доктора правъ. Такъ какъ онъ уже въ февралѣ 1868 г. поступилъ на военную службу, то, слѣдовательно, въ Гейдельбергѣ онъ посѣщалъ университетъ въ то время, когда Герценовскій „Колоколъ“ писалъ о конституціонномъ выступленіи его дяди и когда только-что была создана Пироговская библіотека въ Гейдельбергѣ, славившаяся одно время рѣдкими русскими заграничными изданіями. Въ 1872 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ Великаго Князя Владиміра Александровича, а въ 1879 г. получилъ чинъ полковника, и 24 ноября 1881 г. уволенъ въ отставку. Но 1 января 1882 г. онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государю Императору Александру III. Въ 1889 г. онъ получаетъ назначеніе командиромъ полка и уходитъ въ армію, гдѣ служитъ подъ конецъ въ чинѣ генералъ-майора до своей отставки 20 ноября 1895 г. Послѣ отставки онъ всецѣло удаляется въ частную жизнь. Умеръ онъ 13 октября 1902 г. въ доставшемся ему отъ отца владѣльческомъ мѣстечкѣ Тальномъ, Уманскаго уѣзда Кіевской губерніи. Въ его некрологѣ „Биржевыя Вѣдомости“ отмѣтили, что „покойный графъ съ особой отзывчивостью и живымъ участіемъ относился къ нуждамъ рабочаго населенія своихъ имѣній и заводовъ“. „Кіевская Газета“ и „Историческій Вѣстникъ“ по поводу его смерти писали: „Мѣстечко Тальное многимъ обязано покойному, который постоянно заботился объ его благоустройствѣ и о насажденіи среди мѣстнаго населенія культурныхъ началъ. Съ этою цѣлью гр. П. П. Шуваловымъ между прочимъ былъ устроенъ въ Тальномъ народный домъ, являющійся прекраснымъ памятникомъ культурно-общественной дѣятельности покойнаго“.

Вполнѣ установить, какую роль игралъ гр. Павелъ Петровичъ Шуваловъ въ Добровольной Охранѣ и Священной Дружинѣ и какими мотивами онъ при этомъ руководствовался, можно будетъ только тогда, когда будутъ опубликованы документы по этому дѣлу, хранящіеся, конечно, въ его семейномъ архивѣ. Во всякомъ случаѣ, предположеніе В. Я. Богучарскаго о томъ, что, даже составляя консти-

туціонный проектъ, гр. П. П. Шуваловъ руководился „честолюбивыми мечтами“ (стр. 437), повидимому, не оправдывается. Для человѣка съ такимъ положеніемъ, какъ гр. П. П. Шуваловъ, было много другихъ, гораздо болѣе прямыхъ и вѣрныхъ путей удовлетворить свое честолюбіе. К. Головинъ въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ, что „несмотря на свои недюжинныя способности“ онъ „почему-то“ не сдѣлалъ карьеры[1]).

Нельзя однако не отмѣтить, что сама по себѣ цѣль, которую ставила себѣ Добровольная Охрана, согласовалась, особенно въ виду событія 1 марта 1881 г., съ идеями конституціоннаго монархизма. Земцы-конституціоналисты тоже неоднократно выражали готовность бороться съ терроромъ и, конечно, неправы были тѣ голоса справа и слѣва, которые считали эти заявленія неискренними и видѣли въ нихъ хитрость. Но была громадная разница между заявленіями земцевъ и поступками тѣхъ лицъ, которыя при тогдашнихъ полицейскихъ условіяхъ принялись за организацію тайнаго общества „Добровольная Охрана“, такъ какъ земцы опредѣленно заявляли, что борьбу съ терроромъ они могутъ вести только при томъ условіи, что въ Россіи будетъ гарантирована политическая свобода. Если гр. П. П. Шуваловъ былъ образованнымъ, убѣжденнымъ и искреннимъ конституціоналистомъ, то онъ долженъ былъ бы предвидѣть, что получится изъ такой организаціи, какъ Добровольная Охрана. Затѣмъ, когда къ этой организаціи стали примыкать всякіе темные элементы и придавать ей извѣстную окраску, гр. П. П. Шуваловъ, если бы онъ былъ убѣжденнымъ человѣкомъ, долженъ былъ бы отстраниться отъ нея. Впрочемъ здѣсь могло быть и одно изъ тѣхъ патологическихъ явленій, свидѣтелями которыхъ мы были въ послѣднія пять—шесть лѣтъ, когда, напримѣръ, лидеръ октябристовъ выступалъ въ защиту военно-полевыхъ судовъ[2]).

[1]) К. Головинъ. Мои воспоминанія, С.-Петербургъ, 1910 г., т. II, стр. 35.

[2]) Вотъ что между прочимъ говоритъ о гр. П. П. Шуваловѣ въ своихъ воспоминаніяхъ К. Головинъ: „Онъ все собирался перехитрить

Итакъ, многое, касающееся гр. П. П. Шувалова, не можетъ быть пока выяснено за отсутствіемъ достаточно полныхъ фактическихъ свѣдѣній. Несомнѣнно, однако, В. А. Гольцевъ не могъ не знать о роли гр. П. П. Шувалова въ Добровольной Охранѣ—о ней появились извѣстія въ иностранной прессѣ и самомъ „Вольномъ Словѣ“ еще въ 1881 г. Тѣмъ не менѣе онъ, повидимому, вѣрилъ въ искренность его конституціонныхъ стремленій, такъ какъ иначе онъ не могъ бы сноситься съ нимъ по дѣламъ „Вольнаго Слова“.

Теперь мы можемъ опредѣлить наше отношеніе еще къ одному аргументу В. Я. Богучарскаго, приводимому имъ въ пользу своего утвержденія, что „Вольное Слово“ было органомъ группы лицъ, примыкавшихъ къ Священной Дружинѣ. Этотъ аргументъ, которому В. Я. Богучарскій придаетъ, повидимому, особенно большое значеніе, мы должны были разсмотрѣть послѣднимъ потому, что оцѣнка его тѣсно связана съ вопросомъ о томъ, что представлялъ изъ себя Земскій Союзъ. Доказательство того, что „Вольное Слово“ не могло быть органомъ Земскаго Союза, а, слѣдовательно, было „дѣтищемъ мужественныхъ добровольцевъ“,— В. Я. Богучарскій выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „О личности перваго редактора „Вольнаго Слова“ Аркадія Мальшинскаго, выдававшаго себя за границей, по свидѣтельству А. Х. Христофорова, за члена Земскаго Союза, никто изъ дѣйствительныхъ членовъ этого „Союза“, къ которымъ мы обращались съ вопросами, не имѣлъ никакого понятія“ (стр. 412). В. Я. Богучарскій однако не сообщаетъ, къ сколькимъ членамъ Земскаго Союза онъ обращался съ этимъ вопросомъ. Выше мы видѣли, что онъ на основаніи четырехъ свидѣтельскихъ показаній считалъ себя въ правѣ высказать рѣшительное сужденіе относительно цѣлаго общественнаго движенія. Повидимому, и въ данномъ случаѣ онъ не опросилъ даже и десяти бывшихъ чле-

---

всѣхъ“, и далѣе: „Шуваловъ, кстати сказать, цѣлыхъ полтора года слылъ за полупомѣшаннаго, и до сихъ поръ никто не знаетъ навѣрно, было ли это дѣйствительное, или только притворное разстройство“. Тамъ же, стр. 35.

новъ Земскаго Союза. Но если бы В. Я. Богучарскій имѣлъ возможность поставить этотъ вопросъ всѣмъ еще живущимъ членамъ Земскаго Союза и всѣ они отвѣтили бы на него отрицательно, то и тогда это ничего не доказывало бы. Вѣдь А. П. Мальшинскій могъ быть привлеченъ къ Земскому Союзу и сноситься по его дѣламъ съ нынѣ покойными, наиболѣе выдающимися членами Земскаго Союза, т.-е. съ В. А. Гольцевымъ, А. Ф. Линдфорсомъ, Карпинскимъ и др. Однако имѣются и гораздо болѣе важныя, чѣмъ отдѣльныя свидѣтельскія показанія, вполнѣ объективныя данныя, доказывающія, что А. П. Мальшинскій былъ членомъ Земскаго Союза. Въ самомъ дѣлѣ, „Вольное Слово“, какъ мы знаемъ, начало выходить 1 августа 1881 г. въ качествѣ болѣе или менѣе безпартійнаго органа, но черезъ девять съ половиной мѣсяцевъ послѣ своего возникновенія въ № 37 отъ 15 мая 1882 г. оно объявило себя прямымъ органомъ общества „Земскій Союзъ“ и напечатало отрывки изъ его программы. Если бы это было актомъ самозванства со стороны А. П. Мальшинскаго, который послѣ того еще въ теченіе семи съ половиной мѣсяцевъ былъ редакторомъ „Вольнаго Слова“, то это не могло бы остаться безъ протеста со стороны Земскаго Союза. А мы не только не находимъ протеста противъ этого заявленія, но и имѣемъ несомнѣнное доказательство того, что оно выражало волю Земскаго Союза, такъ какъ въ концѣ 1882 г. спеціальный делегатъ Земскаго Союза, которымъ былъ, вѣроятно, какъ мы видѣли, В. А. Гольцевъ, просилъ М. П. Драгоманова взять на себя редактированіе „Вольнаго Слова“, уже болѣе полугода передъ тѣмъ выходившаго подъ редакціей А. П. Мальшинскаго въ качествѣ органа Земскаго Союза.

Правда, можетъ показаться страннымъ, что редактора органа „Земскаго Союза“ не знали всѣ члены этой организаціи, и даже болѣе—что его, повидимому, знали только очень немногія отдѣльныя лица, принадлежавшія къ этой организаціи. Объясняется это однако конспираціей, которая въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія примѣ-

нялась въ особенно утрированномъ видѣ. Конспирація эта, соблюдавшаяся при изданіи заграничнаго органа, могла уживаться съ тѣмъ, что Земскій Союзъ въ своей дѣятельности внутри Россіи долженъ былъ, какъ это отмѣчено выше, выступать отчасти открыто, а потому въ него легко проникали и сомнительные элементы. Къ тому же А. П. Мальшинскій подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не эмигрантъ, долженъ былъ настаивать на исключительной конспираціи. Въ дѣйствительности усиленная конспирація ему была нужна въ виду его двойной роли. Несомнѣнно, онъ долженъ былъ многое скрывать и отъ Департамента Полиціи. Извѣстно, что когда Азефъ былъ разоблаченъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено вниманіе на то, что онъ былъ самымъ строгимъ и изобрѣтательнымъ конспираторомъ, и тогда этотъ фактъ получилъ совершенно новое освѣщеніе.

О характерѣ практиковавшейся тогда конспираціи можно вывести заключеніе изъ разсказа Драгоманова о томъ, какъ складывались его собственныя отношенія къ „Вольному Слову“ и Земскому Союзу. Разсказъ этотъ находится въ письмѣ Драгоманова къ М. Павлику отъ 15 октября 1883 г. Передъ этимъ М. Павликъ письменно просилъ Драгоманова дать рекомендаціи къ членамъ Земскаго Союза его пріятелю Т. Окуневскому, теперь видному украинскому политическому дѣятелю въ Галиціи, который готовился тогда къ поѣздкѣ въ Россію для ознакомленія съ украинской и русской общественной жизнью. Драгомановъ отвѣтилъ отказомъ, ссылаясь на то, что галичане не знакомы съ пріемами конспираціи, практикующейся въ Россіи, а М. Павлику показалось страннымъ такое недовѣріе. Доказывая полную основательность своего отказа, Драгомановъ и сообщаетъ эти данныя М. Павлику. Вотъ что онъ пишетъ ему: „О принципахъ Земскаго Союза вы всегда могли имѣть достаточно свѣдѣній изъ „Вольнаго Слова“ и программы Земскаго Союза, и этого довольно для васъ и особенно для вашихъ земляковъ. Относительно состава (элементовъ и лицъ) Земскаго Союза я и самъ, когда вы были здѣсь (т.-е. въ концѣ 1881 и началѣ 1882 гг. Б. К),

зналъ немного больше васъ, а тѣмъ, что я зналъ, я не имѣлъ права ни съ кѣмъ дѣлиться,—подъ такимъ условіемъ мнѣ это было сообщено. Исторія моя съ „Вольнымъ Словомъ“ и Земскимъ Союзомъ такова: я былъ сперва приглашенъ, какъ „сотрудникъ по малороссійскому вопросу“. Увидя, что здѣсь—„конспирація“, и при томъ въ значительной мѣрѣ случайная, съ неясными мыслями кое у кого, я рѣшилъ не приставать и не навязываться, а только, удостовѣрившись, чистое ли тутъ дѣло и тянетъ ли оно въ нашу сторону, дѣлать свою работу наиболѣе старательно. Я положился на то, что искренность вызоветъ довѣріе, а моя работа продвинетъ впередъ то въ конспираціи, что наиболѣе близко къ нашимъ цѣлямъ, и атрофируетъ въ ней то, что отъ нихъ дальше. Этотъ простой наименѣе претенціозный расчетъ, какъ всегда, оправдался. Постепенно я сталъ хозяиномъ въ „Вольномъ Словѣ“, а земскосоюзники стали сами открываться передо мною и обращаться ко мнѣ непосредственно“ [1]).

Впрочемъ В. Я. Богучарскій, можетъ-быть захочетъ истолковать этотъ разсказъ въ томъ смыслѣ, что М. П. Драгомановъ передаетъ въ немъ исторію о томъ, какъ А. П. Мальшинскій его „мистифицировалъ“. Но изъ самаго текста разсказа ясно, что рѣчь въ немъ идетъ не о Мальшинскомъ, а о членахъ Земскаго Союза, дѣйствовавшихъ на мѣстахъ. Къ тому же этотъ разсказъ относится къ тому времени, когда М. П. Драгомановъ не только былъ уже хорошо освѣдомленъ о положеніи дѣлъ въ Земскомъ Союзѣ, (такъ какъ спеціальный делегатъ Земскаго Союза долженъ былъ доставить ему всѣ нужныя свѣдѣнія, иначе М. П. Драгомановъ не согласился бы стать во главѣ „Вольнаго Слова“), но и двойная роль А. П. Мальшинскаго тогда уже была разоблачена. Въ томъ же письмѣ, изъ котораго мы взяли вышеприведенный разсказъ, мы находимъ и приговоръ М. П. Драгоманова о дѣлѣ Мальшинскаго, высказан-

[1]) „Переписка М. Драгоманова з М. Павликом“ Чернівці, 1911, стр. 224—225. Вышеприведенный отрывокъ переведенъ нами съ украинскаго.

ный имъ по другому поводу. М. Павликъ перевелъ въ то время политическую программу Земскаго Союза на польскій языкъ и готовилъ ея изданіе съ своимъ предисловіемъ. Въ немъ онъ хотѣлъ между прочимъ, высказать, что представители русскихъ революціонныхъ партій, чувствуя свое безсиліе въ принципіальной борьбѣ съ „Вольнымъ Словомъ", „Земскимъ Союзомъ" и М. П. Драгомановымъ, въ виду ихъ идейнаго превосходства, выдвинули противъ нихъ обвиненіе въ сношеніяхъ съ полиціей. М. П. Драгомановъ настаивалъ на томъ, чтобы М. Павликъ ограничился только принципіальной стороной дѣла и не касался этихъ обвиненій. По его словамъ, „вся Мальшинскіада не существенное дѣло въ исторіи „Вольнаго Слова" и Земскаго Союза вообще, а въ разговорахъ съ чужими, какъ галицкіе поляки, и тѣмъ болѣе" [1]).

Эти слова могли бы послужить превосходнымъ заключеніемъ для всего нашего изслѣдованія объ истинномъ значеніи „Вольнаго Слова" и Земскаго Союза, если бы намъ не нужно было коротко отмѣтить еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Необходимо указать на то, что всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя В. Я. Богучарскимъ о Земскомъ Союзѣ, изложены имъ въ невѣрномъ освѣщеніи, такъ какъ онъ исключительно доискивается нитей, связывающихъ Земскій Союзъ со Священной Дружиной. Особенно яркимъ примѣромъ невѣрнаго освѣщенія событій путемъ неправильной группировки фактовъ можетъ служить тотъ способъ, какимъ В. Я. Богучарскій изложилъ исторію конституціонныхъ адресовъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній. Онъ разсказалъ о нихъ въ главѣ, названной имъ „Связи народовольцевъ съ обществомъ". Неосвѣдомленный читатель можетъ подумать, что эти адреса подавались вслѣдствіе того, что у народовольцевъ были связи въ земской средѣ и земцы находились подъ ихъ вліяніемъ. Въ дѣйствительности въ этихъ адресахъ ихъ авторы прямо отрекались отъ какой бы то ни было

[1]) Тамъ же, стр. 224.

связи съ народовольцами, говорили о борьбѣ съ ними, но указывали, что такую борьбу можетъ вести только свободное общество, для чего и необходимо введеніе конституціонныхъ учрежденій. Съ другой стороны, всѣ историки земскаго движенія конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ связываютъ подачу земствами адресовъ съ дѣятельностью Земскаго Союза. Но В. Я. Богучарскій умалчиваетъ объ этой истинной связи историческихъ событій, такъ какъ онъ стремится связать дѣятельность Земскаго Союза съ дѣятельностью Священной Дружины. Къ тому же, повидимому, уже по заранѣе составленному имъ плану его сочиненія, о которомъ мы говорили въ началѣ нашего критическаго очерка, разсказъ о Земскомъ Союзѣ впередъ былъ отнесенъ имъ къ рубрикѣ—„провокація", а разсказъ о конституціонныхъ заявленіяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній къ рубрикѣ—„связи народовольцевъ съ обществомъ". Весьма вѣроятно, что эта неожиданная и несуществовавшая „связь народовольцевъ" съ выступленіями земцевъ-конституціоналистовъ явилась результатомъ тѣхъ научно неправильныхъ пріемовъ возсозданія историческихъ событій, которые усвоилъ себѣ В. Я. Богучарскій. Такимъ образомъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда В. Я. Богучарскій излагаетъ правильно отдѣльные факты прошлаго, онъ часто совершенно извращаетъ общій ходъ событій и рисуетъ невѣрную картину общественнаго движенія интересующей насъ эпохи.

Мы теперь достаточно убѣдились въ томъ, какъ неполно, односторонне,—и даже прямо невѣрно,—В. Я. Богучарскій возстановляетъ картину земскаго конституціоннаго движенія въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Въ критическомъ очеркѣ мы, конечно, не могли дать того, что долженъ былъ бы дать В. Я. Богучарскій, такъ какъ наша задача по самому своему существу не положительная, а отрицательная. Наша главная цѣль заставить читателей усомниться въ правотѣ В. Я. Богучарскаго и побудить лицъ, спеціально интересующихся этими вопросами, накоплять побольше фактическаго матеріала для того, чтобы гипотезы,

подобныя отстаиваемымъ В. Я. Богучарскимъ, не могли даже высказываться въ исторической литературѣ. Въ частности, пишущій эти строки обращается ко всѣмъ бывшимъ членамъ Земскаго Союза съ призывомъ писать и опубликовывать свои воспоминанія о земскомъ конституціонномъ движеніи конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, какъ бы ни были эти воспоминанія неполны, эпизодичны и отрывочны. Всякій участникъ земскаго конституціоннаго движенія того времени долженъ это сдѣлать, если онъ не хочетъ, чтобы близкое ему когда-то дѣло вошло въ исторію въ освѣщеніи полицейской Записки, составленной на основаніи шпіонскихъ показаній „секретныхъ сообщителей“ и стремившейся скомпрометировать Добровольную Охрану установленіемъ небывалыхъ связей ея съ Земскимъ Союзомъ, или же въ односторонней и неполной обработкѣ историческаго матеріала В. Я. Богучарскимъ.

V.

Переплетая исторію Земскаго Союза и „Вольнаго Слова“ съ исторіей Священной Дружины, В. Я. Богучарскій говоритъ о дѣятельности М. П. Драгоманова такъ, какъ-будто вся она одно время протекала въ атмосферѣ шпіонства и провокаторства. Такъ, приведя изъ одного номера „Вольнаго Слова“ отъ 1883 года, когда редакторомъ его уже былъ М. П. Драгомановъ, сообщеніе о Добровольной Охранѣ, въ которомъ эта организація прямо уже характеризуется, какъ шпіонская, В. Я. Богучарскій вдругъ патетически восклицаетъ: „Вотъ въ какой дремучій лѣсъ былъ заведенъ тогда М. П. Драгомановъ!..“ (стр. 421). Здѣсь В. Я. Богучарскій замѣняетъ логическіе аргументы художественными пріемами литературной рѣчи. Но, можетъ быть, В. Я. Богучарскій все-таки правъ? Вѣдь то, что А. П. Мальшинскій былъ шпіономъ и провокаторомъ, теперь не можетъ подлежать со-

мнѣнію. Какъ же могъ М. П. Драгомановъ, который въ началѣ своей публицистической дѣятельности выставилъ девизъ—„чистое дѣло требуетъ чистыхъ рукъ“, поддерживать отношенія съ Мальшинскимъ больше года и не разгадать его? Какъ могъ онъ продолжать довѣрять его преданности конституціоннымъ идеямъ и послѣ того, какъ появились первыя, правда, какъ всегда, неясныя разоблаченія его двойной роли? Конечно, въ мірѣ нѣтъ болѣе гнуснаго явленія, чѣмъ провокаторъ. И это явленіе настолько гнусно, что всякое соприкосновеніе съ провокаторомъ, хотя бы и невольное, помимо вѣдома, налагетъ тѣнь на человѣка, соприкасающагося съ нимъ. Можетъ-быть, этимъ надо объяснить всѣ крайности и увлеченія В. Я. Богучарскаго.

Но эта чисто нравственная точка зрѣнія совершенно не годится въ данномъ случаѣ. Она безусловно недопустима для историка-изслѣдователя. Послѣдній долженъ брать каждое явленіе въ цѣломъ и разсматривать его въ связи со всей совокупностью конкретныхъ условій, сопровождающихъ его. Тѣмъ болѣе это обязательно для историка политической борьбы—одного изъ самыхъ сложныхъ общественныхъ процессовъ. Ко всякому общественному движенію, какъ бы ни были возвышенны цѣли, поставленныя имъ себѣ, могутъ примкнуть, и обыкновенно примыкаютъ, хоть нѣсколько порочныхъ и даже преступныхъ личностей. Эти лица преслѣдуютъ только свои собственные интересы и въ извѣстный моментъ совершаютъ измѣны и предательства. Но какъ бы ни было преступно ихъ поведеніе, оно не можетъ уронить самаго движенія. Къ сожалѣнію, исторія нашихъ политическихъ партій изобилуетъ подобными фактами, какъ мелкими, такъ и крупными. Изъ крупныхъ явленій этого рода А. П. Мальшинскій и С. П. Дегаевъ не остались одинокими. В. Я. Богучарскому должна быть хорошо извѣстна исторія М. И. Гуровича, члена редакціи марксистскаго журнала „Начало“, подробности которой еще не опубликованы въ печати. Таковы же исторіи Ландезена-Гартинга и Гернгросъ-Жученко. Совершенно исключительное положеніе по грандіозности своихъ размѣровъ занимаетъ

дѣло Азефа. Нельзя, наконецъ, ставить въ вину лицамъ, увлеченнымъ своею дѣятельностью, то, что они не обнаруживаютъ достаточно прозорливости при разоблаченіи рядомъ съ ними работающихъ провокаторовъ. Иногда распознать провокатора, особенно, если онъ искусно играетъ свою двойную роль, чрезвычайно трудно. Вспомнимъ, что основатели партіи соціалистовъ-революціонеровъ Г. Гершуни и М. Гоцъ энергичнѣе другихъ защищали Азефа и до самой своей смерти не хотѣли вѣрить въ его двойную роль, хотя на нее уже былъ цѣлый рядъ указаній.

Возвратимся теперь къ общему плану книги В. Я. Богучарскаго. Вспомнимъ, что книга посвящена „происхожденію, судьбамъ и гибели" партіи „Народной Воли", и посмотримъ, какъ относится исторія Священной Дружины, Земскаго Союза и „Вольнаго Слова", разсказанная въ концѣ книги, къ гибели партіи „Народной Воли". Священная Дружина, какъ мы уже знаемъ, была закрыта въ началѣ декабря 1882 года, но затѣмъ, по увѣренію В. Я. Богучарскаго, она продолжала еще и въ первую половину 1883 года отстаивать свое существованіе поддержкой „Вольнаго Слова". Послѣднее перестало выходить въ маѣ 1883 года вслѣдствіе распаденія Земскаго Союза, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ М. П. Драгомановъ. Сопоставляя всѣ эти событія съ одновременными происшествіями въ партіи Народной Воли, мы увидимъ, что закрытіе Священной Дружины немного предупредило арестъ С. П. Дегаева, распаденіе Земскаго Союза и прекращеніе „Вольнаго Слова" совпало съ поѣздкой Дегаева за границу, гдѣ онъ сознался передъ Л. А. Тихомировымъ и М. Н. Оловенниковой въ томъ, что сдѣлался предателемъ. Послѣ этого тянутся семь мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ главой Исполнительнаго Комитета является С. П. Дегаевъ, между прочимъ вслѣдствіе того, что заграничные члены Исполнительнаго Комитета не огласили тотчасъ же его сознанія въ предательствѣ, а вступили съ нимъ въ договоръ, обязавъ его убить Судейкина. Здѣсь можно видѣть нѣкоторую послѣдовательность въ заговорщицкой тактикѣ. Во второй половинѣ 1882 года Л. А. Тихомировъ и

М. Н. Оловенникова вели переговоры и стремились вступить въ договоръ съ Добровольной Охраной или Священной Дружиной, очевидно, предполагая, что она является организаціей дворцоваго заговора. Во второй половинѣ 1883 г. они пошли еще дальше и сочли возможнымъ вступить въ договоръ съ полицейскимъ агентомъ. Во всякомъ случаѣ однако и хронологически провокаторская дѣятельность Дегаева относится къ болѣе позднему времени, чѣмъ дѣятельность Священной Дружины, съ одной стороны, и существованіе „Вольнаго Слова", съ другой. Поэтому въ объективно составленномъ очеркѣ исторіи партіи Народной Воли разсказъ о Дегаевѣ, а не о Священной Дружинѣ и „Вольномъ Словѣ" долженъ былъ бы быть заключительнымъ звеномъ.

Какъ же поступаетъ В. Я. Богучарскій съ изложеніемъ всѣхъ этихъ событій въ своей „исторіи"? Мы уже говорили, что онъ стремится по возможности спрятать ихъ отъ своихъ читателей. Конечно, за каждымъ авторомъ надо признать право говорить о томъ, о чемъ онъ желаетъ, и не говорить о томъ, о чемъ онъ не желаетъ. Но такъ какъ у В. Я. Богучарскаго есть особыя причины для умалчиванія о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, касающихся изслѣдуемаго имъ общественнаго движенія, то гораздо прямѣе и искреннѣе было бы заявить, что, по мнѣнію автора, еще не наступило время для выясненія всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ гибель „Народной Воли". Однако и это—дѣло литературнаго вкуса; предосудительнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Въ своей же книгѣ В. Я. Богучарскій прибѣгаетъ и къ непозволительнымъ литературнымъ пріемамъ. Такъ, чтобы отвлечь вниманіе читателей отъ провокаторовъ въ революціонной средѣ, онъ устраиваетъ погоню за провокаторами въ средѣ конституціоналистовъ. Но въ этой послѣдней средѣ провокаторы и шпіоны, не исключая и Мальшинскаго, были только на вторыхъ роляхъ; имъ трудно составить противовѣсъ одному Дегаеву. Поэтому, В. Я. Богучарскій стремится опорочить и все конституціонное движеніе конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ

годовъ,—представить его чуть ли не издѣліемъ шпіоновъ и провокаторовъ.

Чѣмъ же объяснить этотъ характеръ книги В. Я. Богучарскаго? Въ своемъ Предисловіи онъ выражаетъ надежду, что его работа явится „своевременною и отвѣчающею потребности въ точномъ знаніи событій (подчеркнуто нами. Б. К.), волновавшихъ русскую жизнь тридцать лѣтъ тому назадъ". Далѣе онъ говоритъ, что онъ „старался быть вполнѣ объективнымъ" и желалъ „достигнуть безпристрастности". Конечно, мы должны вѣрить, что авторъ искренно къ этому стремился. Но также рѣшительно мы должны заявить, что онъ этого не достигъ. Помѣшало ему, прежде всего, несомнѣнно, отсутствіе спеціальной научной подготовки, безусловно необходимой для той серьезной задачи, которую онъ себѣ поставилъ. Затѣмъ очень вредно отразилось на его работѣ то обстоятельство, что онъ является современникомъ событій, о которыхъ онъ разсказываетъ [1]). Повидимому, въ свое время, когда соотвѣтственныя событія совершались, у него складывались вполнѣ опредѣленныя мнѣнія относительно ихъ, и теперь онъ подыскиваетъ факты для подтвержденія этихъ, давно сложившихся мнѣній. Но совсѣмъ сбили автора съ настоящаго пути правдиваго изображенія историческихъ событій его увлеченія своими мнимыми открытіями и созданными на основаніи ихъ построеніями. Все это привело къ тому, что книга В. Я. Богучарскаго не только не даетъ правдивой картины описываемыхъ имъ историческихъ событій, но и воспроизводитъ ихъ въ совершенно извращенномъ видѣ.

VI.

Выше мы попытались болѣе правильно и точно установить нѣкоторые факты изъ дѣятельности нашихъ конституціоналистовъ въ концѣ семидесятыхъ и началѣ вось-

---

1) См. Энциклопедическій Словарь Брокгауза - Ефрона, полут. 82, стр. 609.

мидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Самъ по себѣ это вопросъ совершенно частный, но съ нимъ непосредственно связанъ чрезвычайно важный общій вопросъ. Вѣдь рѣчь у насъ шла объ одномъ изъ эпизодовъ той великой борьбы, которая завершилась принципіальнымъ установленіемъ политической свободы и созданіемъ конституціонныхъ учрежденій въ Россіи манифестомъ 17 октября 1905 года. Эта борьба, зародившись въ незначительныхъ интеллигентскихъ кружкахъ, постепенно охватила всѣ слои русскаго общества и весь русскій народъ и, наконецъ, приняла такіе размѣры, которые заставили и правительство признать, что „нарушено равновѣсіе между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни".

Но каково было участіе въ этой борьбѣ различныхъ слоевъ русскаго общества и какую роль играли въ ней тѣ или другія политическія партіи? Относительно этого распространено много ошибочныхъ взглядовъ. Въ нашей публицистической литературѣ постоянно высказываются мнѣнія, что борьбу за конституцію всецѣло вынесли на своихъ плечахъ представители крайнихъ революціонныхъ направленій. Дѣйствительно, этими партіями проявлено столько энергіи, активности и мужества, онѣ выдвинули такихъ рѣдкихъ по душевной красотѣ героевъ и мучениковъ, и ихъ дѣятельность, зародившись въ подпольѣ, получила, благодаря громкимъ процессамъ, такую широкую огласку, что когда начинаютъ говорить о политической свободѣ въ Россіи, всеобщее вниманіе прежде всего невольно останавливается на нихъ. Все это и приводитъ къ тому, что нашимъ революціоннымъ партіямъ обыкновенно приписываютъ несвойственную имъ задачу—борьбу за конституціонный строй въ Россіи, и часто даже видятъ въ нихъ главныхъ носителей конституціонной идеи. Но чтобы убѣдиться въ ошибочности такого взгляда, достаточно вспомнить о томъ, что всѣ наши революціонныя партіи всегда были соціалистическими, и потому первой и главной задачей своей онѣ считали осуществленіе не конституціоннаго, а соціалистическаго строя. Сперва представители этихъ

партій относились даже прямо враждебно къ созданію конституціонныхъ учрежденій въ Россіи. Они думали, что конституціонный строй выгоденъ только господствующимъ классамъ и приведетъ къ еще большему угнетенію народныхъ массъ. Къ тому же,—и это самое важное,—по ихъ мнѣнію, русскій народъ съ его общинными и артельными началами былъ близокъ къ воплощенію соціализма въ своей жизни, а конституція, создавъ господство буржуазіи въ Россіи, отдалитъ ее отъ перехода къ соціалистическому строю.

Но въ русскомъ обществѣ и въ то время были убѣжденные конституціоналисты, которые не могли не видѣть всю ошибочность такой точки зрѣнія. Такъ одинъ изъ первыхъ вполнѣ послѣдовательныхъ русскихъ конституціоналистовъ, В. А. Гольцевъ, въ 1875 г. въ своемъ письмѣ къ П. Л. Лаврову, издававшему тогда періодическій сборникъ и газету соціалистическаго направленія „Впередъ", считалъ нужнымъ указать на нецѣлесообразность и прямой вредъ той агитаціи, которая велась въ органахъ Лаврова. Міровоззрѣнію русскихъ народниковъ-соціалистовъ В. А. Гольцевъ противопоставилъ идею конституціонализма; онъ указалъ на значеніе ея и для соціализма, поставивъ вопросъ: „не необходимо ли, что касается Россіи, прежде всего добиться чего-либо подобнаго германской конституціи, дающей возможность рабочимъ объединиться, и итти впередъ при свѣтѣ науки?" [1]). Правда, внѣшнія условія, именно отношеніе нашего тогдашняго правительства къ пропагандѣ соціализма, скоро побудили и представителей нашей соціально-революціонной партіи перейти къ борьбѣ за политическую свободу. Историческую неизбѣжность такого хода событій предвидѣлъ другой конституціоналистъ той эпохи—М. П. Драгомановъ—еще тогда, когда соціалистами были совершены первые акты мести, направленные противъ отдѣльныхъ правительственныхъ лицъ, особенно выдѣлив-

---

[1]) См. сборн. „Памяти Виктора Александровича Гольцева". Подъ ред. А. А. Кизеветтера, Москва, 1910, стр. 135—136.

шихся своею жестокостью въ преслѣдованіи ихъ товарищей. По поводу выстрѣла В. И. Засуличъ въ Трепова и оправданія ея судомъ присяжныхъ М. П. Драгомановъ напечаталъ въ началѣ 1879 г. въ заграничной газетѣ „Община" статью „За что старика обидѣли и кто его обижаетъ?", которую выпустилъ затѣмъ и отдѣльной брошюрой въ Женевѣ. Разобравъ въ ней отношеніе легальной прессы къ этимъ событіямъ и отмѣтивъ, что либеральные органы не исполнили своего долга, т.-е. не заявили о томъ, что причина создавшагося крайне ненормальнаго положенія въ отсутствіи политической свободы въ Россіи, М. П. Драгомановъ закончилъ эту статью слѣдующими словами: „Очевидно, что пробудившееся въ обществѣ политическое движеніе должно найти себѣ другіе органы и другіе способы выраженія. Оно и найдетъ ихъ, и добьется своего. По закону естественнаго хода вещей сдѣлаетъ это та часть общества, которая начала движеніе и наиболѣе страстно къ нему относится: молодежь, крайніе, соціалисты. Эти послѣдніе, повидимому, весьма равнодушны къ правамъ личности, къ палліативнымъ мѣрамъ, къ политическимъ формамъ. А все-таки они „закончатъ эру реформъ нынѣ благополучно царствующаго императора"; они дадутъ Россіи умѣренную политическую свободу. Они, эти исключенные кіевскими профессорами студенты и имъ подобные „незрѣлые юноши" установятъ въ русскихъ университетахъ „свободу научнаго изслѣдованія", и при этомъ обезпечатъ даже ту мизерную „автономію университетскихъ совѣтовъ", т.-е. свободу университетской аристократіи выбирать въ ректоры, напримѣръ, Матвѣевыхъ [1]), изъ-за которой такъ волновалось недавно наше „ученое и зрѣлое" профессорство. Мало того, они, эти крайніе, обезпечатъ гг. Стадольскимъ, Кони и др. независимость суда, какая только возможна въ умѣренно-конституціонномъ государствѣ, а этотъ судъ будетъ судить все ихъ же—крайнихъ, соціалистовъ. Они обезпечатъ „Голосу", „Новому Времени" и др. не-

[1]) А. П. Матвѣевъ, (1816—1882) былъ въ 1878 г. ректоромъ Кіевскаго у-та, когда произошли извѣстные студенческіе безпорядки. Б. К.

прикосновенность розничной продажи выпускаемыхъ ими листковъ, которые будутъ травить все ихъ же—молодежь, крайнихъ, соціалистовъ! Иронія исторіи, господа! Да что же ты подѣлаешь съ нею, съ этой исторіей?! Извѣстно, стихія! „Ну, и претъ! Потому—сила. Ничего не подѣлаешь!“ [1]).

Этотъ стихійный процессъ, преработанный въ сознаніи участвовавшихъ въ немъ лицъ, привелъ къ тому, что менѣе, чѣмъ черезъ полгода послѣ того, какъ вышеприведенныя строки были написаны, возникла партія Народной Воли, признавшая одной изъ первыхъ своихъ задачъ политическую борьбу. Но несмотря на громадную энергію, проявленную въ этой борьбѣ партіей „Народной Воли“, представители этой партіи въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ отстаивали борьбу за политическую свободу въ Россіи только, какъ необходимое средство для достиженія ихъ главной цѣли—осуществленія соціалистическаго строя. Это нерѣшительное отношеніе „народовольцевъ“ къ вопросу о необходимости для русскаго народа политической свободы самой по себѣ особенно сказывалось въ ихъ теоретическихъ столкновеніяхъ съ ихъ прежними товарищами по партіи „Земля и Воля“; послѣдніе послѣ раскола „Земли и Воли“, вызваннаго новой тактикой народовольцевъ, организовались въ чисто соціалистическую партію „Черный Передѣлъ“. Такимъ образомъ, для партіи „Народной Воли“ политическая свобода была средствомъ, а не цѣлью. Правда, въ силу извѣстнаго соціально-психологическаго закона это средство постепенно фактически превратилось въ цѣль. Но вышеуказанный путь, какимъ эта партія пришла къ своей политической цѣли, обусловилъ то обстоятельство, что стремленія ея къ политической свободѣ навсегда сохранили утопическій характеръ.

Это утопическое отношеніе къ вопросу о политической свободѣ въ Россіи свойственно и всѣмъ остальнымъ на-

---

[1]) М. П. Драгомановъ. „Собраніе политическихъ сочиненій“. Изд. ред. „Освобожденіе“, Парижъ, 1906 г., т. II, стр. 151—152. Цитируемъ съ сокращеніями.

шимъ революціоннымъ партіямъ. Особенно характерно отношеніе нашей соціалъ-демократической партіи къ вопросу объ установленіи конституціоннаго строя въ Россіи. Соціалъ-демократическія идеи у насъ были впервые высказаны и развиты бывшимъ „чернопередѣльцемъ“ Г. В. Плехановымъ въ вышедшей въ 1883 г. брошюрѣ „Соціализмъ и политическая борьба“, посвященной именно вопросу о завоеваніи политической свободы. Въ ней борьба за политическую свободу отстаивается и противъ народническаго, т.-е. „землевольческаго“ и „чернопередѣльческаго“ отрицанія ея необходимости и противъ „народовольческаго“ стремленія добиться ея путемъ заговоровъ, террора и захвата власти. Въ противоположность утопическимъ, стремленіямъ предшествующихъ революціонныхъ партій Г. В. Плехановъ настаиваетъ на необходимости созданія реальной общественной силы для завоеванія политической свободы, какъ подготовительнаго средства къ осуществленію соціалистическаго строя, и видитъ эту силу въ русскомъ рабочемъ классѣ. Вѣра нашей революціонной интеллигенціи въ то, что именно рабочій классъ добьется политической свободы въ Россіи, какъ потому, что она ему больше всего нужна, такъ и потому, что только онъ въ силахъ ее завоевать, сыграла, несомнѣнно, громадную роль въ нашемъ политическомъ развитіи. Но теперь для всякаго вдумчиваго человѣка ясно, что эта вѣра была основана на иллюзіи. Благодаря ей нашему рабочему классу приписывались такія свойства, которыми онъ пока не обладалъ. Не говоря уже о томъ, что русскій рабочій классъ не настолько культуренъ, чтобы быть въ состояніи понять сложную технику дѣятельности современныхъ конституціонныхъ учрежденій и особенно значеніе наиболѣе важной правовой стороны этой дѣятельности, пока приходится признать, что и пробужденіе его сознательности и его способность къ организованнымъ и солидарнымъ выступленіямъ были преувеличены. Понятно, что наше соціалъ-демократическое движеніе, основавшее свои надежды на пока мнимой общественной силѣ, поневолѣ должно было принять утопиче-

скій характеръ [1]). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, вслѣдъ за соціалъ-демократами, выступила у насъ и партія соціалистовъ-революціонеровъ, присоединившая къ соціалъ-демократическимъ иллюзіямъ относительно рабочихъ свои иллюзіи относительно крестьянства. Утопичность стремленій этихъ нашихъ революціонныхъ партій особенно рѣзко сказалась при рѣшеніи ими нашего наиболѣе реально-политическаго вопроса объ установленіи конституціонныхъ учрежденій въ Россіи. Въ ихъ средѣ совершенно отсутствовало то интенсивное правовое чувство, которое необходимо для рѣшенія этого вопроса, а вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было чуждо пониманіе значенія права для государственной организаціи и для созданія гарантій политической свободы [2]). Всѣмъ хорошо памятно, насколько утопичны были стремленія нашихъ революціонныхъ партій въ 1905 и 1906 гг.; ихъ ультра-радикальные проекты клонились къ тому, что Россія должна была отказаться отъ всѣхъ историческихъ устоевъ своего государственнаго быта, и вся ихъ дѣятельность въ концѣ-концовъ очень повредила нашему освободительному движенію.

Если коротко резюмировать роль нашихъ революціонныхъ партій въ дѣлѣ установленія конституціонныхъ учрежденій въ Россіи, то она окажется довольно значительной, но весьма своеобразной. Наши революціонныя партіи представляли исключительно волевой, активный элементъ въ нашемъ освободительномъ движеніи. Этотъ активно-волевой элементъ особенно ярко сказался въ такомъ стихійномъ движеніи, какъ октябрьская забастовка 1905 года.

Наоборотъ, подлинныя „идейныя стремленія“ къ осуществленію дѣйствительно конституціонныхъ формъ государственнаго быта въ Россіи были представлены исключи-

---

[1]) Что нашъ рабочій классъ представляетъ пока мнимую общественную силу, это признаетъ искренній и убѣжденный соціалъ-демократическій писатель А. Н. Потресовъ. Ср. А. Н. Потресовъ (Старовѣръ). Этюды о русской интеллигенціи. Спб. 1906, особенно статью „Наши злоключенія“.

[2]) Объ этомъ см. ст. „Въ защиту права“ въ сборникѣ „Вѣхи“.

тельно нашими конституціоналистами. Чрезвычайно характерно то обстоятельство, что наши революціонныя партіи за тридцать пять лѣтъ своей политической дѣятельности не выработали ни одного проекта русской конституціи. Это вполнѣ понятно, такъ какъ всякій конституціонный проектъ, который считался бы съ требованіями реальной политики, былъ бы для нашихъ революціонныхъ партій измѣной ихъ принципамъ, а вполнѣ послѣдовательный, съ ихъ точки зрѣнія, проектъ носилъ бы такія черты, что компрометировалъ бы ихъ, какъ утопистовъ. Всѣ существующіе конституціонные проекты были выработаны нашими конституціонными партіями, и только послѣднія распространяли реальныя конституціонныя идеи въ русскомъ обществѣ.

Итакъ наши конституціонныя партіи были всегда представителями по преимуществу идейнаго и интеллектуальнаго элемента въ томъ широкомъ общественномъ движеніи, которое привело къ созданію въ Россіи народнаго представительства. Напротивъ, имъ постоянно ставилось въ вину то, что въ нихъ совсѣмъ не проявлялся волевой и активный элементъ. Но этотъ упрекъ въ значительной мѣрѣ основанъ на недоразумѣніи. Представители нашихъ конституціонныхъ партій не были въ той же степени исключительно интеллектуалистичны, въ какой представители нашихъ революціонныхъ партій были исключительно волюнтаристичны въ вопросѣ введенія конституціонныхъ учрежденій въ Россіи. Конечно, въ арсеналѣ нашихъ конституціонныхъ партій никогда не было тѣхъ орудій борьбы, примѣненіе которыхъ, съ одной стороны, требуетъ напряженія чрезвычайно большой энергіи, а съ другой—производитъ особенно сильное впечатлѣніе. Эти орудія борьбы наши конституціоналисты обыкновенно считали или нецѣлесообразными, или нравственно недопустимыми. Основной силой, организующей и реформирующей государство, конституціоналисты всегда признавали общественное мнѣніе. Поэтому ихъ дѣятельность проявлялась, главнымъ образомъ, въ солидарныхъ и рѣшительныхъ выступленіяхъ, въ

органахъ самоуправленія, въ обществѣ и печати. Эти формы дѣятельности менѣе замѣтны и не поражаютъ такъ, какъ проявленія революціонной дѣятельности; но онѣ связаны часто съ не меньшей активностью и самопожертвованіемъ. Упрекъ въ недостаточной активности по отношенію къ конституціоналистамъ справедливъ только тогда, когда они не выступаютъ въ соотвѣтственный моментъ, или когда ихъ выступленія бываютъ не достаточно внушительны.

Однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ распространенія конституціонныхъ идей для конституціоналистовъ естественно является печать. Притомъ работа въ печати легальной, въ которой хотя и не такъ ясно и опредѣленно, но съ большей оглаской можно было высказать извѣстныя положенія, для нихъ часто имѣла большее значеніе, чѣмъ работа въ нелегальной печати. Только въ исключительные моменты нелегальная печать пріобрѣтала для нихъ первостепенное значеніе. Одинъ изъ такихъ исключительныхъ моментовъ наступилъ, несомнѣнно, въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Къ сожалѣнію, въ эту эпоху русскіе конституціоналисты не выдвинули ни одного крупнаго публициста, который могъ бы, сдѣлавшись эмигрантомъ, заявить о ихъ стремленіяхъ въ заграничной прессѣ. Въ концѣ-концовъ, какъ мы видѣли, имъ пришлось обратиться къ украинцу М. П. Драгоманову. Но если для Драгоманова дѣло русской конституціи было своимъ, то для русскихъ конституціоналистовъ его украинское дѣло было совершенно чужимъ. Къ тому же Драгомановъ, по его собственному признанію, выдвинулъ въ русскомъ конституціонномъ движеніи путемъ своей энергичной работы элементы болѣе близкіе къ украинству и способствовалъ атрофированію въ немъ всего болѣе далекаго отъ украинства. Дѣйствительно, изъ всѣхъ русскихъ конституціонныхъ программъ, политическая программа Земскаго Союза заключаетъ въ себѣ наибольшее количество федералистическихъ элементовъ. Такъ, между

прочимъ, она сдѣлала популярной у насъ на довольно продолжительное время идею областного представительства. Даже авторъ конституціоннаго проекта, изданнаго со статьей Степняка-Кравчинскаго, считалъ необходимымъ созданіе областного представительства въ Россіи. Насколько однако даже эти болѣе, чѣмъ скромные, федералистическіе элементы были по существу чужды русскому конституціонализму, показала исторія Союза Освобожденія. Въ немъ всѣ намеки на федерализмъ систематически вытравлялись и въ частности на его съѣздѣ, происходившемъ въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1905 г. и вырабатывавшемъ его программу, было рѣшительно отвергнуто предложеніе южныхъ группъ Союза Освобожденія о замѣнѣ губернскихъ земскихъ собраній областными представительствами. Этимъ введеніемъ въ программу и дѣятельность Земскаго Союза чуждыхъ русскому конституціонализму элементовъ и надо объяснить то обстоятельство, что Земскій Союзъ былъ недостаточно популяренъ, особенно въ великорусскихъ губерніяхъ, и что дѣятельность его такъ скоро и въ такой сильной степени была забыта. Несомнѣнно, въ этомъ обстоятельствѣ надо видѣть причину и того, что между М. П. Драгомановымъ и русскими земцами-конституціоналистами не создались тѣ лично дружественныя отношенія, къ которымъ обыкновенно приводитъ работа надъ общимъ дѣломъ, и которыя способствуютъ и дальнѣйшему сотрудничеству. Поэтому связи Драгоманова съ русскими земцами-конституціоналистами послѣ прекращенія „Вольнаго Слова“, повидимому, сравнительно очень быстро и рѣшительно оборвались.

Однако въ разсматриваемую эпоху за границей издавался органъ—„Общее Дѣло“, который, выдвинувъ въ качествѣ своей главной задачи борьбу за политическую свободу въ Россіи, казалось, подходилъ по своему направленію къ стремленіямъ русскихъ конституціоналистовъ [1]). Не-

[1]) Объ этой заграничной газетѣ, просуществовавшей четырнадцать лѣтъ (1877—1890) см. А. Х. Христофоровъ. „Общее Дѣло“. Исторія и характеристика изданія. „Освобожденіе“. Книга первая. Штутгартъ, 1903, стр. 24—51.

вольно возникаетъ вопросъ, почему земцы-конституціоналисты не воспользовались этимъ органомъ и не сдѣлали его своимъ? Смыслъ этого, съ перваго взгляда очень страннаго явленія, вполнѣ раскрылся только въ 1906 году. „Общее Дѣло“ было представителемъ того безнадежно-оппортунистическаго, по отношенію къ революціоннымъ партіямъ направленія, которое въ наше время получило кличку „лѣвѣе кадетовъ“. Это направленіе, освобождая себя отъ того невыгоднаго положенія, въ которое поставлены революціонныя партіи, въ то же время стремится опереться на ту популярность, которою онѣ пользуются. Поэтому менѣе всего этому направленію свойственны твердость, опредѣленность и послѣдовательность. Понятно, что земцы-конституціоналисты не могли сойтись съ представителями этого направленія и работать съ ними сообща.

Итакъ, разсматривая общее значеніе изслѣдуемыхъ нами событій, мы находимъ нѣкоторыя указанія, которыя могутъ быть полезными и для современныхъ конституціоналистовъ. Если помимо нашей основной цѣли—способствовать болѣе точному установленію фактовъ прошлаго, будетъ хоть отчасти достигнута и эта побочная цѣль, то наша работа окажется очень своевременной. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ установленныхъ нами фактовъ могутъ быть выведены очень важные уроки, совсѣмъ иного свойства, для сторонниковъ направленія, отстаивавшагося М. П. Драгомановымъ, которому намъ пришлось удѣлить больше всего мѣста на этихъ страницахъ.

Приложенія.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о переговорахъ Добровольной Охраны съ Исполнительнымъ Комитетомъ М. П. Драгомановъ указываетъ на статью въ № 41 „Вольнаго Слова“ о Добровольной Охранѣ, въ которой было высказано отношеніе „Вольнаго Слова“ къ этой и родственнымъ ей организаціямъ (см. выше стр. 30). Случайно этотъ номеръ „Вольнаго Слова“ оказался въ числѣ пяти номеровъ его, имѣющихся въ библіотекѣ Румянцевскаго музея. Указанная передовая статья сама по себѣ является несомнѣннымъ доказательствомъ того, что „Вольное Слово“ не могло быть органомъ группы членовъ Добровольной Охраны или Священной Дружины. Она чрезвычайно интересна и для характеристики этихъ организацій, а потому мы перепечатываемъ ее цѣликомъ, замѣняя нецензурныя мѣста точками. В. Я. Богучарскій, какъ мы отмѣчали выше, не упоминаетъ объ этой статьѣ (см. стр. 56). Повидимому, это надо объяснить тѣмъ, что онъ не знаетъ ея. Мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства того, что В. Я. Богучарскій не знаетъ многихъ очень важныхъ сообщеній „Вольнаго Слова“ о Священной Дружинѣ и Добровольной Охранѣ. Въ библіотекѣ Румянцевскаго музея есть также № 34 „Вольнаго Слова“ съ замѣткой о Священной Дружинѣ. Такъ какъ эта замѣтка представляетъ значительный интересъ, то мы перепечатываемъ и ее съ цензурными сокращеніями въ качествѣ второго приложенія. Въ этой замѣткѣ между прочимъ сообщается, что въ №№ 7 и 13 „Вольнаго Слова“, которыхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ въ библіотекѣ Румянцевскаго Музея, были напечатаны „выдержки изъ проекта статута Дружины и формула присяги ея членовъ“. В. Я. Богучарскій не упоминаетъ о томъ, что эти документы были напечатаны въ „Вольномъ Словѣ“. Относительно присяги онъ говоритъ слѣдующее: „Текстъ этой присяги въ нашихъ документахъ, къ сожалѣнію, не имѣется, но что таковая при пріемѣ

„братьевъ“ приносилась, объ этомъ намъ извѣстно изъ нѣсколькихъ источниковъ“ (стр. 306, примѣч. 2). Затѣмъ В. Я. Богучарскій передаетъ длинный разсказъ о томъ, какъ „извѣстный русскій писатель“ тридцать лѣтъ тому назадъ имѣлъ случай ознакомиться съ текстомъ этой присяги, но содержанія его не запомнилъ. Не проще ли было бы перепечатать этотъ текстъ изъ „Вольнаго Слова“, или по крайней мѣрѣ доказать, что „Вольное Слово“ сообщило неправильный текстъ? Очевидно В. Я. Богучарскій не видалъ этого номера „Вольнаго Слова“.

Всѣ эти упущенія были бы вполнѣ извинительны если бы В. Я. Богучарскій занимался только исторіей Священной Дружины. Но В. Я. Богучарскій посвящаетъ особую главу своей книги „Вольному Слову“, въ которой стремится доказать, что „Вольное Слово“ было органомъ группы лицъ, примыкавшихъ къ Священной Дружинѣ. Теперь, когда мы установили, что В. Я. Богучарскій не зналъ, когда писалъ свою книгу, четырехъ номеровъ, случайно выдернутыхъ изъ всего комплекта номеровъ „Вольнаго Слова“, мы естественно должны поставить себѣ вопросъ, насколько В. Я. Богучарскій вообще знакомъ съ „Вольнымъ Словомъ“. Онъ нигдѣ не выражаетъ сожалѣнія въ томъ, что какіе-либо номера „Вольнаго Слова“ были ему не доступны, и довольно много цитируетъ его. Слѣдовательно, получается такое впечатлѣніе, какъ будто бы онъ вообще знакомъ съ „Вольнымъ Словомъ“. Но если принять во вниманіе то, что В. Я. Богучарскій не знаетъ такихъ важныхъ для него номеровъ „Вольнаго Слова“, какъ вышеуказанные четыре номера (7, 13, 34 и 41), и что всѣ цитаты, приводимыя В. Я. Богучарскимъ изъ „Вольнаго Слова“, состоятъ исключительно изъ сообщенія различныхъ свѣдѣній, которыя въ свое время, конечно, перепечатывались и другими газетами съ указаніемъ источника, и могли быть заимствованы В. Я. Богучарскимъ изъ послѣднихъ, то мы въ правѣ предположить, что знакомство В. Я. Богучарскаго съ „Вольнымъ Словомъ“ совершенно случайно. Во всякомъ случаѣ у него не было

въ рукахъ комплекта „Вольнаго Слова“, и онъ его не изучалъ. Какое, однако, можно имѣть довѣріе къ пріемамъ историческаго изслѣдованія В. Я. Богучарскаго, если онъ считалъ возможнымъ выдвинуть столь тяжкое обвиненіе противъ „Вольнаго Слова“, а косвенно и противъ принимавшихъ въ немъ ближайшее участіе М. П. Драгоманова и В. А. Гольцева, не изучивъ основательно самое „Вольное Слово“?

В. Я. Богучарскій приводитъ со ссылкою на № 41 „Вольнаго Слова“ чрезвычайно характерный циркуляръ Судейкина (стр. 311, прим.). Циркуляръ этотъ представляетъ изъ себя такой выдающійся фактъ, что въ свое время перепечатывался, конечно, многими газетами и изъ одной изъ нихъ могъ быть заимствованъ В. Я. Богучарскимъ. Къ этому циркуляру В. Я. Богучарскій присоединяетъ свое восклицаніе: „Какъ же Судейкину было не негодовать на конкурентовъ!..“ Согласно со всѣмъ построеніемъ В. Я. Богучарскаго, конкуррентомъ Судейкина было отчасти и „Вольное Слово“, опубликовавшее этотъ циркуляръ. Въ „Вольномъ Словѣ“ этотъ циркуляръ вплетенъ въ статью. Но В. Я. Богучарскій не упоминаетъ объ этомъ, такъ какъ, вѣроятно, не видалъ этого номера „Вольнаго Слова“. Первая часть этой статьи не интересна, а по рѣзкости тона и нецензурна. Напротивъ, вторая часть чрезвычайно важна, такъ какъ показываетъ, что „Вольное Слово“, во-первыхъ, еще за пять мѣсяцевъ до ареста С. П. Дегаева предостерегало передъ Судейкинымъ, а во-вторыхъ, указывало на средства борьбы съ провокаціей. Повидимому, А. П. Мальшинскому приходилось мириться съ помѣщеніемъ въ „Вольномъ Словѣ“, и такой статьи, чтобы не разоблачить своей двойной роли. Эта статья заканчивается призывомъ къ джентльменству въ отношеніяхъ къ враждебнымъ политическимъ партіямъ и группамъ и къ осторожности въ обвиненіяхъ несогласно мыслящихъ въ сношеніяхъ съ полиціей. Мы перепечатываемъ эту часть статьи въ качествѣ третьяго приложенія.

I.

Дѣятельность Священной Дружины и программа Добровольной Охраны.

Въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ мы упомянули о различіи между «Священною Дружиною» и «Добровольною Охраною». На-дняхъ мы получили по этому предмету весьма обстоятельное сообщеніе. «Оба эти общества,—пишутъ намъ,—состоятъ изъ различнаго рода интригановъ, стремящихся къ власти путемъ полицейскаго добровольчества. Между ними существуетъ, однако, разница: «Дружина» просто-на-просто занимается сыскомъ; «охрана» же претендуетъ на значеніе политической партіи, имѣющей свою особую программу». Не удивительно поэтому, что, несмотря на общность пути и на состоявшееся въ началѣ нынѣшняго года соединеніе обоихъ обществъ, вожаки каждаго изъ нихъ и вліятельнѣйшіе изъ членовъ стараются каждый забѣжать впередъ въ милостяхъ ..... и подымаютъ между собой, хотя и скрытую, но тѣмъ не менѣе ожесточенную грызню изъ-за кости власти. Паденіе графа Игнатьева находится въ тѣсной связи съ своего рода подпольной борьбой этихъ двухъ тайныхъ опричнинъ. Дѣло въ томъ, что «дружиною» предводительствуетъ Побѣдоносцевъ, а «охраною»—гр. Воронцовъ-Дашковъ—оба люди приближенные къ царю и пользующіеся особымъ его довѣріемъ, а потому всякому министру и даже просто всякому сверчку, садящемуся не на свой шестокъ, чтобы удержаться на захваченномъ мѣстѣ или прицѣпиться къ государственному кормилу, предстоитъ прежде всего разрѣшить диллему: къ кому пристать: къ Побѣдоносцеву или къ Воронцову-Дашкову? Куда записаться: въ «дружину» или въ «охрану»? Разумѣется, существенной разницы въ убѣжденіяхъ (въ особенности же въ способахъ дѣйствія и въ конечныхъ цѣляхъ) обѣихъ соперничающихъ сторонъ не представляется,—да и не въ убѣжденіяхъ дѣло для интригановъ и честолюбцевъ, изъ которыхъ сплошь состоятъ оба «охранительныя» сообщества; трудность состоитъ лишь въ выборѣ карты изъ одной и той же колоды и даже масти,—трудность предугадать, какая изъ картъ въ данную минуту будетъ

дана и какая бита. На азартныхъ игроковъ находятъ иногда счастливыя наитія,—и тогда они срываютъ банкъ, въ противномъ же случаѣ проигрываются въ пухъ, и никому изъ участниковъ въ игрѣ не придетъ даже въ голову спросить: за что или почему?

Съ гр. Игнатьевымъ случилось то же, что и со многими другими игроками въ государственный штоссъ. По наитію онъ выбралъ карту политическаго status quo въ началѣ своей министерской карьеры, и также по наитію сошелъ съ этой карты или, можетъ быть, просто обдернулся на какое-нибудь одно очко, зазѣвавшись на московскую сирену «единенія царя съ народомъ». Нашъ корреспондентъ пишетъ, что графу Игнатьеву почудилось сочувствіе царя программѣ «Добровольной Охраны», потому, вѣроятно, что, еще будучи наслѣдникомъ, нынѣшній царь, говорятъ, вполнѣ раздѣлялъ основанія этой программы. Программа же «Добровольной Охраны»—ничто иное, какъ извлеченіе изъ извѣстныхъ «Писемъ» Фадѣева «О современномъ положеніи Россіи», изданныхъ въ прошломъ году за границею и затѣмъ перепечатанныхъ и распространенныхъ двумя изданіями въ Россіи, разумѣется, съ дозволенія начальства и даже на казенныя деньги. Теперь готовится четвертое изданіе, и въ припискѣ къ нему разработаны положенія, ставшія катехизисомъ «добровольцевъ». Положенія эти слѣдующія:

1) «Замѣна мѣстныхъ государственныхъ функцій, хозяйственныхъ и политическихъ (за исключеніемъ высшаго суда и политической полиціи) дѣятельностью земства, избирающаго на мѣсто исправника особый исполнительный органъ. (Стоитъ хлопотать!) 2) Признаніе за земствомъ права распоряжаться распредѣленіемъ, взысканіемъ и непосредственнымъ расходованіемъ всѣхъ прямыхъ податей и налоговъ, оставляя завѣдываніе и пользованіе косвенными налогами за государственнымъ казначействомъ [1]). 3) Распредѣленіе прямыхъ налоговъ сообразно имущественной состоятельности каждаго. 4) Избавленіе крестьянскихъ общинъ отъ уплаты выкупныхъ платежей за негодную или заброшенную ими землю, и надѣленіе землею дѣйствительно въ ней нуждающихся, при помощи: либо дешеваго (3%) кредита, либо иныхъ способовъ полюбовнаго или обязательнаго отчужденія части государственныхъ или помѣщичьихъ земель. 5) Земскій Соборъ, созванный, по древнему обычаю, ко дню вѣнчанія на царство и долженствующій повергнуть на усмотрѣніе верховной власти мнѣніе земли объ устройствѣ всероссійскаго земства».

Первые четыре пункта не требуютъ дальнѣйшихъ поясненій;

---

[1]) Ларчикъ открывается просто, если вспомнить, что косвенные налоги болѣе чѣмъ вдвое превышаютъ налоги прямые.

что же касается до предлагаемаго 5-мъ пунктомъ земскаго собора, то по проекту генерала Фадѣева, всероссійскому собору должны предшествовать мѣстные земскіе комитеты, «всенародные», т.-е. назначенные «не отъ существующаго земства, а прямымъ выборомъ трехъ сословій: землевладѣльцевъ, земледѣльцевъ и торговыхъ людей (безземельные ремесленники и работники мысли, слѣдовательно, исключаются), съ значительнымъ участіемъ выборныхъ сельскаго населенія (никакъ не устраняя искусственными мѣрами, такъ-называемыхъ міроѣдовъ, которые поэтому и міроѣды, что смышленнѣе[1]) другихъ, а въ политическомъ отношеніи совершенно благонадежны). Такъ какъ настоящая почва земства—въ уѣздѣ, губернія же есть дѣленіе административное, требующее постояннаго руководства со стороны власти, то и временныя совѣщательныя учрежденія для преобразованія земства должны преимущественно выражать мнѣнія уѣздовъ, находиться съ ними въ безпрерывной связи въ продолженіи своихъ работъ. Правительство постановитъ рѣшеніе, когда трудъ земскихъ людей будетъ совершенъ; предварительному же обсужденію центральной власти (по мнѣнію автора) должны подлежать лишь два предмета: «способъ образованія мѣстныхъ комитетовъ изъ сословныхъ выборныхъ и программа, устанавливающая кругъ ихъ дѣйствій». На этотъ конецъ предлагается дать «положительное указаніе предѣловъ, на которыхъ останавливается земская самодѣятельность въ ея законченномъ видѣ». Для того же, «чтобы направлять (?) работу комитетовъ въ предѣлахъ правительственной программы, и для того, чтобы свести ее, наконецъ, въ одно цѣлое, созвавъ опять для того главныхъ (?) мѣстныхъ дѣятелей—но уже новаго земства—необходимо центральное учрежденіе, въ родѣ дѣйствовавшаго при освобожденіи крѣпостныхъ, безъ тайны на этотъ разъ». Авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «каковъ будетъ составъ мѣстныхъ выборныхъ, таковъ будетъ и всероссійскій порядокъ, который имъ предстоитъ заложить снизу», а потому, вѣроятно, и предлагаетъ напередъ, какъ мы видѣли, не отстранять міроѣдовъ и вовсе не допускать къ избранію наиболѣе развитаго класса населенія—безземельныхъ тружениковъ всякаго званія и состоянія. Крестьянская темнота,

---

[1]) Отмѣчаемъ своеобразное міросозерцаніе московскихъ народниковъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и г-нъ Фадѣевъ. Мелкое барышничество на счетъ своего-же брата односельчанина, „заѣданіе чужого вѣка“ объясняется сметкою русскаго простолюдина: кто молъ „смышленнѣе“, тотъ и шкуру деретъ. Каковы же должны быть услуги, ожидаемыя для общиннаго и государственнаго общежитія отъ наиболѣе смышленныхъ людей изъ народа, „по древнему обычаю“ созванныхъ на совѣтъ для устроенія „земскаго и государева дѣла“?.

интересы барышничества (не исключая и мелкаго кулачества) и крупнаго землевладѣнія должны были лечь въ основу мнѣнія земли, «повергаемаго» на усмотрѣніе высочайшей власти, по проекту добровольцевъ охраны—этого своеобразнаго, вполнѣ «самобытнаго», на московскій ладъ, политическаго общества. Приведеніе въ исполненіе своихъ плановъ оно поручило графу Игнатьеву или послѣдній самъ, въ силу своей ..... вызвался провести ихъ ..... Поспѣшно и для многихъ весьма неожиданно министромъ внутреннихъ дѣлъ были представлены подробная записка и проектъ манифеста въ означенномъ смыслѣ. Царь одобрилъ и то, и другое—и дѣло было почти рѣшено. Но ..... не дремали. Побѣдоносцевъ обличилъ Игнатьева передъ царемъ въ какой-то лжи по совершенно побочному дѣлу—что, разумѣется, не представило особыхъ затрудненій—и проектъ манифеста былъ положенъ подъ сукно, а на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ назначенъ «наиконсервативнѣйшій» изъ сановниковъ—гр. Дм. Андр. Толстой. «Добровольцы», раздосадованные неудачею, рѣшились «по примѣру бывшей Милютинской партіи», искать правительственныхъ мѣстъ: до сихъ поръ они де чванились и отказывались отъ всякихъ полицейскихъ и административныхъ должностей, «теперь же, по словамъ нашего корреспондента, приняли рѣшеніе разыграть грандіозную интригу въ костюмахъ полицейскихъ чиновниковъ». Туда имъ и дорога!

„Вольное Слово“ № 41. Женева, 15 іюля 1882 г.

II.

„Le Révoltè“ и „Священная Дружина“.

Въ послѣднемъ, № 3, газеты „Le Révoltè“ находимъ слѣдующія строки: «Наши читатели помнятъ то, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мы напечатали объ основаніи тайнаго общества «священная дружина», ... и имѣющаго цѣлью убіеніе нѣсколькихъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ и Рошфора, добровольное шпіонство и т. п. «Народная воля» печатаетъ теперь имена важнѣйшихъ членовъ «Священной Дружины». Это ....., графъ Шуваловъ, кузенъ бывшаго шефа тайной полиціи [1]), Побѣ-

[1]) Если бы В. Я. Богучарскій болѣе основательно ознакомился съ „Вольнымъ Словомъ“, то онъ не сдѣлалъ бы своей ошибки и не принялъ бы гр. Шувалова, участника Священной Дружины, за гр. Павла Павловича Шувалова, такъ какъ послѣдній былъ п л е м я н н и к о м ъ гр. Петра Андреевича Ш., бывшаго шефа жандармовъ, а не его кузеномъ. Для большей точности отмѣтимъ, что гр. Павелъ Петровичъ Ш., участвовавшій въ Свя-

доносцевъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ, министръ Двора.....
..... Демидовъ-Санъ-Донато, Игнатьевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, богатый еврейскій банкиръ Гинцбургъ, гр. Бобринскій и Шульцъ, бывшій начальникъ III отдѣленія. Всѣ эти господа—представители крупныхъ капиталовъ, крупной поземельной собственности, т.-е. рабовладѣльцы, и крупныхъ рудниковъ.....
.....
Интересно отмѣтить, что «Вольное Слово», русскій журналъ въ Женевѣ, который отнесся къ намъ, какъ почти къ визіонерамъ, когда мы раскрыли существованіе этой «дружины», теперь говоритъ о ней въ своемъ послѣднемъ номерѣ, какъ о существующемъ фактѣ, прибавляя, что генералъ Игнатьевъ старался овладѣть «Дружиной», но что недавно г. Демидовъ успѣлъ преодолѣть вліяніе Игнатьева и взялъ рѣшительно верхъ въ этомъ интересномъ учрежденіи».

Мы замѣтимъ прежде всего, что никогда въ «Вольномъ Словѣ» не было сообщено того, что приписывается ему «Le Révoltè» въ послѣднихъ строкахъ,—а о г. Демидовѣ сказано было только, (№ 31), что, по слухамъ, онъ, какъ членъ этого «интереснаго учрежденія», обнаружилъ въ немъ «таланты, тщательно скрываемые имъ до сихъ поръ на другихъ поприщахъ». Дальше, въ «Вольномъ Словѣ» не только не отрицалось существованіе «Священной Дружины», но, напротивъ, того, «Вольное Слово», первое сообщило осязательныя данныя объ этомъ существованіи: выдержки изъ проекта статута «Дружины» и формулу присяги ея членовъ (см. №№ 7 и 13 въ прошломъ году). «Вольное Слово» относилось только отрицательно къ слухамъ о томъ, что эта «Дружина» имѣетъ цѣлью убивать заграничныхъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, г. Крапоткина, Дейча, или редактора «Intransigeant» и т. п. и называла довѣріе къ этимъ слухамъ (еще, Богъ знаетъ, кѣмъ и для чего пущеннымъ) «боязнью собственной тѣни» вредною, такъ какъ она отвлекаетъ вниманіе отъ дѣйствительныхъ замысловъ врага (№ 13). (Замѣтимъ, что г. Рошфоръ, какъ человѣкъ сообразительный и бывалый, этого довѣрія не обнаружилъ!), дѣйствительность оправ-

---

щенной Дружинѣ, былъ не двоюроднымъ, а троюроднымъ братомъ бывшаго шефа жандармовъ. Гр. Петръ Андреевичъ Ш., бывшій шефъ жандармовъ, и его братъ гр. Павелъ Андреевичъ Ш., бывшій варшавскій генералъ-губернаторъ, были сыновьями не гр. Андрея Павловича Ш., о которомъ сказано выше (см. стр. 97), а его двоюроднаго брата гр. Андрея Петровича Ш. Это тотъ гр. Андрей Шуваловъ, который выведенъ Мережковскимъ въ его романѣ „Александръ I“, онъ былъ женихомъ дочери Александра I и Нарышкиной. Б. К.

дала «В. Слово»: всѣ напуганные эмигранты живы и невредимы и до сихъ поръ, между тѣмъ какъ внутри Россіи «Дружина» принесла страшный вредъ.

Что касается въ частности до «Le Révoltè», то «Вольное Слово» до сихъ поръ избѣгало случая высказаться о немъ какъ бы то ни было. Но если уже угодно этой газетѣ знать, какъ «третируетъ» ее «Вольное Слово» въ данномъ вопросѣ, то оно можетъ узнать это изъ слѣдующихъ строкъ: «Le Révoltè» не представляя никакой изъ русскихъ соціально-политическихъ партій и фракцій и не имѣя ровно никакого значенія для революціоннаго движенія въ Россіи, не будучи даже въ состояніи давать европейской публикѣ вѣрныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній не только о положеніи Россіи, но даже и о совершающемся въ ней революціонномъ движеніи, но въ то же время говоря о послѣднемъ съ видомъ посвященнаго и при этомъ проповѣдуя разныя странности, напримѣръ, «терроризмъ» въ примѣненіи къ такимъ странамъ, гдѣ онъ не имѣетъ никакого смысла,—оказываетъ (конечно, невольно) самыя существенныя услуги русскому правительству, такъ какъ «Le Révoltè» революціонируетъ противъ русскаго революціоннаго движенія общественное мнѣніе въ Западной Европѣ, даже и въ тѣхъ кругахъ, которые должны бы сочувствовать этому движенію, или, по крайней мѣрѣ, понимать его. Поэтому, если только архангелы «Св. Дружины» не совершенные дураки, то они должны не только не затѣвать какихъ-либо покушеній, противъ сотрудниковъ «Le Révoltè» но, напротивъ того, поставить около нихъ спеціальныхъ ангеловъ, съ жалованьемъ, хоть въ 3,000 фр. въ мѣсяцъ, и заповѣсть этимъ ангеламъ, на рукахъ носить столь полезныхъ для абсолютизма людей,—да никогда преткнутъ они о камень ноги свои.

„Вольное Слово“ № 34. Женева, 27 марта 1882 г.

III

Сыскная политика полковника Судейкина.

. . . . . .

. . . . . .

(Циркуляръ Судейкина).

«При полицейскомъ вѣдомствѣ (департаментѣ государственной полиціи или повсемѣстно въ имперіи?) рядомъ съ «разслѣдовательной агентурою», устраивается особое отдѣленіе, завѣдывающее активнымъ воздѣйствіемъ на революціонную среду. Цѣль этого новаго учрежденія слѣдующая:

1. «Возбуждать помощію особыхъ активныхъ агентовъ ссоры и распри между различными революціонными группами. 2. Рас-

пространять ложные слухи, удручающіе и терроризующіе революціонную среду. 3. Передавать черезъ тѣхъ же агентовъ, а иногда помощію приглашеній въ полицію или кратковременныхъ арестовъ, обвиненія наиболѣе опасныхъ революціонеровъ въ шпіонствѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ дискредитировать революціонныя прокламаціи и разные органы печати, придавая имъ значеніе агентурной провокаціонной работы».

Г. Судейкинъ сообщаютъ намъ дальше, выдавая себя за чернопередѣльца, думаетъ возобновить угасшій органъ этой партіи и намѣренъ въ особенности показать себя на поддѣлкѣ ожидаемаго № 10 «Народной Воли», пользуясь попавшимся въ руки полиціи, при послѣднихъ арестахъ, рукописнымъ матеріаломъ и даже шрифтами и бумагой «Народной Воли». Печатаніе поддѣлки уже начато. Она будетъ отличаться отъ ожидавшагося подлинника лишь тѣмъ, что появится съ исключеніями нѣкоторыхъ, слишкомъ «тяжелыхъ мѣстъ»; зато къ фальсификаціи будетъ добавленъ особый списокъ шпіоновъ и разныя другія замѣтки, входящія въ расчеты полиціантовъ.

Сообщаютъ еще и про другія продѣлки г-на Судейкина съ оппозиціонною печатью; но о нихъ мы помолчимъ покуда. Пускай жандармскіе Одиссеи, желая запутать общественныя понятія и отношенія, запутаются покрѣпче сами!

А какъ общую мѣру противъ всѣхъ этихъ жандармскихъ тонкостей и хитростей, можно рекомендовать всѣмъ революціоннымъ и оппозиціоннымъ кружкамъ самое строгое требованіе личной порядочности отъ своихъ членовъ и соблюденіе порядочности же во взаимныхъ кружковыхъ и партіозныхъ отношеніяхъ. При обязательности въ отношеніяхъ между членами кружковъ и въ отношеніяхъ междукружковыхъ того, что англичане называютъ джентельменствомъ, и что должно быть основою человѣческихъ отношеній, не нарушимою ни ради какихъ личныхъ, кружковыхъ и партіозныхъ соображеній,—никакіе жандармскіе Одиссеи не могутъ быть страшны. И, наоборотъ, при отступленіи отъ этого джентельменства, немедленно открывается лазейка для провокаторовъ и шпіоновъ, не говоря уже о всякаго рода интриганахъ. Чтобы наши слова были болѣе понятны мало посвященнымъ, мы намекнемъ на нѣкоторыя подробности. Намъ извѣстны примѣры не только заподозрѣванія, но даже убійства заподозрѣнныхъ по весьма недостаточнымъ основаніямъ. Такіе примѣры должны возбудить въ г. Судейкинѣ надежды съ успѣхомъ пустить въ ходъ первую половину 3-го § его циркуляра. Далѣе народоволецъ Исаевъ допустилъ въ своей рѣчи на судѣ замѣчанія на счетъ разрушительности стремленій партіи «Чернаго Передѣла»,—и тѣмъ, конечно, подалъ г-ну Судейкину

мысль самому представляться «черноперед'льцемъ». Наконецъ, не осмѣляетъ ли жандармскихъ интригановъ та легкость, съ какою россіяне бросаютъ въ своихъ соперниковъ обвиненіями въ сношеніяхъ съ Ш-мъ отдѣленіемъ, обвиненіями, которыя столько разъ произносились въ послѣднее время и печатно, начиная съ полемики «якобинцевъ» противъ «лавристовъ».

Конечно, всѣ эти промахи и грязь, равно какъ и всѣ хитрости жандармскихъ Одиссеевъ плаваютъ весьма мелко,—ну, да все-таки зачѣмъ же давать возможность проходимцамъ ловить въ мутной водѣ и мелкую рыбу?!

„Вольное Слово“ № 41. Женева, 15 іюля 1882 г.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. П. Драгомановъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Подъ редакціей проф. И. М. Гревса и Б. А. Кистяковскаго. Томъ I. Центръ и окраины. Москва. 1908. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. **Цѣна 2 р. 50 к.**

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ редакторовъ И. Гревса и Б. Кистяковскаго. **М. П. Драгомановъ.** Его политическіе взгляды, литературная дѣятельность и жизнь. Б. Кистяковскаго. Предисловіе къ первому тому. Б. Кистяковскаго. Сочиненія **М. П. Драгоманова:** Восточная политика Германіи и обрусеніе. Евреи и поляки въ Юго-западномъ краѣ. Русскіе въ Галиціи. Литературное движеніе въ Галиціи. Литературно-общественныя партіи въ Галиціи. Новыя движенія среди русскихъ галичанъ. Всеобщее голосованіе и русины въ Австріи.

Цѣна 1 руб.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ
Т-ва „Н. П. Карбасниковъ".
Москва, Моховая, д. Баженова.